

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 4 · 2010

**ЧЕЛОВЕК
СООБЩЕСТВО
УПРАВЛЕНИЕ**
Научно-информационный
журнал

4-2010

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета Российской Федерации по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются

по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ. Адрес: Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 28.12.2010

Уч.-изд. л. 12,3. Усл. печ. л. 11,1

Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У)); **Арутюнян Л. А.**, д-р филос. н., проф. (Ереванский ГУ); **Бабешко В. А.**, д-р физ.-мат. н., проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В. П.**, д-р пед. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А. А.**, д-р психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD, проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США); **Жаде З. А.**, д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ); **Зинченко Ю. П.**, д-р психол. н., проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова); **Знаков В. В.**, д-р психол. н., проф. (Институт психологии РАН); **Иванов А. Г.**, д-р ист. н., проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. н., проф. (РАО); **Латфуллин Г. Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос. ун-т управления); **Марьян М. И.**, д-р психол. н., проф. (МВД РФ); **Никовская Л. И.**, д-р социол. н., проф. (Институт социологии РАН); **Романова А. П.**, д-р филос. н., проф. (Астраханский ГУ); **Рябикина З. И.**, д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**, д-р филос. н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л. А.**, д-р ист. н., проф. (Пермский ГУ); **Шабров О. Ф.**, д-р полит. н., проф. (РАГС); **Шпак В. Ю.**, д-р филос. н., проф. (Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р экон. н., проф. (зам. гл. редактора); **Белоконь Т. М.**, канд. филол. наук, доц.; **Дёмин А. Н.**, д-р психол. н., проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В. В.**, канд. тех. н., доц.; **Ждановский А. М.**, канд. ист. н., проф.; **Кимберг А. Н.**, канд. психол. н., доц.; **Кольба А. И.**, канд. полит. н., доц. (зам. гл. редактора); **Курбатова Г. С.**, отв. секретарь; **Лаврова Т. Г.**, канд. экон. н., доц.; **Лузаков А. А.**, д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э. Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Мясникова Т. А.**, канд. экон. н., доц.; **Оберемко О. А.**, канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л. Н.**, д-р психол. н., проф.; **Остапенко А. Н.**, д-р пед. н., проф.; **Савва Е. В.**, канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю. В.**, канд. экон. н., проф.; **Фоменко Г. Ю.**, д-р психол. н., проф.; **Юрченко В. М.**, д-р филос. н., проф. (зам. гл. редактора)

4-2010

Содержание

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Юрченко В.М., Юрченко И.В., Савва Е.В., Герасимов И.А. К построению модели информационной безопасности полиэтничного региона (на материалах Юга России) 4

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: типы поведения акторов 16

Кольба А.И. Управление конфликтами в сфере взаимодействия власти и бизнеса современной России: региональный аспект 25

Самаркина И.В. Политическая картина мира и общественные практики молодежи: опыт эмпирического исследования 36

Егунов А.В. Государственная политика Российской Федерации в отношении ислама: проблемы и перспективы 46

Леонова М.В. Оценки и пути развития электронного участия в Российской Федерации 57

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Забродин Ю.М. Психология организации поведения субъекта 69

Юрию Михайловичу Забродину 70 лет 91

Поварёнков Ю.П. Положения системогенетической концепции профессионального становления и реализации субъекта труда. Часть 1 96

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Попова Н.В. Структура психологического потенциала личности в зависимости от масштаба деятельности (на примере предпринимательской деятельности) .. 113

Омельченко Н.В. Диспозиционные особенности (черты личности и ценностные ориентации) играющих в компьютерные игры с разным игровым опытом. 124

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 133

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 134

К ПОСТРОЕНИЮ МОДЕЛИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)

В. М. Юрченко, И. В. Юрченко, Е. В. Савва, И. А. Герасимов¹

В статье анализируется проблема моделирования безопасной информационной среды на материалах Юга России. Информационно-аналитическая деятельность рассматривается как инструмент обеспечения стабильности и безопасности в полиэтничном регионе. Обосновывается тезис о том, что при построении модели информационной безопасности необходимо определить возможности и степень прогнозируемости изменений объекта.

Ключевые слова: моделирование, экспертная диагностика, полиэтничный регион, политический конфликт.

In the article the problem of modelling of the safe information environment on materials of the South of Russia is analyzed. Information-analytical activity is considered as the tool of maintenance of the stability and the safety in the polyethnic region. The thesis is proved that a construction of model of information safety it is necessary to define possibilities and degree of the predictability object changes.

Key words: modeling, expert diagnostics, polyethnic region, political conflict.

---

¹ Юрченко Виктор Михайлович – доктор философских наук, профессор, проректор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Юрченко Инна Вадимовна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. Эл. почта: polit-sociology@mail.ru

Савва Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Герасимов Игорь Алексеевич – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: politics@kubsu.ru

Статья выполнена в рамках реализации проекта «Информационная безопасность в полиэтничном социуме (на материалах ЮФО)» аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки Российской Федерации и Федерального агентства по образованию «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)» на 2010 год, № 2.1.3/3824.

Моделирование вообще и моделирование безопасной информационной среды в частности имеет общие теоретические корни с фундаментальной теорией систем. В русле именно этой традиции сформировался ряд наиболее перспективных концептуальных подходов к моделированию изучаемых объектов [см.: 3]. Несмотря на значительные различия в оценках и конкретных методах, выработанных в рамках этого научного направления, принцип системности стал методологической основой социального моделирования. В контексте нашего исследования интересной представляется интеграционная концепция построения модели Галтунга, который предлагает несколько стадий последовательного осмысления связи между эмпирическими фактами и соответствующими ценностями [13, с. 30–43]. Это позволяет понять, почему эмпирический мир таков, каким он является, и предвидеть его возможное развитие. При этом создается модель, образ предпочтительного будущего и определяется потенциальная возможность его достижения через выработку и анализ предложений по проведению изменений. Таким образом, речь идет о «творении реальности» или «исправлении реальности». В этом случае наука и политика объединяются в своем стремлении к достижению более высокой степени соответствия между наблюдаемым, предвидимым и предпочтительным [9, с. 772]. Модель — это концептуальный инструмент, ориентируемый в первую очередь на управление моделируемым процессом или явлением.

С методологической точки зрения следует различать статические модели, которые представляют собой снимок определенного региона в определенный период времени, и динамические модели, которые должны давать «картину развития наших конструкций во времени» с учетом вариативности [15]. Одной из наиболее сложных познавательных проблем является выработка понятий для описания структуры значений, которая выстраивается как конфликтная региональная модель. Модель рассматривается как концептуальный инструмент, нацеленный в первую очередь на управление моделируемым процессом или явлением. Ограничивающая возможность моделей заключается в том, что они статичны по своей сути, однако действительность постоянно изменяется, поэтому необходимо динамическое моделирование процессов взаимодействия, влияющих на состояние безопасности и появление новых угроз и рисков [14, с. 129]. При разработке модели информационной безопасности нужно определить отправную точку этого процесса, а именно цивилизационную специфику России в целом, обусловленную ее геополитическими условиями, а также особенности субрегионов разного уровня, отдельных субъектов Федерации и их неравномерное развитие, наличие ценностных рассогласований и локальных участков социальной аномии.

При разработке модели информационной безопасности необходимо учитывать наиболее полные характеристики внешней среды, не ограничивающиеся однополярной либеральной глобализацией, а учитывающей геополитическую и социокультурную специфику многополярного мира.

Прежде всего необходим анализ и системное моделирование взаимодействия главных сил, находящихся в состоянии противоборства, с учетом их основных информационных ресурсов и тактики поведения, что позволяет определить наиболее вероятные сценарии развития ситуации в определенный промежуток времени. Системная модель конфликта в информационной сфере основана на определенной классификации, т.е. выделении из всего множества событий и явлений, оказывающих воздействие на возникающий конфликт, тех факторов, которые, с точки зрения аналитика, имеют решающий вес. В структуру системной динамической модели необходимо включать системные факторы (внешне- и внутриэкономические, внешне- и внутривнутриполитические, социальные); субъектные факторы (основные политические акторы); ресурсные факторы (использование суггестивных технологий, обладание символическим капиталом и организационными возможностями артикуляции и тиражирования своей политической формулы); тактические приоритеты основных участников регионального политического процесса [12, с. 208].

В научном инструментарии моделирования информационной безопасности центральное место отводится разработке системы показателей информационной безопасности и ее индикаторов. Под индикаторами информационной безопасности мы понимаем определенные пороговые показатели, выход за пределы которых означает появление реальных угроз конкретному объекту. Разработка индикаторов — сложная методологическая проблема. В настоящее время используются различные подходы к их построению в зависимости от целей и задач исследования. Так, индикаторами могут служить показатели тревоги, уровень доверия/недоверия к источникам информации, властным институтам, мигрантофобия, степень распространности «языка вражды», используемые технологии разжигания межэтнической розни, способность властной элиты достигать компромиссов в межэтническом диалоге, влияние институтов гражданского общества на тематизацию политического дискурса и др.

Использование таких индикаторов при реальной оценке степени социально-политической безопасности в конкретно взятом регионе, тем более таком потенциально опасном, как Юг России, на наш взгляд, особенно актуально. Но для проведения реальной оценки необходима конкретизация или дробление практически всех перечисленных индикаторов. Следует отметить, что структура явлений, образующих социально-политическую безопасность, — это в первую очередь особый вид общения между людьми,

а лишь потом связь с разного рода системами. В конечном счете все факторы, обеспечивающие информационную безопасность в полиэтничном социуме или подрывающие ее, складываются на основе персонально ориентированных и естественно повторяющихся единичных действий. В гуманитарных науках важным шагом в развитии моделирования стал когнитивный подход, позволяющий учитывать креативный характер присущих человеку рассуждений.

Для построения модели информационной безопасности в полиэтничном пространстве можно также выделить индикаторы информационной «этноактивности» влиятельных акторов политического взаимодействия; этническую самоидентификацию; представление об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках; представление о «национальном характере» и о внешнеповеденческом облике этносов; культурно-историческую память, в ходе которой происходит этнокультурная трансмиссия, позволяющая существовать этничности на протяжении поколений. Следует учитывать сложную структуру этнического самосознания, состоящую из когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов и оказывающую влияние на уровень социально-политической безопасности как напрямую, так и опосредованно — через информационные потоки.

Также необходима детальная разработка таких социально-политических индикаторов, как: наличие и влияние диаспор на информационную среду социума; наличие групповой идеи и идеологии и отражение их в СМИ; уровень толерантности в политико-информационном пространстве полиэтничного социума; характер воздействия общественных объединений на политическую коммуникацию; различные формы протеста, их информационный резонанс; эффективность информационных технологий правозащитной деятельности (конструктивной и деструктивной).

Таким образом, использование индикаторов в экспертной диагностике информационной среды в целях разработки способов социального оздоровления полиэтничного, конфликтного общества служит базовым элементом научного моделирования (рис. 1). В процессе построения модели информационной безопасности прежде всего нужно определить характер целеполагания, которое осуществляет субъект, обладающий властью и осуществляющий информационную политику. Символопроизводящая элита с той или иной степенью эффективности продуцирует смысловое содержание политической идеи в различных форматах дискурса. В своей совокупности эти смыслы и символы являются сигналами для лояльной и оппозиционной общественности, включающейся в общую дискуссию по приоритетным проблемам властеотношений. Средства массовой информации, в свою очередь, активно влияют на тематизацию дискурса и тиражирование смыслов и символов, объединяющих или, наоборот, разъединяющих население

Рис. 1. Экспертная диагностика информационной среды в целях разработки способов социального оздоровления

по признакам материального достатка, национальной и конфессиональной принадлежности, половозрастным и другим параметрам. В политико-информационном пространстве идет постоянная борьба за право навязывать свое понимание легитимности, что вызывает в обществе расслоение по критерию доверия/недоверия к власти, к СМИ, к политическим лидерам. Таким образом, в обществе постоянно присутствует опасность возникновения кризиса доверия и кризиса легитимности.

Следовательно, информация, информационная политика выступают мощным основанием власти и стратегическим национальным ресурсом. А доверие — это важнейшая проблема власти, правящей элиты, правительства, стремящихся к консолидации социальных групп и созданию условий для осуществления стратегии развития.

Информационная безопасность предполагает обеспечение взаимного коммуникативного многоуровневого доверия в пространстве межэтнических взаимодействий полиэтничного социума, значительно преобладающего над возможными проявлениями недоверия.

Необходимость формирования новой парадигмы информационной безопасности региона определена существенными изменениями характеристик информационной среды. Развитие элементов информационного общества (в частности, Интернета), усиление взаимодействия между этими элементами и изменение нормативной базы — основные направления динамики этой среды.

При построении модели информационной безопасности следует учитывать специфику региона. Как и у большинства понятий, используемых в нашей статье (этничность, нация), к пониманию концепта «регион» существует множество подходов. В рамках объективистских концепций регион понимается как пространственная общность, возникшая естественно-историческим путем.

Постмодернизм отстаивает концепцию «конструируемого региона». В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, А. В. Дмитриев выдвигают идею синтеза постмодернизма и объективизма в исследовании региона [1, с. 13]. Полагаем, что если в качестве региона выделять федеральные округа, то перед нами будет яркий пример административного и политического конструирования, поскольку о «естественно-историческом» компоненте округов можно вести речь лишь через несколько десятилетий, если, конечно, к тому времени данная административная единица сохранится. Юг России в данном исследовании рассматривается в контексте новой конфигурации федеральных округов, которая сложилась в результате разделения ЮФО на два самостоятельных округа: Южный федеральный округ и Северо-Кавказский федеральный округ.

Более сложными являются критерии выделения в качестве региона Северного Кавказа. Северный Кавказ до недавнего времени был составной частью Южного федерального округа. Но федеральный округ — это результат недавнего администрирования. Указом Президента Российской Федерации от 19 января 2010 года из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ. В состав его вошли Ставропольский край, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алания, Ингушетия, Чечня, Дагестан. Но Северный Кавказ понимается и как историко-культурная территориальная общность. Конечно, в определении границ Северного Кавказа существенную роль играют административный, политический и интеллектуальный факторы. С точки зрения В.С. Белозерова, Северный Кавказ состоит из десяти субъектов Федерации: одной области (Ростовской), двух краев (Ставропольского и Краснодарского) и семи республик (Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии — Алании, Ингушетии, Чечни и Дагестана) [4, с. 11].

В научной литературе предпринята попытка применить новое название региона — Российский Кавказ [10], подчеркивающее государственную принадлежность данной территории. Среди значимых характеристик данного региона важно отметить следующие. Во-первых, печальное лидерство по уровню этнополитической напряженности, фиксируемое многочисленными исследованиями [см., например: 5; 7]. По мнению В.А. Авксентьева, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриева, Северный Кавказ характеризует «наличие в нем в нем политической доминанты — системного этнополитического кризиса» [1, с. 14]. Во-вторых, особое стратегическое значение в системе национальной безопасности Российской Федерации. В-третьих, это уникальная полиэтничность региона. В-четвертых, неравномерность процессов модернизации в регионе, высокий уровень традиционализма. Этническая специфика советского модернизационного проекта «привела к созданию на Северном Кавказе русского промышленного сектора, но город с его промышленным потенциалом оказался не укорененным в северокавказском культурном пространстве» [6, с. 134]. В постсоветский период для региона характерны конфликты по поводу земельной собственности (Дагестан, Чечня, Ингушетия и др.) в формах, присущих аграрному, но не индустриальному, тем более не постиндустриальному обществу.

Цель формирования позитивной гражданской идентичности населения должна быть признана приоритетной в структуре региональной информационной безопасности. Выполнение данной цели невозможно без решения целого ряда задач, важнейшими из которых следует признать:

- повышение уровня открытости деятельности органов власти;
- повышение эффективности взаимодействия органов власти и структур гражданского общества;

— преодоление разрыва в уровнях модернизации народов Северного Кавказа;

— выявление общественного мнения, реального отношения населения к актуальным социально-политическим проблемам регионального развития;

— целенаправленную работу по формированию таких установок общественного сознания, как этническая толерантность, непримиримость к нарушению норм российского законодательства, патриотизм.

Безопасность в полиэтничном обществе обусловлена доминированием индивидов с нормальной позитивной этнической идентичностью. Г. У. Солдатова определяет позитивную этническую идентичность как такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой — как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтничном мире. Этническую идентичность по типу «нормы» характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам [11]. На это важное обстоятельство указывает и Н. М. Лебедева. Позитивную этническую идентичность, которая служит основой этнической толерантности, она определяет как соотнесение себя с данным этносом на основе позитивной оценки индивидом его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма [8, с. 27].

Информационные потоки играют важную роль в формировании этнических установок. Помимо той информации, которую индивид получает в семье, важную роль играют также декларации властных элит, СМИ, учебная, научная, художественная литература.

Для обеспечения информационно-аналитической деятельности важно соответствующим образом организовать как саму информацию, так и направления информационных потоков. Но сам процесс организации возможен лишь при наличии сформированной методологии работы с информацией. Поскольку реализация эффективной политики региона предполагает использование современных информационных технологий, существенное значение имеют системы управления базами данных, касающихся тенденций в полиэтничной среде.

Важным направлением оптимизации воздействия СМИ на политическое участие населения региона является целенаправленная совместная деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества по разработке информационной стратегии, ориентированной на реализацию позитивной стратегии интеграции населения в политику,

стимулирование его социальной и гражданской активности. Социально-политическая обстановка в регионе актуализирует проблему обеспечения информационной безопасности в сфере молодёжной политики. В условиях нестабильной межэтнической обстановки властные элиты должны ориентировать СМИ на создание безопасного информационного пространства, способствующего позитивной межэтнической коммуникации и формированию толерантных установок в молодёжной среде.

Среди информационных потоков, оказывающих существенное влияние на формирование установок общественного сознания, особо следует выделить интернет-ресурсы. Интернет стал доминирующим информационным каналом для городской молодежи. Постоянное расширение аудитории активных пользователей Интернета позволяет предположить, что в ближайшее время в России он будет основным информационным каналом для всей социально-демографической группы молодежи.

Информационное поле на Северном Кавказе формируется не только официально издаваемой прессой. Угрозу региональной и общенациональной безопасности представляет литература, издаваемая и распространяемая подпольно в виде брошюр и листовок, сайты экстремистов. В ней проповедуются идеология религиозно-политического экстремизма, сепаратизма, превосходство верующих мусульманского вероисповедания, неполноценность представителей иных конфессий [2, с. 388–390]. Эффективное противодействие данным информационным угрозам невозможно без привлечения широких слоёв общественности.

В качестве субъектов региональной информационной безопасности выступают:

- органы государственной власти субъектов РФ;
- органы местного самоуправления;
- правоохранительные органы;
- журналисты местных СМИ;
- региональные отделения политических партий;
- некоммерческие организации.

В качестве объекта целенаправленного информационного воздействия следует выделить полиэтничное население региона.

Специфика информационного обеспечения деятельности органов власти состоит в том, что оно является элементом системы и процесса управления. Поэтому данная деятельность имеет преимущественно прикладной, а не теоретический характер, в ней преобладают внутренние ограничения системы по времени подготовки материалов, их полноте, достоверности, обоснованности, ответственности исполнителей. Соответственно, основ-

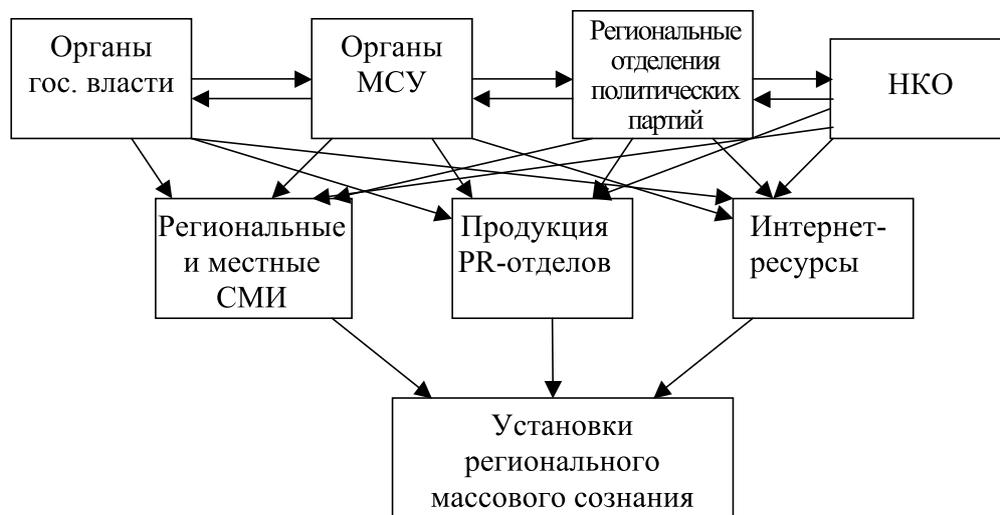

Рис. 2. Региональная модель информационных взаимодействий

ное внимание уделяется оперативности и эффективности предоставляемой информации.

Органы власти (всех ветвей и уровней) зачастую задействуют лишь традиционные механизмы информационного воздействия на население: статьи в печатных СМИ, телевизионные и радиопередачи. В современных условиях они становятся малоэффективными. Не уделяется должного внимания работам PR-отделов, интернет-ресурсам. Кроме того, зачастую применяются устаревшие подходы к критериям информационной безопасности, трактующие последнюю как закрытость, засекреченность. В то же время повышение информационной открытости органов государственной власти и местного самоуправления является важнейшим направлением изменения информационной среды. С 1 января 2010 г. вступил в силу Федеральный закон «О доступе к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», который существенно увеличил объем информации, подлежащей обязательному обнародованию.

Подсистема обеспечения информационной безопасности полиэтничного региона как составная часть системы национальной безопасности включает в себя статические и динамические компоненты и неизбежно испытывает на себе влияние пространственных уровней: глобального, международного, национального и локального. При построении модели информационной безопасности (рис. 2) необходимо определить возможности и степень прогнозируемости изменений объекта. Существуют возможности однозначного предсказания опасностей и угроз или частично прогнозируемая динамика событий, когда степень вероятности и достоверности велика

лишь в некоторых аспектах системы обеспечения региональной безопасности. Но следует учитывать и такие тенденции, которые относятся к сложнопрогнозируемым или вообще непрогнозируемым аспектам обеспечения информационной безопасности, что обусловлено событийным характером политического процесса, в связи с чем невозможно с высокой степенью достоверности предсказать возникновение тех угроз и вызовов, которые еще не проявились и находятся в латентном состоянии. Поэтому разработка и уточнение механизмов обеспечения информационной безопасности должны иметь перманентный характер.

Реализация динамической модели информационной безопасности будет способствовать устойчивому поступательному развитию региона, повышению уровня безопасности не только в регионе, но и в стране в целом.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М.: Альфа-М, 2008.
2. Алиев А.К., Арухов З.С., Хаубабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.
3. Баскакова Ю.М., Андропова И.В. Влияние доступа к информации на модели политического участия в российских регионах // Инфокоммуникационные технологии. 2006. №4.
4. Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005.
5. Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов н/Д: РГПУ, 1996.
6. Денисова Г.У., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: РГПУ, 2003.
7. Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения: сб. материалов Междунар. круглого стола. Ростов н/Д: СКАГС, 2003.
8. Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
9. Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
10. Российский Кавказ: книга для политиков/под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформротех», 2007.
11. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
12. Юрченко В.М., Юрченко И.В. Теория региональной безопасности в современном социополитическом сознании // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. Ставрополь: СГУ, 2008. Вып. 17.
13. Юрченко И.В. Полипарадигмальность социально-политического познания // Человек. Сообщество. Управление. 2002. №1.

14. *Юрченко И.В.* Региональная безопасность как предмет конфликтологического анализа (апология методологического плюрализма) // Полис. 2007. №6.
15. Dynamic Modeling. URL: <http://www.systems-thinking.org/dynmod/dynmod.htm>

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: ТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ АКТОРОВ

Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко¹

По данным о действиях социальных сетей анализируются типы поведенческих стратегий и функции участников сетевых сообществ в условиях чрезвычайных ситуаций. Адаптируя предложенную Б. МакКонелл и Дж. Хуба типологию «4Ф-политически активных пользователей», авторы уделяют особое внимание «функционерам», вносящим конструктивный вклад в предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций. Обосновывается вывод о том, что новые возможности социальных сетей повышают роль сетевых практик в сфере публичной политики.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, социальные сети, поведенческие стратегии, краудсорсинг.

According to the actions of social network analysis of the types of behavioral strategies and functions of members online communities in emergency situations. Adapting the proposed B. McConnell and J. Hub typology «4F-politically active users», the authors pay particular attention to «functionaries» that make a constructive contribution to the Disasters and Emergencies. The conclusion is that the new possibilities of social networks increase the role of network practices in the field of public policy.

Key words: emergency situations, social networks, behavioral strategies, crowdsourcing.

Ощущение грядущей опасности, характерное для мировосприятия современного человека, значительно усугубляется осознанием того, что полный объем рисков, с которыми сталкивается человечество, будет осмыслен только в далеком и неопределенном будущем [6]. В связи с этим формирующаяся модель современного мира в качестве центральной выдвигает проблему риска [1; 2], а в политическом управлении на первый план выходят проблемы без-

¹ Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: morozova_e@inbox.ru

Мирошниченко Инна Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: mirinna78@mail.ru

опасности. В среднесрочной перспективе кризисы и чрезвычайные ситуации остаются одними из важных вызовов безопасности. По различным оценкам, ежегодный ущерб от чрезвычайных ситуаций в нашей стране составляет около 3% объема валового внутреннего продукта. Невосполнимые ежегодные потери в результате чрезвычайных ситуаций достигают 70 тыс. чел. и более 300 особо ценных объектов природного и культурного наследия российского и всемирного значения [18].

Анализ тенденций в области безопасности общественного развития и прогнозы показывают, что опасности, связанные с чрезвычайными ситуациями, приобретают все более комплексный и взаимосвязанный характер. При ЧС действует критическая необходимость быстрого и четкого согласования стратегии и тактики взаимодействия спасателей и спасаемых как друг с другом, так и внутри своих групп. В последние годы активную роль в предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций стали играть принципиально новые субъекты гражданского общества в виде локальных структур — комьюнити (community), или сетевых сообществ [7, с. 34–40]. Сетевые сообщества — это относительно неустойчивая совокупность людей, взаимодействующих посредством системы интернет-коммуникаций, обеспечиваемых службами сети Интернет, обладающих общностью интересов и осуществляющих совместную деятельность в виртуальном пространстве [11]. Ю. Хабермас главными характеристиками сетевого гражданского общества считает «открытость» как «установление широких, многомерных связей коммуникации», а также «спонтанность» — «свободное формирование, текучесть, постоянное изменение» структуры [20, с. 21].

Социальные сети получают развитие в глобальном масштабе. Статистика зарегистрированных пользователей LiveJournal.com² выглядит следующим образом: США — 4775400, Россия — 1464116, Великобритания — 433303, Канада — 425021, Украина — 231937 [19].

Социальные ресурсы сетевых сообществ позволяют им реализовать ряд функций, с помощью которых происходит актуализация сетевых сообществ как субъектов действий в условиях чрезвычайных ситуаций. Согласно социологическому исследованию Американского Красного креста [23], посвященному роли социальных сетей в информационной работе при чрезвычайных ситуациях, 42% респондентов получали информацию в сети Интернет, среди них 6% уже получали информацию об опасных ситуациях через Twitter³, 14% — через

² 18 марта 1999 г. американский программист Брэд Фицпатрик открыл сервис онлайн-блогов LiveJournal («Живой журнал» – ЖЖ). Изначально проект планировался как блог-платформа для общения друзей основателя, но позже перерос в один из самых популярных сайтов в мире. Сегодня ЖЖ позиционируется и как социальная сеть. 11 марта 2010 г. на сайте зафиксировано более 25 млн зарегистрированных пользователей (в 2005 г. было 8,9 млн, в июле 2007 г. – 13 млн) [19].

³ Twitter (существует с 2006 г.) – социальная сеть, основанная на сервисе микроблогов. За

Facebook⁴, 12% — через сайты местных властей, 10% — через сайты профильных ведомств, 7% — через мобильные приложения. Около 50% опрошенных заявили о готовности распространять через собственные соцмедиа-аккаунты важную информацию.

Благодаря программным сервисам у членов сетевых сообществ появилась возможность использовать инструменты оперативного поиска нужных контактов и быстрого установления связей между людьми для совместных гражданских акций и общественной деятельности, тем самым реализуется функция самоорганизации сообществ. Данные сообщества в какой-то степени конкурируют со специализированными некоммерческими организациями, организуя самостоятельную сетевую волонтерскую активность граждан. В сети даже появился термин *digital volunteers* (букв.: цифровые волонтеры), обозначающий людей, которые физически могут и не быть на месте бедствия, но находят важную информацию и распространяют её через социальные медиа. Если бы пользователи Интернета знали, что кто-то нуждается в помощи, то 44% просили бы других людей в своих социальных сетях войти в контакт с властями, 35% разместили бы прямую просьбу о помощи на Facebook и 28% послали бы прямое сообщение на Twitter [22].

Как заметил В. Римский, «виртуальный характер социальных групп пользователей сети Интернет не отменяет их социальных характеристик» [13, с. 6]. Сетевые волонтеры, оказывая помощь другим, идентифицируют себя прежде всего как граждане (хотя, весьма вероятно, для части из них была привлекательна идентификация с образом спасателя, воспринимаемым позитивно большинством россиян).

Участники сетевых сообществ в чрезвычайных ситуациях используют различные дискурсивные формы в создании и развитии медиакommюнити.

Медиакommюнити представляет собой интерактивную среду, способствующую не только формированию принципиально новых информационных возможностей для политических дискуссий и участия, но и конституированию новых групп и контргрупп политической сетевой общественности. Медиакommюнити проявляется в виде деятельности в социальных сетях и блогосфере так называемых четырех Ф-политически активных пользователей: «фильтров», «фанатиков», «функционеров» и «фейерверков», которые выполняют различные функции в формировании общественного мнения и концентрирующих свое участие в «окантовочных» фазах публичной политики — составлении политической повестки и оценке политики [10, с. 19–43].

последнее время рост количества пользователей сервиса бьет все рекорды. По данным исследования компании Nielsen Online, всего за год его аудитория выросла на 1 500 % и на сегодняшний день составляет 37 млн [19].

⁴ Социальная сеть Facebook, существующая с 2004 г., насчитывает в настоящее время более 400 млн активных пользователей [19].

Предложенную МакКонелл Б. и Хуба Дж. типологию 4Ф мы попытались адаптировать применительно к действию пользователей в условиях ЧС.

«Фильтры» — это пользователи, которые передают информацию по «человеческим проводам». Они собирают информацию из традиционных СМИ, из болтовни блоггеров и прочих интернет-источников, а затем создают из этих данных периодические выпуски коротких историй, сводок и обзоров. Примером действия «фильтров» в какой-то мере могут служить сообщества препперов⁵. Кризис и постоянная угроза террористической атаки вдохнули новую жизнь в древний инстинкт «Остаться в живых». Социальные сети препперов, которые возникли в течение последних нескольких лет во многих странах, прежде всего в США, дают консультации по вопросам подготовки запасов продовольствия, о том, как вырастить урожай в своём саду, как охотиться и как можно защитить себя [9].

«Фанатики» представляют собой сторонников или противников реальных политических субъектов (политических партий и политиков), которые активно включены в оценочный процесс обсуждения их политической деятельности. Данный тип наименее востребован в условиях ЧС, когда важна настроенность «на конструктив», т. е. не на пассивное ожидание неведомо когда и как организованного вызволения, а на переоценку и мобилизацию собственных ресурсов, встречных действий спасаемых [15].

«Фейерверки» — это политически активные пользователи, создающие «одноразовые орудия» — мемы, которые привлекают внимание, очень интересны и могут жить в сети довольно долго. Термин «мем» предложил в своем исследовании Р. Докинз для обозначения воспроизводящихся единиц, которые передаются от одного к другому и способствуют тому, что получатель изменяет собственное поведение посредством репликации или имитации и таким образом передает мем другому индивидууму. Р. Докинз указывает, что мемы могут представлять собой мотивы или мелодии популярные афоризмы или модные словечки, рекламные слоганы или видеоролики [8, с. 68]. Таким мемом в августе 2010 г. стала пресловутая рында, упомянутая пользователем top_lap в посте в Livejournal. Журналисты «Эха Москвы» передали этот экспрессивный текст В. В. Путину, а премьер-министр в ответном послании ответил, что «с большим интересом и удовольствием» ознакомился с точкой зрения блоггера и «в целом согласился» с его замечаниями. Он сообщил top_lap, что «денежные средства на преодоление последствий стихийного бедствия и решение других неотложных проблем уже направлены из федерального бюджета на счета пострадавших субъектов Российской Федерации». Что же касается рынды, Путин заверил ЖЖ-юзера: «При наличии Вашего адреса рынду получите у губернатора незамедлительно» [12].

⁵ Препперы — члены социального движения, которое получило название «сёрвайвелизм» (Survivalism — движение за выживание в условиях ядерной войны, стихийных бедствий и т.п.).

Наиболее важным и социально значимым представляется нам тип «функционеры» — создатели сообществ, которые модерировать общение. Их главные инструменты — веб-бюллетень или веб-доска объявлений, а также программное обеспечение для сообщества. Ярким примером конструктивной деятельности «функционеров» является информационная программа «Ушахиди» («Свидетельство»), созданная в 2007 г. в Кении. В ходе президентских выборов эту страну охватили вооруженные межэтнические конфликты между сторонниками и противниками президента Кибакви. Официальные власти блокировали работу многих СМИ, в результате чего население оказалось в информационном вакууме, который попытались восполнить несколько блоггеров. Одна из блоггеров, Ори Около, обратилась к гражданам с просьбой присылать сообщения о событиях, происходящих рядом с ними. Поток информации был систематизирован программой, впоследствии получившей название «Ушахиди». На сегодняшний день «Ушахиди» — система менеджмента информации, которая позволяет обрабатывать сообщения из разных источников: от блоггеров, традиционных СМИ, от международных наблюдателей — и представлять все полученные данные в сети Интернет с помощью карты, где каждое событие связано с определенной географической точкой [17, с. 6–7]. В настоящий момент сеть активно сотрудничает с ООН, а также с сетями раннего предупреждения кризисов. С 1 августа 2010 г. интернет-платформа «Ушахиди» мониторит и российские пожары. Специалисты Гарварда и российские общественные деятели запустили сайт <http://russian-fires.ru> [17].

Например, в сообществе «Пожар_ру» (Пожар_ру. Благотворительная помощь пострадавшим от пожаров в России. URL: http://community.livejournal.com/pozar_ru/) формировалась группа сетевых волонтеров, ответственных по районам и областям, для координации адресной помощи погорельцам, которые регистрировались на электронном ресурсе; также размещались списки сгоревших сел и деревень, отчеты о благотворительных сборах и закупках, оказывалась консультативная юридическая помощь и т. д. После обсуждения блоггерами возможности оперативно оказывать помощь пострадавшим в августе 2010 г. была сформирована команда программистов [4], которые в результате межсетевого взаимодействия с коллегами из Вашингтона в кратчайшие сроки адаптировали систему «Ушахиди» и запустили сайт «Карта помощи» (URL: <http://russian-fires.ru>).

Проект «Карта помощи» является примером электронного ресурса «ad hoc», созданного сетевым сообществом в условиях чрезвычайных ситуаций. Как правило, электронные ресурсы «ad hoc» относятся к гражданским проектам, когда государственные структуры не успевают оперативно реагировать на новые темы чрезвычайных ситуаций и граждане восполняют дефицит информации собственными инициативами в сети. Так, например, были созданы ресурсы Metro29 (URL: <http://metro29.ru>) и Russian Fires (URL: <http://russian-fires.ru>).

«Функционерские» сетевые проекты в наибольшей степени берут на себя функции краудсорсинга⁶. Данный термин был использован для описания модели бизнеса, которая основывается на привлечении простых потребителей, пользователей Интернета и добровольцев к производству и распространению товаров и услуг, генерированию идей и решений [14]. Применительно к сфере публичной политики краудсорсинг представляет собой, согласно терминологии американского экономиста Э. фон Хиппеля (Eric von Hippel), «инновацию с расчетом на пользователя»⁷, при которой органы власти полагаются на пользователей не только в вопросе формулировки потребностей, но и в определении эффективных управленческих практик, которые бы удовлетворили эти потребности с использованием информационных технологий. Перефразируя фон Хиппеля, можно сказать, что это направление создано в расчете на предполагаемое желание граждан бесплатно или за небольшую цену поделиться своими идеями с властями, исключительно из интереса увидеть эти идеи воплощенными в публичной практике.

В то же время все охарактеризованные типы поведенческих стратегий в определенной степени способствуют социально-политической диагностике.

Как правило, действия сообщества направлены на решение проблем, с которыми официальные структуры не справляются, или справляются плохо, или не определяют эти проблемы как значимые. Многие государственные организации за рубежом накапливают опыт в использовании социальных ресурсов, таких как Twitter и Facebook. В то время как многие правительственные учреждения используют социальные медиа только в целях трансляции, некоторые выходят за эти рамки и начинают более глубоко осваивать возможности соцсетей: хэш-тэги, геолокационный анализ и общественные проекты [3]. В 2008 г. адмирал береговой охраны США Тэд Аллен сделал следующее заявление: «Чтобы модернизировать службу береговой охраны нам необходимо научиться эффективно использовать ресурсы социальных медиа, таким образом мы сможем выйти на новый уровень в качестве прозрачной организации, находящейся всегда в эпицентре событий» [3].

Электронные ресурсы, созданные сетевым сообществом в условиях чрезвычайных ситуаций, могут под воздействием внешней среды в довольно короткое время не только трансформироваться в другие типы ресурсов, но и мотивировать участников сетевого сообщества на качественное изменение собственных действий. И. В. Самаркина и А. А. Киселев [8, с. 50–53] исследовали особенности «перетекания» политического участия из сети Интернет в реальные

⁶ Crowdsourcing (crowd – «толпа» и sourcing – «использование ресурсов»). Термин впервые введен писателем Джеффом Хауи (Jeff Howe) и редактором журнала Wired Марком Робинсоном (Mark Robinson).

⁷ Crowdsourcing. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Crowdsourcing>

(традиционные) политические акции. В качестве кейса авторами были рассмотрены трагические события во Владивостоке (в результате пожара в офисном здании погибли 9 чел.) и возникшая в связи с ними гражданская активность вокруг сайта, посвященного событию, происшедшему 16 января 2006 г. — «Пожар во Владивостоке. Правда, о которой не говорят» (URL: <http://vlfire.org>). Мотивом создания сайта было желание автора ресурса донести информацию о трагедии и действиях власти до неравнодушных граждан. Всего лишь через несколько дней после первых публикаций сайт стал источником информации для онлайн-СМИ, а сочувствующие граждане принялись активно собирать и размещать обновленные материалы. За один день сайт увеличился в 10 раз. С помощью электронного ресурса участники сетевого сообщества смогли скоординировать свои действия и организовать митинг и встречу инициативной группы с губернатором.

Как представляется, органы власти не готовы в полной мере воспринимать сетевые сообщества в качестве партнёров в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Игнорирование конструктивного потенциала последних в определенной степени объяснимо: это следствие восприятия Чужого (людей в сети — по причине их явного нон-конформизма и критики действия властей, самой сети как технологии — по причине недостаточного знания законов её функционирования и отсутствия активных навыков пользования). Стратегия игнорирования — не самый худший вариант, иногда используется и стратегия противодействия. Информация о пожарах в Нижегородской области в первых числах августа 2010 г. носила противоречивый характер. Жители области получали информацию о пожарах на сайте «Виртуальная Выкса». С первых же дней пожаров в Выксунском районе этот частный сайт начал оперативно размещать новости. Администраторы и постоянные пользователи лично объезжали район, передавали сводки, предупреждали жителей об опасности, затем стали координировать распределение гуманитарной помощи, выясняя конкретные потребности погорельцев. А на местном форуме люди могли «выпустить пар», не скупясь в комментариях и комментируя действия властей разного уровня. На сайт стали заходить тысячи пользователей со всей России. Затем сайт неожиданно начал подвергаться нарастающей DDoS-атаке. Его атаковали с большого количества компьютеров практически со всего мира, так что то в конце концов трафик превысил 120 Мбит/с, сервер оказался перегружен и рухнул. Недоступными стали и другие ресурсы, размещенные на сервере «Виртуальной Выксы», в частности, сайты администраций Выксунского, Кулебакского и Навашинского районов (на территории всех трех бушевали пожары). Так совпало, что в эти же дни правительство Нижегородской области объявило о необходимости обязательной аккредитации СМИ в Выксунском районе «в целях пресечения распространения слухов и недостоверной информации из зоны ЧС, могущей вызвать панику

среди населения, а также для обеспечения безопасности работы журналистов в зоне ЧС» [5].

Авторы созданного по заказу ряда правительственных агентств США доклада «Социальные сети для управления чрезвычайными ситуациями и общественной безопасности» [24] обобщили итоги специально проведенного семинара на ту же тему, собравшего ученых и практиков-управленцев. В докладе не только констатированы возможности сетей (участие в принятии решений, немедленная переработка информации, организация взаимопомощи и др.), но и зафиксировано требование к правительственным агентствам «изменить политику, практики и конкретные навыки для того, чтобы эффективно использовать социальные медиа», развивать диалог и партнерство. Социальные медиа названы «новым фронтиром в управлении чрезвычайными ситуациями» [24]. И по аналогии с гамлетовским «быть или не быть» авторы шутят: «To Tweet or Not to Tweet».

Потребность снижения рисков при ЧС требует применения соответствующих прогрессивных организационно-управленческих социальных технологий. Традиционные методы жесткого рационально-логического управления всё чаще демонстрируют свою ограниченность. «Все более важным приоритетом при ЧС становится «суметь дойти до каждого среди многих», т. е. работать не столько со статистически оцениваемыми людскими массами, сколько с «персонами», каждая из которых является уникальной личностью с собственной жизненной стратегией», необходимость преодолеть «рваное коммуникативное поле» [15].

Ресурсный потенциал сетевых сообществ, который довольно полно раскрылся в действиях сетей во время чрезвычайных ситуаций в разных странах в последние годы, позволяет создать площадки для взаимодействия власти и граждан в условиях ЧС, развить новые управленческие технологии, направленные на предупреждение ЧС, реагирование и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций. Необходимым условием взаимодействия является достаточное доверие участников диалога, готовность действовать в реальном партнерстве.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Бескровная У. 2010. Влияют ли социальные медиа на власть? Западный опыт. URL: <http://webcrunch.ru/news/2010/05/21/government-agencies-social-media/>
4. Вражина А. 2010. Пожарный случай. URL: <http://lenta.ru/columns/2010/08/05/fires/>.
5. Гамзаева С. С. Локализация возгорания общественности: Нижегородские пожары защитили от недовольных // Независимая газета. 2010. 8 окт.

6. *Гизатова Г.К., Иванова О.Г.* Риск как имманентная черта формирования идентичности в условиях глобализирующегося общества. URL: <http://credonew.ru/content/view/836/44/>
7. *Ивахненко Е.Н.* Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество. 2009. № 1.
8. *Киселев А.А., Самаркина И.В.* Интернет: модель и практики политического участия. Краснодар: Оттиск, 2007.
9. Кто такие преперы. URL: http://perevodika.ru/articles/12353.html?phrase_id=68604
10. *МакКонелл Б., Хуба Дж.* Эпидемия контента. Маркетинг в социальных сетях и блогосфере. М.; СПб.: Вершина, 2008.
11. *Паринов С.И.* Онлайн-сообщества: методы исследования и практическое конструирование. URL: <http://rvles.ieie.nsc.ru/~parinov/autoref.htm>.
12. Путин пообещал рассерженному на правительство блогеру вернуть рынду. URL: <http://lenta.ru/news/2010/08/04/anon/>.
13. *Римский В.* Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей // Вестник общественного мнения. 2009. № 1.
14. *Рябцев В.Н.* Основные области применения служб социальных сетей организациями. URL: <http://scipeople.com/publication/64968/>.
15. *Сайфуллин Н.Ф.* Адаптивные жизненные стратегии автономных социальных групп в кризисных условиях: к постановке задач: Препринт доклада. М.: ИПМ им. М.В. Келдыша РАН, 2007.
16. Социальные медиа: кому и зачем это надо. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/globalvoices/680541-echo/>
17. «Ушахиди» спасает людей. Теперь — и в России // Новая газета. 2010. 6 авг.
18. Федеральная целевая программа «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2010 года». URL: http://www.programs-gov.ru/22_1.php.
19. *Федотченко Ю.И.* Социальные сети: вчера наступает сегодня // Реклама. Теория и практика. 2010. № 2.
20. *Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995.
21. Crowdsourcing. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Crowdsourcing>.
22. How Social Media Is Used During An Emergency. 2010. URL: <http://blog.etoncorp.com/index.php/2010/10/how-social-media-is-used-during-an-emergency>.
23. Social Media in Disasters and Emergencies/American Red Cross. 2010. URL: <http://www.redcross.org/www-files/Documents/pdf/other/SocialMediaSlideDeck.pdf>.
24. Social Networking for Emergency Management and Public Safety. 2010. URL: http://nwrtp.pnl.gov/docs/social_networking.pdf.

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

.....

А.И. Кольба¹

В статье выявляются основные характеристики управления конфликтами во взаимодействии власти и бизнеса в регионах России. Наиболее важными из них признаются преобладание непубличных форм взаимодействия, несовпадение официальной и неофициальной «повестки дня» конфликта, широкое использование его неформальной институционализации. Выделяются некоторые отличия в управлении конфликтами со стороны западных и российских компаний.

Ключевые слова: власть, бизнес, управление конфликтами, институционализация конфликтов, российские регионы.

The paper identifies major characteristics of conflict management in the interaction between business and government in the regions of Russia. The most important of them recognized the predominance of non-public forms of interaction, different official and unofficial «agenda» of the conflict, the widespread use of its informal institutionalization. Identifies some differences in conflict management from Western and Russian companies.

Key words: government, business, conflict management, the institutionalization of conflict, the Russian regions.

Конфликты власти и бизнеса – одна из неотъемлемых черт их взаимодействия. В связи с существенными различиями целей и задач, которые ставят перед собой эти субъекты, неизбежно возникновение противоречий между ними. Когда они приобретают публичный характер, затрагивают важные для общества проблемы и не обладают достаточными формально-юридическими основаниями для их разрешения, может возникнуть открытый конфликт, имеющий политические составляющие. В региональном аспекте такие конфликты обычно затрагивают отношения органов власти (прежде всего исполнительной) субъектов РФ и компаний, ведущих бизнес на их территории. Как прави-

---

¹ Кольба Алексей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, доцент. Эл. почта: alivka2000@mail.ru

ло, внимание общественности и СМИ привлекают конфликты, затрагивающие интересы крупных в масштабах региона инвесторов, реализующих резонансные проекты.

Остановимся кратко на составляющих взаимодействия власти и бизнеса, определяющих характер развития и управления конфликтами в этой сфере. Располагая ключевыми позициями в экономике и контролируя состояние социального климата, т.е. будучи важнейшей структурной частью общественных отношений, бизнес в определенных случаях не просто лоббирует свои интересы, но и действует как власть, причем власть, способная заставить официальную, политическую власть изменить свою политику и свой политический курс. Это позволяет определить его влияние как структурную власть [10]. В свою очередь, органы власти стремятся сдерживать своекорыстные устремления бизнес-структур, регулировать и контролировать их деятельность. Тип и эффективность приложения этих усилий во многом зависят от сложившейся в той или иной стране модели отношений между ними.

Современная Россия, на наш взгляд, может быть отнесена к той группе стран, где данные взаимодействия отличаются непрозрачным сочетанием интересов представителей двух этих типов субъектов. В данных странах экономическая мотивация выступает наиболее мощной, а успешность инициативного человека измеряется почти исключительно его материальным благосостоянием. В таких условиях тесная связка власти и бизнеса представляется практически непреодолимой [4]. При этом, несмотря на наличие общих для разных отраслей и типов производителей интересов, в большинстве случаев бизнес не выступает как единое целое, являясь внутренне дифференцированным. Такое положение объясняется наличием конкуренции, разнородных, пересекающихся устремлений. Так, существует внутри- и межотраслевая конкуренция, различие интересов малого, среднего и крупного бизнеса и т. д. Поскольку поддержка государственной власти служит в этих условиях важным ресурсом, способным обеспечить приоритет конкретных бизнес-интересов, конкурентная борьба проявляется и в сфере взаимодействия с государством. Бизнес оказывается также одним из решающих факторов формирования и развития гражданского общества [5, с. 12–13].

Сложившаяся модель взаимодействия власти и бизнеса может быть описана с позиций неокорпоративистской концепции, согласно которой политической системе присущи следующие институциональные характеристики:

- высокая степень централизации институтов представительства групп интересов (профсоюзов, ассоциаций предпринимателей);
- ведущая роль «верхушечных ассоциаций», что предполагает низкую степень автономии для составных союзов, рядовых членов;

– централизованное, сильное государство, активно регулирующее экономические процессы [1, с. 9].

В подобных условиях представители крупного бизнеса получают существенные преференции. Корпорациям проще находить общий язык с государством: они имеют для этого больше ресурсов, менее заинтересованы в рыночных свободах, легче способны приспособиться к изменению политического режима, о чем, в частности, упоминал в своих известных статьях М. Ходорковский [15]. Средний и малый бизнес в большей степени страдает от коррупции и произвола чиновников и в то же время имеет меньше возможностей повлиять на деятельность государственных органов. В основном подобные взаимодействия доступны ему на региональном и местном уровнях. Следовательно, бизнес-структуры такого типа наиболее нуждаются в совершенствовании механизмов государственного регулирования экономики. Однако это не исключает конфликтных отношений отдельных крупных компаний с органами власти.

Бизнес выступает в первую очередь как субъект рыночных отношений. Его главной задачей в этом контексте можно назвать извлечение прибыли, создание выгодных условий для ведения коммерческой деятельности. Органы власти, выполняя регулирующие функции по отношению к рыночной среде, априори ограничивают рыночную свободу. Результатом подобной деятельности является возложение на бизнес-структуры социальной ответственности, регулирование трудовых отношений, установление экологических требований к производству тех или иных видов продукции и т.д. Можно сказать, что бизнес в большей степени отстаивает частные интересы, тогда как органы власти должны стоять на страже общих.

При этом противоречия между ними нельзя абсолютизировать. В конечном итоге оба этих субъекта заинтересованы в создании динамично развивающейся социальной среды (при условии, что они предусматривают выполнение своих функций на долговременной основе). Поэтому со стратегической точки зрения бизнесу и власти выгоднее поддерживать конструктивные отношения, что создаёт предпосылку для урегулирования отдельных конфликтов. Между этими субъектами не может быть антагонизма, равно как и полностью бесконфликтного взаимодействия. Такое положение создаёт условия для конструктивного управления конфликтами. Их можно признать в высокой степени рационализированными: конфликт здесь практически всегда выступает средством, а не целью, отношения между сторонами редко характеризуются как эмоционально насыщенные. Это также повышает шансы на урегулирование конфликтов.

Общественность во многих странах является если не медиатором частно-государственного сотрудничества, то объективным и острым критиком как власти, так и бизнеса, влияя и даже формируя их имидж. По этой причине в борьбе за симпатии общественности в период конфликтов власти и государства

вступают обе заинтересованные стороны [14]. Однако в современной России общая слабость структур гражданского общества препятствует их эффективному участию в управлении подобными конфликтами. Общественность в основном получает информацию от конфликтующих сторон, а также может использоваться кем-либо из них для достижения своих целей, но редко выступает как самостоятельный субъект.

Рассматривая конфликты власти и бизнеса в этом контексте, можно увидеть, что они зачастую служат средством давления заинтересованных субъектов друг на друга. В ходе конфликта речь может идти не только о перераспределении собственности, но и о властных ресурсах, проведении определённой государственной политики в той или иной сфере, коммерческих интересах отдельных лиц или групп влияния и т.д. Это даёт основания рассматривать подобные конфликты и с точки зрения экономической составляющей, и с позиций политической науки, в частности, концепций политической институционализации конфликтов.

Распространенные в настоящее время механизмы и практики управления конфликтами по линии «власть – бизнес» во многом институционализируются после дела ЮКОСа. Не останавливаясь на его деталях, подчеркнём лишь наиболее важные, на наш взгляд, последствия в контексте исследуемой проблематики.

В результате конфликта изменилась сама схема отношений между указанными субъектами. Претензии части крупных бизнесменов выступать в качестве самостоятельных акторов политики стали утрачивать свою актуальность, и политически бизнес смог занять лишь место младшего партнёра власти. Соответственно, произошло и перераспределение ресурсов, используемых для управления конфликтами: органы власти как участник конфликта более высокого ранга получили возможность более полно контролировать его информационное пространство, выбор технологий урегулирования и ряд других аспектов конфликтных взаимодействий.

Была продемонстрирована эффективность применения административных и юридических ресурсов (в частности, судебного преследования) для управления конфликтом в интересах одной из действующих сторон. Их использование позволило реализовать не только политические, но и экономические цели конфликта, осуществить перераспределение собственности крупной корпорации. При этом как у власти, так и у бизнеса оформилось представление о том, что в условиях, когда та или иная компания прибегает к ведению дел с нарушением законодательства, она может оказаться втянутой в подобный конфликт, однако это не является универсальным правилом.

Происходит дальнейшее взаимопроникновение власти и бизнеса, что делает сферу их взаимодействия ещё менее прозрачной. В управлении конфликтами это ведёт к широкому распространению непубличных методов выяснения отношений. В общедоступное информационное пространство проникает толь-

ко часть сведений о событийной составляющей конфликтом, становится сложно судить об истинных мотивах и устремлениях участников. Общественные интересы как основание для инициирования конфликта зачастую становятся прикрытием для реализации частных планов. Таким образом, представители власти получают более широкие возможности для неформального контроля над бизнесом, находящегося вне зоны доступа общественного наблюдения.

Возрастает также значимость личных контактов между представителями власти и коммерческих структур: возможность уладить на этой основе разногласия или решить имеющиеся проблемы с конкретным представителем государства становится ещё более важной составляющей ведения бизнеса. Действия не по общему шаблону вытесняются индивидуальным подходом (эта черта усиливается в период экономического кризиса, когда бизнес особо нуждается в государственной поддержке). Результатом этого становится дальнейшее увеличение дифференциации возможностей бизнес-структур, а также усиление коррупционной составляющей взаимодействий.

Одним из наиболее громких конфликтов с участием крупной сырьевой компании в эпоху после дела ЮКОСа стал конфликт по поводу компании «Руснефть». По мнению некоторых аналитиков, дело стало очередным этапом в стратегии поглощения независимых нефтедобывающих компаний государственными структурами. Данная компания была создана в 2002 г. М. Гуцериевым, экс-главой другой нефтедобывающей структуры – «Славнефти». Неприятности у «Руснефти» начались после того, как она приняла решение о покупке 50% Западно-Малобалыкского нефтяного месторождения из выставленных на продажу активов ЮКОСа. Возможным основанием возникновения конфликта называют также противоречия, возникшие у М. Гуцериева с некоторыми влиятельными российскими чиновниками [11]. Главе компании и его партнёрам были предъявлены обвинения в ведении незаконной предпринимательской деятельности и уклонении от уплаты налогов.

По словам экспертов, скрытой причиной давления на компанию могла стать неуступчивость Гуцериева на переговорах о продаже бизнеса одной из госкомпаний. «Возбуждение уголовного дела по факту незаконного предпринимательства против М. Гуцериева является одним из инструментов давления на него с целью заставить его дешевле продать свой бизнес», – отмечал К. Батунин, представитель Альфа-банка [17]. Среди причин возникновения конфликта назывались и противоречия, возникшие между различными сегментами правящей элиты, в том числе и на региональном уровне.

Казалось, что в связи с выездом М. Гуцериева за границу конфликт постепенно затухнет сам собой, а принадлежащие ему корпорации будут распроданы. Однако с М. Гуцериева сняли обвинения в налоговых преступлениях (октябрь 2009 г.), но его по-прежнему обвиняли в незаконном предпринима-

тельстве. Из-за малой тяжести этих обвинений фигуранту дела заочно изменили меру пресечения с ареста на подписку о невыезде.

В мае 2010 г. М. Гуцериев вернулся в Россию, прилетев на родину, в Ингушетию. Позитивное отношение к этому высказал Президент республики Ю.-Б. Евкуров. «То, что было против него, уже ушло в небытие. Надеюсь, мы найдем с ним общий язык и будем друг другу помогать», – сказал он журналистам [2]. Этот аспект возвращения Гуцериева позволяет рассматривать его в контексте новой региональной политики, которую российские власти пытаются проводить на Кавказе. Создание Северо-Кавказского федерального округа и назначение его главой А. Хлопонина, хорошо известного в российской бизнес-элите, дает основание говорить об усилении экономической составляющей в снижении напряженности в регионе. К тому же Евкурову необходимо расширять базу своей поддержки в республике, создавать мощную коалицию, на которую он мог бы опереться в своей деятельности, иначе его намерения будут блокироваться, у людей может пропасть вера в то, что президент действительно контролирует положение дел в республике. Для этого, видимо, и понадобился М. Гуцериев, известный не только как бизнесмен, но и один из наиболее статусных ингушских общественных деятелей [8].

Первое, что необходимо отметить, анализируя данный конфликт, это различие официальной повестки конфликта, имеющей экономической и правовой характер, и теневой составляющей претензий, связанной с политическими коллизиями и притязаниями на передел собственности. В связи с особенностями политико-управленческого устройства России конфликты между различными сегментами элиты отражаются на функционировании связанных с ними бизнес-структур. Вторая характерная черта – очень слабое проявление конфликта в сфере публичной политики. Вокруг конфликта возникает множество слухов, догадок и предположений. Политическая составляющая конфликта имеет место, но остается неясной.

Стоит упомянуть и о достаточной степени гибкости, проявленной органами власти в данной ситуации. Власть, вероятно решила использовать потенциал бизнесмена М. Гуцериева для нормализации обстановки в одном из самых проблемных субъектов Федерации.

Схожие сюжеты просматриваются и в возвращении в Россию из Турции другого известного предпринимателя – Т. Исмаилова, бывшего хозяина Черкизовского рынка в Москве, который, по мнению наблюдателей, имел тесные связи с мэром Москвы Ю.М. Лужковым. Хотя в отношении Т. Исмаилова и не заводились уголовные дела, но все же некоторое время после закрытия рынка бизнесмен предпочитал пребывать за границей, открыв в Турции один из наиболее дорогих отелей мира. В декабре 2009 г. Председатель Правительства России В.В. Путин, проводя «прямую линию» с гражданами, заметил в отношении Исмаилова, что ничего криминального в самом факте строительства

гостиницы в Турции нет, но если есть ресурсы для инвестиций, то лучше их использовать в России. После встречи Т. Исмаилова с Президентом Чеченской Республики Р. Кадыровым было объявлено, что бизнесмен примет участие в реализации ряда инвестиционных проектов на её территории, а также станет спонсором местного футбольного клуба [13]. Кроме того, ожидается его участие в строительстве олимпийских объектов Сочи [16].

На региональном уровне заметным явлением стали также конфликты, связанные с российским бизнесом шведской компании «Икея». Она известна в мировом бизнес-сообществе своей безупречной репутацией и нежеланием участвовать в каких-либо теневых сделках. Придя в 2000-х гг. работать в Россию, «Икея» начала активно развивать свой бизнес сначала в Москве, а затем и в других крупных городах. В ряде регионов России компания столкнулась с проблемами, вызывающими подозрения в коррупционном характере своего происхождения.

Так, к примеру, мегамаркет в Самаре должен был стать двенадцатой торговой точкой сети «Икея» в нашей стране. Здание было построено и, как считают шведы, готово к сдаче еще в декабре 2007 г. Однако торговый центр долгое время не открывался из-за проволочек бюрократического характера. Здание было построено по той же модели и с учетом тех же норм, что и остальные 11 русских филиалов «Икеи». Но для его открытия требовались всё новые согласования, уточнение тех или иных норм, связанных с будущим функционированием здания. Как отмечал П. Кауфман, шеф российского подразделения компании, она столкнулась с весьма необычными претензиями: «...нужно подтверждение того, что наше здание выдержит ветер силой в 30 метров в секунду. Чиновник, который это потребовал, добавил, что он знает одну фирму, там работает его близкий друг, который может все уладить. ...В связи с самарской ситуацией перед нами встает вопрос о том, стоит ли нам продолжать».

В свою очередь, В. Никитин, руководитель Госстройнадзора по Самарской области, не желавшего принять здание в эксплуатацию, высказал следующее мнение: «Я могу гарантировать на 100 процентов, что у нас, политиков и чиновников Самарского региона, нет никакой коррупции, и если кто-то это утверждает, он может идти в суд!» По мнению ряда экспертов, компания не учла некоторые требования местных властей и не сумела договориться с ними [11].

Проблемы с открытием комплекса в Самаре поставили под сомнение дальнейший бизнес компании в России. П. Кауфман летом 2009 г. заявил, что концерн временно приостановит инвестиции в новые российские проекты из-за административных барьеров, с которыми компания столкнулась в ряде регионов России. Уже начатые проекты планировалось завершить. Позднее стало известно, что шведский концерн уволил П. Кауфмана и директора по недвижимости в России С. Гросса из-за «терпимости по отношению к коррупционным действиям подрядчиков». Ситуация потребовала вмешательства на уров-

не правительств двух стран. В конце февраля министр торговли Швеции Э. Бьерлинг заявила, что проблемы, с которыми «Икея» сталкивается при работе в России, будут решены в ближайшее время. По ее словам, вопрос развития бизнеса шведского концерна в России она обсудила с министром промышленности и торговли России В. Христенко [18]. Однако к маю 2010 г. торговый центр в Самаре ещё не был открыт.

С аналогичными проблемами «Икея» (и ещё ряд крупных зарубежных компаний розничной торговли) столкнулась и в Ростовской области. Причин неудач ритейлеров, в том числе и объективных, довольно много. Но среди них есть одна, которую упоминают в большинстве случаев аналитики и эксперты. Звучит она так: «Не смогли договориться с властями». Открыть гипермаркет в присутствии первых лиц области в таком случае ещё не значит урегулировать все проблемы с ними. Открытие в этом контексте надо воспринимать лишь как этап в переговорном процессе с коррупциогенной системой. И этот этап ещё не гарантирует, что финальная договорённость состоится. К такой логике иностранным инвесторам бывает нелегко привыкнуть [9].

При открытии своих торговых центров компания сталкивалась и с другими проблемами. К примеру, открытие комплекса в подмосковных Химках сопровождалось отключением электричества, после чего «Икея» решила оборудовать свои магазины автономными генераторами. Строя магазины в России, шведы старались делать все, чтобы как можно меньше зависеть от настроений местной власти. «Мы довольны творческим решением проблемы. Лучше арендовать генератор, чем совать голову в петлю», – заявлял член совета директоров компании К. Тордсон. Однако через некоторое время выяснилось, что установка и эксплуатация генераторов производились по завышенным расценкам, что поглотило значительную часть полученной прибыли. «Мы натолкнулись на что-то, что выходит за пределы всего, на что мы обычно наталкиваемся», – признал тот же руководитель [7].

Более того, конфликты во взаимодействии с российскими властями привели и к скандалу внутри самой компании, значительно подорвавшему её репутацию. После увольнения П. Кауфмана и С. Гросса выяснилось, что менеджеры «Икея» в России не только участвовали в коррупционных сделках, но и собирали досье на российских чиновников и предпринимателей с целью оказания давления на них. Так, в секретном докладе, подготовленном на имя С. Гросса, перечислялись главные оппоненты компании в области. К ним были отнесены «губернатор Самарской области В. Артяков и его жена Т. Артякова, которая является конкурентом, поскольку вовлечена в строительный бизнес», и «глава городского округа Самара В. Тархов, владеющий группой компаний FOM, специализирующейся среди прочего на торговле мебелью». Согласно этим данным, Тархов, например, «является бывшим представителем организованной преступности, сохранившим свои связи в преступном мире». В списке мето-

дов борьбы с противниками, изложенном еще в одной секретной инструкции, есть такие указания: «...изучить возможные слабости городских и региональных чиновников, занимающихся ИКЕА, выяснить круг их экономических интересов, их слабые стороны и возможность привлечения к сотрудничеству на основе взаимных интересов; осторожно установить контакты с парламентариями, источниками в милиции и правительственной администрации в Москве; склонить их к оказанию поддержки» [3]. Очевидно, что подобный круг мер выходит за рамки ведения цивилизованного бизнеса.

Согласно данным опроса, проведенного международным агентством PBN среди 155 топ-менеджеров иностранных компаний, работающих в России, главное препятствие на пути инвестиций в страну – это чиновники. Причём жалобы на бюрократические трудности растут быстрее, чем жалобы на коррупцию: 84 % опрошенных компаний тормозят проблемы с лицензированием и регистрацией, получением виз и разрешений на работу. Пока экономика в стране была на взлёте, а потребительский бум позволял ритейлерам увеличивать свои обороты вдвое чуть ли не ежегодно, иностранцев трудности не останавливали. Но сегодня ситуация изменилась. Россия в кризис показала максимальное падение покупательского спроса в Европе [9]. Поэтому иностранные компании не хотят больше мириться с необходимостью терпеть длительные согласования своих проектов или участвовать в коррупционных схемах и готовы идти на конфликт, чтобы привлечь внимание к проблеме.

После возникновения ряда проблем и коррупционных скандалов, сопровождающих деятельность иностранного бизнеса в России, руководители 56 ведущих зарубежных компаний, аккредитованных в России, под эгидой Российско-германской внешнеторговой палаты подписали соглашение об отказе от участия в коррупционных схемах. Участники этой инициативы особо отметили, что хотели бы тем самым содействовать развитию конкуренции и улучшению в долгосрочной перспективе инвестиционного климата в России. Как отметил председатель правления палаты М. Хармс, произошло это по двум причинам. «Во-первых, в России сейчас очень благоприятная политическая атмосфера. Принятие Президентом Российской Федерации Дмитрием Медведевым, а также российским Правительством ряда антикоррупционных инициатив создали благоприятный фон для проведения достаточно открытого разговора. И второе – коррупция является, конечно, одной из самых болезненных тем в смысле инвестиционного климата, тем более в условиях мирового финансового кризиса». Было подписано два документа: один более общий – по соблюдению корпоративной этики при ведении коммерческой деятельности на территории Российской Федерации, а также заявление о том, что фирмы будут проводить строго антикоррупционную политику. Например, компании обязуются делать пожертвования на различные цели только в строгом соответствии с местным законодательством, проверять на введение

антикоррупционных практик всех своих поставщиков и бизнес-партнеров, а также сделки с консультантами на предмет соответствия произведенных расходов со сметами проектов. Кроме того, планируется ввести запрет на любые выплаты наличными внутри фирмы, ввести «телефон доверия», по которому сотрудники инофирм могли бы сразу же сообщать о случаях коррупции [12]. Таким образом, иностранные компании хотят если не сломать, то существенно откорректировать сложившиеся в России практики ведения бизнеса, в том числе и в сфере взаимодействия с властями.

Указанные примеры дают нам представление об отличиях стратегий и тактических приемов управления конфликтами во взаимодействии с органами власти, применяемых в российских регионах крупными западными компаниями.

Во-первых, они в большей степени используют потенциал выведения конфликтов в публичное пространство, формирования общественного мнения, что соответствует традициям западного общества. При этом они апеллируют не только (а может быть, и не столько) к общественному мнению на уровне региона, но и к общероссийскому, а также воздействуют на правительства своих стран. Таким образом, информация о конфликтах широко распространяется, что угрожает имиджу региона, дальнейшему привлечению инвесторов на его территорию. Однако эти инструменты не всегда действенны.

Во-вторых, западные компании стремятся повысить свой ранг в подобных конфликтах, привлекая к их урегулированию официальных лиц своих стран, пытаясь объединиться и действовать по единым правилам. Это в перспективе способно дать им ряд преимуществ, в частности, повысить лоббистские возможности. В данном контексте западные инвесторы могут также восприниматься как пришельцы, чужаки, пытающиеся установить собственные правила в обход официально или неофициально существующих.

В-третьих, иностранцы более чувствительны к коррупционному фактору еще и потому, что он способен разложить саму компанию изнутри. Пытаясь следовать образцам деятельности своих российских коллег, их менеджеры становятся субъектами сложившейся системы отношений и, по сути, воспроизводят её. Перед компанией встаёт вопрос: пожертвовать ли ей своим бизнесом в России или же включиться в существующие практики? В условиях кризиса, когда прибыли уменьшаются, иностранные инвесторы становятся более требовательными к антикоррупционным мерам властей. С началом экономического подъема ситуация может измениться.

В целом же, оценивая практики управления конфликтами во взаимодействии власти и бизнеса на уровне российских регионов, необходимо подчеркнуть, что они вполне вписываются в общие тенденции формирования системы политико-административных отношений. Одной из основных черт конфликтного взаимодействия становится преобладание неформальных ин-

ституты над формальными, непубличных аспектов над публичными, что предопределяет характер его развития и результаты.

Библиографический список

1. *Балан А.В.* Корпоративная модель взаимодействия государства и гражданского общества: теория и практика: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2001.
2. Встреча Евкурова и Гущериева – «не за горами». URL: <http://www.rosbalt.ru/2010/05/14/736753.html>
3. *Грачёва Н.* ИКЕА в России подкупала и шпионила. URL: <http://www.corrupzia.ru/index.php/component/content/article/5071.pdf>
4. *Иноземцев В.А.* Власть как бизнес. URL: http://lobbying.ru/index.php?article_id=1010
5. *Ленская О.Ю.* Политические аспекты взаимоотношений власти и бизнеса в условиях государственного корпоративизма в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
6. *Лисовский А., Грачёва Н., Утехин А.* Не сдует ли «Икею» из России? URL: <http://кр.by/daily/24317/510364/>
7. *Лошак А.* Закоротило. URL: <http://www.openspace.ru/society/projects/201/details/16563/>
8. *Макаркин А.* Михаил Гущериев по пути на родину. URL: <http://slon.ru/blogs/makarukin/post/170339/>
9. Мы так потеряем иностранцев. URL: <http://www.retailer.ru/print/id/17181/>
10. *Перегудов С.П.* Бизнес и власть после президентских выборов 2008 г. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=161
11. Расследование. В чём конфликт власти и бизнеса. URL: <http://www.personalmoney.ru/txt.asp?sec=262&id=794448>
12. *Саможнев А.* Безоткатное орудие. URL: <http://pda.rg.ru/2010/05/04/korrupcia.html>
13. Тельман Исмаилов съездил к Рамзану Кадырову. URL: <http://кр.ru/daily/24442/608236/>
14. *Томберг Р.* Конфликты власти и бизнеса в нефтегазовой сфере. URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/011.htm>
15. *Ходорковский М.* Кризис либерализма в России. URL: <http://www.khodorkovsky.ru/speech/82.html>
16. Хозяин «Черкизона» Тельман Исмаилов будет строить Олимпиаду в Сочи. URL: <http://кр.ru/online/news/644174/>
17. Эксперты о причинах возбуждения дела против М.Гущериева. URL: <http://www.dvtornik.ru/news/2007/05/15/1133.html>
18. ИКЕА дали добро на завершение строительства ТРК «Мега-Самара». URL: <http://realty.lenta.ru/news/2010/03/03/ikea/>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

И. В. Самаркина¹

В статье рассматривается взаимосвязь политической картины мира и общественных практик молодежи. Показано, что характеристики носителя картины мира влияют на общественные практики молодежи, в то же время общественная активность может существенно корректировать представления человека об общественно-политической сфере. Отражены теоретические аспекты понятия «политическая картина мира», определены ключевые для анализа параметры носителя картины мира, основные критерии анализа картины мира. Обсуждаемые эмпирические данные получены в серии фокус-групповых дискуссий с молодежью.

Ключевые слова: политическая картина мира, общественные практики, молодежь.

The article examines the relationship of political world view and social practice of young people. It is shown that the characteristics of the media picture of the world affect the social practices of young people at the same time social activity can significantly adjust the representation of human social and political sphere. Reflects the theoretical aspects of the concept of «political world view», defined the key parameters for the analysis of the media picture of the world, the main criteria for the analysis of world view. Discussed the empirical data obtained in a series of focus group discussions with young people.

Key words: political world view, social practices, young people.

Общественные практики молодежи являются предметом научного интереса исследователей и прагматичного интереса практических политиков и управленцев. Представления молодежи об обществе и политике часто становятся предметом прикладных исследований [5; 6]. В ситуации все более активного использования социальных технологий, направленных на мобилиза-

---

¹ Самаркина Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: smrkn@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-03-38302 а /Ю «Молодежь как ресурс инновационного развития региона»).

цию молодежи и повышение ее общественной активности, чрезвычайно важно понимать, каким образом представления об общественно-политической сфере влияют на поведенческие установки и как полученный молодыми людьми опыт общественной активности корректирует их картину мира.

Предлагаемая к обсуждению проблема — отнюдь не умозрительная теоретическая конструкция. В педагогической и управленческой практике приходится наблюдать некоторое рассогласование социализирующих потоков, которое приводит к закреплению пассивных поведенческих установок у большинства молодых людей. Политическая и общественная пассивность молодежи становится предметом обсуждений и сетований педагогов, управленцев и людей, которые занимаются работой с молодежью. Действительно, усилия школы и системы высшего образования направлены на формирование научной картины мира человека и обоснования необходимости его активной жизненной позиции. Первые практики общественного и политического участия, инициированные молодыми людьми или представителями власти, часто вносят существенные коррективы не только в представления о политике и возможности повлиять на нее, но и в дальнейшие поведенческие установки.

Предметом обсуждения в нашей статье выступает политическая картина мира и общественные практики молодежи как взаимообусловленные феномены.

Картина мира как предмет анализа

Связь между системой представлений человека — его картиной мира и его действиями отмечали представители разных научных школ. Французский историк Р. Шартье, представитель школы ментальностей, утверждал: «Система представлений — объективная реальность. Более того, она чуть ли не на три четверти детерминирует и мысли людей, и их поступки, принуждая порой действовать вопреки личным интенциям» [8, с. 29]. Ключевым тезисом этой школы было то, что именно «картина мира определяет поведение человека, индивидуальное и коллективное» [2, с. 229]. Определяя ментальность, Ж. Дюби подчеркивал, что «это система образов, представлений, которые в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [8, с. 32].

Картина мира, согласно Р. Редфильду, стоявшему у истоков этой концепции в антропологии в 1950-х гг., — это видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе, своей активности в мире [3]. Описание картины мира он называл приемом (исследовательским методом), с помощью которого сам исследователь может посмотреть на мир глазами туземца. Мы же предлагаем посмотреть на сферу политического, в частности на власть, глазами современного молодого человека.

Картина мира — основной дифференцирующий признак субкультурных различий [8, с. 12]. По мнению исследователей социокультурной стратификации, субкультурные различия (содержание, структура и иерархия ценностей, установок, ориентаций; образ и стиль жизни; специфика общения, поведения и пр.) есть следствие различий в более фундаментальном признаке — индивидуальной картине мира — синтетическом панорамном представлении о конкретной действительности.

Основой индивидуальной картины мира, ее «несущим каркасом» является система образов. Суммируя все представления о картине мира человека, ее можно представить как систему взаимосвязанных образов — наглядных представлений о мире и месте человека в нем (включая образы взаимоотношений человека с действительностью — человека с природой, человека с обществом, человека с другим человеком и с самим собой) [8, с. 13].

Вместе с тем любое общество, какую бы сложную структуру оно ни имело, всегда обладает неким ядром культуры. Ядро это состоит из общих для большинства субкультур фрагментов картины мира, позволяющих однозначно воспринимать некоторые ключевые ситуации. Иными словами, общество выстраивает некоторую гигантскую культурную суперструктуру — общенациональную картину мира, сопровождающую человека от юности до смерти. В этой суперструктуре, по удачному выражению Г. Гачева, отражена «целостность национальной жизни: и природа, и стихия, и быт, и фольклор, и язык, и образность поэзии, соотношение пространства и времени и их координат: даль, ширь, верх, низ, откос, дорога и т. п. — т. е. выявляется как бы набор, основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов» [1, с. 87].

Именно наличие ядра культуры — общенациональной картины мира обеспечивает возможность взаимопонимания людей разных субкультур. Что же касается своеобразия элементов и структуры картины мира отдельной субкультуры (детской, молодежной, этнической и пр.), то она «работает» как некий фильтр, отбирающий и интерпретирующий на свой лад всю поступающую извне информацию. В этом контексте важно отметить роль системы образования, обладающей мощным потенциалом и технологиями формирования и коррекции части картины мира, особенно той ее части, которая относится к социально-политической сфере.

Политическая картина мира: понятие, носители и критерии анализа

Мы предлагаем использовать понятие «политическая картина мира» для обозначения существующей в индивидуальном сознании подвижной системы связанных образов и представлений о власти и политической системе, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности. Фрагменты социально-политического опыта «осаждаются» неповторимым

образом, образуют уникальную конфигурацию индивидуального субъективного мира.

Политическая картина мира, будучи частью общей картины мира человека, неразрывно связана с картиной мира социального, в частности, с представлениями о том, какова социальная структура общества, как оно функционирует, что нужно делать, чтобы достичь успеха, и т.п. Можно предположить, что представления большинства людей об обществе и общественных отношениях шире и в большей степени детализированы, чем их представления о политике.

Политическая картина мира складывается из целого ряда компонентов, взаимосвязанных между собой: базисных понятийных и символических концептов, включая центральный концепт власти; событийного ряда; представлений об актуальных проблемах социально-политической сферы и путях их решения; образов политических акторов (институтов и персон); геополитической компоненты; образа Я в политике.

Характеристики субъекта (носителя) политической картины мира влияют на ее структуру, сложность и содержание. А. Ослон, говоря о носителях социальной картины мира, выделил два принципиально отличных типа: человека «специального» и человека «наивного» [4, с. 3–5]. Первый строит картину мира или ее отдельные фрагменты, используя некую рациональную методологию, специальные знания и методы. Второй ориентирован на экономию жизненных ресурсов и не готов углубляться в детализацию, поиск и анализ информации. На содержание и структуру политической картины мира влияет социальный статус и профессиональная деятельность.

Методика исследования

Изучение политической картины мира и общественных практик молодежи было проведено в рамках проекта, посвященного исследованию молодежи как ресурса инновационного развития региона. Нами использовалась проективная техника «рисунок о политике» и дальнейшая фокус-групповая дискуссия, для которой рисунки были стимульным материалом.

Рисунки и стенограммы фокус-групп были подвергнуты качественному контент-анализу. В рамках данной статьи обсудим результаты качественного контент-анализа рисунков и стенограмм фокус-групп с молодежью. Фокус-группы проводились в течение 2010 г. со студенческой молодежью г. Краснодара, молодыми активистами профсоюзных организаций Краснодарского края, активной молодежью (участниками проекта «Селигер- 2010»), сельской молодежью, работающей городской молодежью, молодыми предпринимателями и фриленсерами. Базой для проведения контент-анализа стал 151 рисунок о политике и стенограммы 10 фокус-групп.

Обсуждение результатов исследования

Контент-анализ рисунков участников фокус-групп позволяет сформулировать тезис о том, что в политической картине мира разных групп молодежи присутствуют общие черты. Дифференцирующими факторами выступают возраст, информированность, степень вовлеченности в общественно-политические практики, профессиональная социализация и профессиональная деятельность.

Анализ эмпирических данных показал, что в политической картине мира разных групп молодежи представлен целый ряд *совпадающих образов власти* — центрального элемента политической картины мира.

Самый распространенный способ презентации образа власти — *символы*. Образ власти связан прежде всего с государственной символикой — значительная часть рисунков о политике имеет изображения Государственного флага РФ, иногда — символов других государств. Вторым по частоте встречаемости на исследуемых рисунках символом власти стали деньги. В рисунках деньги служат синонимом вседозволенности и коррупции. Распространен сюжет, изображающий весы Фемиды, на одной чаше которых — деньги (они всегда перевешивают), а на другой — «закон и порядок» или «интересы людей».

Часто на рисунках молодых людей присутствуют символы монархической власти — корона, скипетр и держава. Причем они встречаются и в тех случаях, когда из контекста рисунка понятно, что речь идет не о власти вообще, а о высших органах власти (или должностных лицах) нашей страны. Власть символизируют также «мигалки» (символ властных привилегий) и «крыша» (символ властных ресурсов).

Характерная черта образа власти, отраженная в рисунках всех исследованных групп (за исключением активистов — участников проекта «Селигер-2010»), — ее *закрытость и противопоставление общества (молодежи) и власти*. Наиболее распространенный образ, отражающий это противопоставление, — безликая толпа перед оратором. Часто к этому сюжету добавляются элементы, усиливающие эффект двух миров. Например, в толпе видны лозунги-требования, а власть (оратор) в ответ показывает фигу.

Общий сюжет в группах (за исключением активистов — участников проекта «Селигер-2010» и активистов профсоюзных организаций) — *в политике власть манипулирует молодежью (обществом)*. В деталях эти сюжеты отличаются и помещаются автором в знакомый по роду профессиональной деятельности контекст, но основная идея — манипуляции — отражена одинаково.

Образ власти в политической картине мира группы, имеющей опыт взаимодействия с властными структурами, — это манипулятор, который для работы с молодежью надевает маску «давления и использования в своих целях». Обозначены также в качестве манипуляторов власть (Кремль) и политические

партии, а в качестве марионеток — сама молодежь и прокремлевские организации («РгоКремль»).

Молодежь — электоральный ресурс власти. Представители всех исследуемых групп в образе власти видят молодежь как ее электоральный ресурс. Исключение составляют респонденты из групп, которые в подавляющем большинстве случаев в выборах участия не принимали.

В целом представления о власти в картине мира молодых людей, за исключением государственной символики, создают образ автономной, отстраненной, враждебной структуры, к которой у респондентов сформировано отчетливо негативное отношение. Исключением стали группы активистов — молодых людей, вовлеченных в общественно-политические практики и считающих себя успешно реализовавшимися (участники проекта «Селигер-2010» и молодые активисты профсоюзного движения).

Проведенный анализ рисунков позволяет описать линии дифференциаций в картинах мира.

Основное отличие, которое нам удалось зафиксировать, — *активность-пассивность жизненной позиции, иными словами, степень выраженности субъектной позиции носителя картины мира.* Наиболее четко субъектная позиция отражена в картине мира активистов. В ней представлен образ молодежи-партнера, равноправного субъекта властных отношений, фундамента современной российской власти.

Для других групп молодежи, которые также имели опыт (позитивный и негативный) реализации социальных проектов, опыт взаимодействия со структурами государственной власти, характерен образ власти-левиафана. Эти сюжеты похожи. Их можно описать как «государство, пожирающее (уничтожающее) инициативу (энергию) молодых».

Другое отличие в образах власти связано со *степенью их детализации.* На образ власти в политической картине мира оказывает влияние процесс профессиональной социализации. Например, студенты-политологи для обозначения закрытости власти и наличия множества фильтров, затрудняющих коммуникацию и пополнение элиты новыми членами, помимо закрытых зданий и высоких заборов изображают охрану и замки на всех входах. Этот же образ представлен в рисунке, изображающем власть как круг с широким, неразрывным контуром, в котором нет ни входа, ни выхода (политологи). Только в рисунках представителей этой группы образ власти детализирован, отражены ее уровни, представлен образ действующего тандема Путин — Медведев (как правило, негативные коннотации).

Отличительная черта рисунков студентов-психологов — присутствие Я в политической картине мира. Правда, во всех рисунках Я находится далеко за пределами политики и власти.

Особенностью образа власти в политической картине мира студентов-международников стал ее глобальный контекст: представители и символика других государства, система международных отношений и т. п.

В целом в политической картине мира молодежи отражен конфликт между социальным потенциалом молодежи и отношением к нему власти. Власть молодежь считает закрытой. Такие представления присутствуют в политической картине мира всех участников исследуемых групп — от активистов и экспертов до носителей наивной картины мира. Исключение — группа участников проекта «Селигер-2010», в личном опыте которых присутствовали практики общения с представителями власти (как минимум на Селигере).

Вовлеченность в общественно-политические практики существенно меняет представления о политике и первоначальные поведенческие установки. Происходит детализация представлений и изменение установок в основном на сознательно пассивные (отказ от общественно-политического участия).

Это наблюдается практически во всех исследуемых группах молодежи. Наиболее часто в качестве примеров такого опыта участники фокус-групп называют выборы, опыт участия в массовых общественно-политических организациях («Наши», «Молодая гвардия»), «Селигер» и волонтерство. Как правило, молодые люди называют такой опыт «использованием молодежи в политике». *«Я считаю, что это использование. Допустим, на примере выборов. К выборам применима формула «Селигера», все, наверное, слышали о таком форуме. Там проводятся опыты над молодежью, ну социологические, разумеется, а не химические. В чём заключаются — не буду говорить, но всё сводится к тому, чтобы подтянуть на выборах эту молодежь голосовать за Медведева-Путина, потому что это правительственный лагерь. И вся молодежь в регионах (я сам участвовал в таком и был использован лет в 16) используется на выборах. В 16 лет, будучи ещё глупеньким малышом, поверил, обещали деньги, трудоустройство»* (соучредитель инвент-агентства, 21 год).

«Мы занимались продвижением кандидатов в городскую думу. Мы толкали кандидата. Он обещал, конечно, много, мы сделали для него всё, он прошёл, а мы остались ни с чем. Все эти лозунги, акции, чёрный пиар — всё входило в нашу деятельность. Всё было эффективно, всё было хорошо, но детская психика была нарушена» (предприниматель, 24 года).

Участники исследования отмечают, что первоначально в основе общественной деятельности подростков и молодежи, как правило, лежат мотивы самореализации, самоактуализации, желание помочь другим, изменить свою жизнь и жизнь окружающих к лучшему. *«Молодой человек, который только входит в социальную и политическую сферу, не обладает опытом и в силу своих стремлений пытается преобразовать что-то, сделать лучше, качественно изменить. И в основном такие люди ломаются и не находят реализации своих внутренних потребностей. В основном все это заканчивается*

достаточно быстро, так как человек разочаровывается в своей деятельности и в деятельности, в которую он верил» (политолог, 22 года). Не отрицаются и прагматические мотивы — заработать стаж, обрести связями, использовать этот этап жизни как старт политической, управленческой или бизнес-карьеры. Опыт общественной деятельности (свой и своих знакомых) оценивается как «разный»: и удачный, и неудачный. *«Мы проходили в министерстве (молодежной политики в Республике Татарстан) практику, реально увидели все изнутри, как это работает. А после практики Президент ждал от нас советов, и те советы, которые мы дали, сейчас развиваются и реально реализовываются»* (студентка, Татарстан, Селигер-2010).

«Человек, начинающий чем-то активно заниматься, в первую очередь этим заинтересован. Когда у него получается, т.е. он чего-то добивается, он собирается идти выше, он думает, что можно развернуться. Но если сталкивается с какими-то барьерами, то у него просто опускаются руки («мне достаточно, мне хватило, я больше этим заниматься не буду, потому что это борьба с ветряными мельницами») (политолог, 21 год).

Все участники фокус-групп отметили, что испытали разочарование при реальном столкновении с властью и политикой. Этот опыт существенно повлиял на их нынешние убеждения и активность.

«Ничего не дают из обещанного, естественно. Это было движение «Наши». Они просто обходят тебя стороной и набирают новых ребят, потом выбрасывают и набирают других, когда они подрастают» (соучредитель инвент-агентства, 21 год).

«Молодежь не может изменить политику, потому что наша власть, чтобы избежать шаткости, уже подготовила себе команду-сменилицу. Вот у меня в школе были радужные представления о «Молодой гвардии», об акциях, о митингах. Это я сейчас понимаю, что нас как мясо сгоняли для массовки. В университете приходит осознание процессов всех политических манипуляций, узнаешь факты, и становится противно» (студентка, Санкт-Петербург, Селигер-2010).

Особенно горячо обсуждается участниками практики волонтерства. Почти все опрошенные сами или со слов своего ближайшего окружения знакомы с этой практикой. Мы не ставим цель описать весь спектр мотивов и мнений молодых людей по поводу волонтерства — это слишком обширная и отдельная тема, требующая детального анализа. Однако необходимо в контексте нашего предмета обсуждения подчеркнуть довольно настораживающую тенденцию.

Во всех группах молодежь отмечает значительное увеличение участников разных волонтерских проектов среди своих знакомых и появление некоторой моды на волонтерство, которая оценивается неоднозначно. *«Не случайно нас всех посетила мысль о волонтерстве, так как у нас много знакомых в этой*

сфере. Я сужу по собственным наблюдениям. Мне кажется, что это дань моде, все сейчас ими хотят быть. Может, это только у меня такие знакомые. Но я точно знаю, что у них есть волонтерская книжка, где отмечены их действия. Они повально носят майки, футболки с этой символикой, для них это просто символ. Мне кажется, это больше мода, чем реальные действия» (политолог, 21 год).

Очень четко волонтерские проекты распознаются либо как имеющие своим источником некоторую общественную потребность, либо как очередная директива власти. В последнем случае абсолютно во всех группах молодежи существуют опасения того, что это очередной «проект» власти, при помощи которого молодых и неопытных опять будут использовать. *«Идея волонтерства благая. Молодёжи не важно, что делать. Главное, чтобы делать это вместе, тусить — иными словами. Но чтобы что-то интересное делать, нужно чтобы молодёжь сама этим болела, а у нас получается директива сверху...»* (фрилансер, 25 лет).

Особой солидарностью эти мнения отличаются относительно последних проектов, в том числе и олимпийского. *«Молодежь — это сила! Например, волонтерское движение — это, считайте, бесплатная рабочая сила, которую под эгидой каких-то идей можно привлекать на разные проекты. Например, очистить побережье. Никто же не говорит, что если бы заплатили какие-то деньги, то не пришлось бы привлекать молодежь»* (специалист отдела персонала, 22 года). *«Сейчас волонтерство продвигают. Что это все хорошо и здорово. Это все надо для того, чтобы экономить деньги, потраченные на Олимпиаду. Олимпиада пройдет, волонтерам дадут пинка под зад, их забудут»* (механизатор, 23 года).

Представления молодежи об обществе, политике и своем месте в этой картине мира становятся основой для формирования ее гражданских качеств, которые реализуются в общественно-политической практике. В политической картине мира современной молодежи отражен конфликт между социальным потенциалом молодежи и отношением власти к этому потенциалу. Источником противоречий становится опыт общественно-политического участия молодых людей или их знакомых. Вступая в противоречие с «правильной» картиной мира, сформированной на этапе первичной социализации, этот опыт существенно корректирует поведенческие установки большей части молодежи: *«Место молодежи в политике вот здесь, в уголочке»* (дизайнер, 27 лет).

Налицо рассогласование стратегической цели (воспитание активных граждан) и технологий ее реализации, которые приводят к обратному результату (отстраненности от общественной и политической жизни). Профессиональным девизом всех, кто работает с молодежью, особенно представителей власти, должен стать принцип «Не навреди!» вместо жизненного кредо «Партия сказала надо...». Поскольку «движущей силой, определяющей институциональные из-

менения, был и остается — в рамках перспективного видения тенденций развития общественных отношений — человек мыслящий и человек действующий» [7, с. 53].

Библиографический список

1. *Гачев Г.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
2. *Гуревич А. Я.* Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
3. Исследования национального характера и политической картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3 (4).
4. *Ослон А.* Человек — «миноритарный» акционер картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3 (4).
5. Поколение XXI. Проект Фонда «Общественное мнение. URL: www.fom.ru
6. Поколение Y: социальный портрет современной молодежи 18–25 лет, составленный по свежим данным Фонда «Общественное мнение». URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>
7. *Соколов К. Б.* Введение в теорию социокультурной стратификации // Цветущая сложность: разнообразие картин мира и художественных предпочтений субкультур и этносов. СПб.: Алетейя, 2004.
8. *Семенов И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

.....

А. В. Егупов¹

В статье анализируются проблемы и перспективы формирования государственной политики Российской Федерации в отношении ислама. Рассматриваются исходные начала взаимодействия ислама и государственной власти, к которым относятся: разрешение спектра проблем от политических до культурных; укрепление союза власти и общества, федерального центра с субъектами РФ; реализация эффективной правовой и социальной политики в исламских регионах России; формирование грамотных идеологических инструментов противодействия исламскому экстремизму и терроризму; организация эффективного сотрудничества России с мусульманскими странами и авторитетными центрами исламской мысли за рубежом.

Ключевые слова: ислам, государственная политика, исламизация, политический ислам, формальные и неформальные исламские организации, экстремизм, терроризм.

The actuality of the declared theme is caused by essential activity of the Islamic factor in the Russian Federation and its subjects. The purpose of the article is the analysis of problems and prospects of formation of a state policy of the Russian Federation concerning Islam. By working out and realization of the balanced and consecutive state policy the initial beginnings of interaction of Islam and the government which concern should be taken into consideration: the permission of a spectrum of problems from political to the cultural; strengthening of the union of the power and a society, the federal centre with subjects of the Russian Federation; realization effective legal and social policy in Islamic regions of Russia; formation of competent ideological tools of counteraction to Islamic extremism and terrorism; the organization of effective cooperation of Russia with the Muslim countries and the authoritative centers of Islamic thought abroad.

Key words: Islam, public policy, Islamization, political Islam, both formal and informal Islamic groups, extremism, terrorism.

---

¹ Егупов Александр Викторович — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: san77@mail.ru

Для современного этапа развития мирового сообщества характерно значительное усиление политической активности ислама. В документах, выступлениях государственно-политических деятелей разного уровня, средствах массовой информации присутствуют заявления об исламском содержании политики. Исламизация трактуется как возможный путь решения социальных проблем, стоящих перед государством и обществом.

Сфера действия ислама как религиозного и политического фактора в настоящее время продолжает оставаться весьма значительной. Это обусловлено тесными связями данной религиозной системы с государством и правом в странах ее распространения, в том числе и в Российской Федерации. В ряду мировых религий ислам имеет наиболее близкое соприкосновение с государством и правом, где связующим звеном выступают исламская государственная идеология и мусульманское право. В этой связи, говоря о государственном характере ислама и мусульманского права, важно понимать то, что он представляют собой определенную систему норм. Это обуславливает необходимость разработки и реализации государственной политики в отношении ислама.

В качестве базового понятия государственной политики необходимо остановиться на ее определении, разработанном Л. В. Сморгунковым. «Государственная политика есть политический процесс управленческого влияния главным образом институтов исполнительной власти государства на основные сферы общества, опирающийся на непосредственное применение государственных властных полномочий как при разработке, так и при осуществлении стратегии и тактики регулирующего и организующего воздействия на все компоненты и аспекты функционирования и развития экономики, социальной сферы и других подсистем общества посредством размещения ресурсов, распределения, перераспределения общественных благ и других мер» [3, с. 67].

Государственная политика в отношении ислама в период с 1991 по 2010 г. претерпела заметные изменения и прошла ряд важных этапов [7].

Первый этап — либеральный, заключавшийся в полном предоставлении свободы совести и вероисповедания (в 1991 г. был принят Закон о свободе вероисповедания и религиозных организаций).

Второй этап государственной политики в отношении ислама (с 2000 по 2006 г.) — умеренно-репрессивный, поскольку в условиях тех проблем, с которыми столкнулось государство, силовые методы противодействия религиозному экстремизму, были единственно возможными. Этот этап взаимодействия между государством и исламом нельзя назвать успешным.

Третий этап (с 2006 по 2009 г.) охватывает период, когда государство постепенно начинает включаться как активный игрок в регулирование религиозной сферы.

В связи с тем что исламские государства отличаются друг от друга по социально-экономическим и общественно-политическим характеристикам, а также по сфере распространения и направленности влияния ислама и мусульманского права на их государственное развитие, можно выделить проблемы и перспективы государственной политики в отношении ислама.

Особую актуальность заявленной теме придает существенная активизация исламского фактора в Российской Федерации и ее субъектах, включая субъектов распространения ислама в Северо-Кавказском регионе. Усиление позиций ислама в социально-политической жизни регионов традиционного распространения ислама в конце XX — начале XXI в. привело к появлению представления о том, что ислам может стать эффективным инструментом влияния на экономический и политический курс регионов.

Российская Федерация является полиэтническим и поликонфессиональным государством, значительная часть населения которого исповедует ислам. Важность исламского фактора определяется следующими существенными факторами:

- в Российской Федерации проживают около 26 млн мусульман; регионами компактного расселения российских мусульман являются Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Западная Сибирь;
- ряд государств бывшего Советского Союза, население которых исповедует ислам, вступили в организацию Исламская конференция;
- в ряде традиционно исламских государствах, находящихся в непосредственной близости от Российской Федерации или граничащих с ней, мусульмане составляют либо внушительную часть населения (Индия, Китай), либо подавляющее большинство (Ирак, Сирия, другие арабские страны).

Все указанное свидетельствует о чрезвычайной важности для российской государственности поисков форм взаимодействия с мусульманами, а для науки — теоретического и проблемного анализа данного взаимодействия. Остановимся на проблемах формирования государственной политики в отношении ислама.

Во-первых, к проблемным вопросам в исламе относится слияние религиозной власти и политической администрации. Ни в одном исламском государстве не существовало организованной церкви, которая противостояла бы государству. Однако это не значит, что интересы мусульманского духовенства никогда не входили в противоречие с политикой административного руководства государств — такое случалось и случается в настоящее время. Ислам развивался в условиях религиозного и политического единства, предводителями которого были политические и в то же время религиозные деятели — Пророк, халифы, эмиры.

Во-вторых, на современном этапе приходится говорить об очевидной ограниченности, узости взгляда российской власти на ислам. С одной стороны, создание таких организационных структур, как Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, свидетельствует о том, что власть на государственном уровне уделяет внимание ведущим конфессиям Российской Федерации. С другой стороны, эти организации не акцентируют внимание на государственных аспектах взаимодействия власти и религии. Выстраивание взаимодействия с ними не может заменить полноценную государственную политику в отношении мусульман.

Ситуация с исламом усугубляется тем, что в последнее время государственная власть вынуждена заниматься не решением религиозных проблем, а реагировать на политическую активность ислама. Можно говорить о том, что в данной сфере позиция государства обозначена, но ее нельзя назвать логичной, последовательной и, самое главное, стратегически выверенной, поскольку в настоящее время ислам рассматривается как потенциальный подозреваемый и решение многих возникающих проблем с «исламской составляющей» возложено прежде всего на силовые структуры и правоохранительные органы.

В-третьих, проблемным представляется и явно однобокое отношение к исламу, в основном отвечающее актуальным потребностям государственной власти. В целом она оказалась не готовой к серьезному вторжению ислама в политическую жизнь, когда выяснилось, что существовавшие ранее формы взаимодействия с исламом как религией не могут способствовать выражению интересов государства перед лицом политического ислама. Новейший этап развития, в который вступила Российская Федерация, требует разработки целостной государственной политики, рассчитанной на включение позитивного потенциала ислама в демократические преобразования в государстве. Ключевым направлением в данной сфере является придание направленности политико-правовой сфере, которая содействовала бы укреплению российской государственности. В этой связи власть не может и не должна действовать непоследовательно — предоставлять исламу как религии свободу и в то же время всесторонне ограничивать политическую роль ислама. Государственной власти необходимо не вытеснять ислам из политики, а направлять его политическую активность в русло интересов Российской Федерации [7].

В-четвертых, проблемным аспектом взаимодействия государственной власти и ислама остается существующая в Российской Федерации судебная и правоохранительная системы, которые не учитывают отличия мировоззрения мусульман в своей практической работе. Порядок разрешения споров в российских судах по существу никак не учитывает местные обычаи и традиции регионов традиционного проживания мусульман. Столь же слабо эти особенности учитываются и в законодательной практике субъектов Федерации.

В-пятых, важно отметить, что требует пересмотра и позиция Российского государства по отношению к мусульманско-правовой культуре. Так, до сих пор шариат воспринимается властными структурами как символ исламского фундаментализма и сепаратизма. Среди базовых положений шариата есть положения, которые при полном соблюдении Конституции могут найти отражение в законодательстве ряда субъектов Российской Федерации. Например, институт вакфа, получивший признание в принятом в 1999 г. в Татарстане Законе о свободе совести и о религиозных объединениях [11].

Государство должно активно обращаться к достижениям мусульманской правовой культуры. Пока же приходится констатировать, с одной стороны, крайне поверхностное восприятие ислама в России, а с другой — неграмотное и противоречащее идеалам ислама его использование в целях, не имеющих с ним ничего общего. В самом деле, российское общественное мнение обычно ассоциирует ислам с экстремизмом и терроризмом, жестокостью и насилием, и нередко такая оценка находит подтверждение в действиях исламских политических группировок и организаций [13].

Таким образом, можно констатировать, что без обращения к мусульманскому праву трудно добиться эффективной интеграции исламских организаций в российскую политическую жизнь.

В-шестых, следует остановиться на еще одной проблемной составляющей разработки государственной политики в отношении ислама, связанной с деятельностью исламских общественных объединений и организаций. На наш взгляд, анализ характера деятельности формальных и неформальных исламских структур будет способствовать выработке более взвешенной и согласованной государственной политики в отношении ислама.

К формальным исламским структурам относятся муфтияты, общины, движения и объединения. В отношении ресурсов данных организаций все достаточно ясно: являясь формализованными и устоявшимися, они рассматриваются как стабильные организации.

Неформальные исламские организации (запрещенные экстремистские и террористические организации, незаконные вооруженные бандформирования) составляют вторую группу субъектов.

Формальные исламские структуры внутри России стремятся к достижению единственной, но важнейшей цели — поиску своего места в политике России, способов коммуникации с органами государственной власти. Их цели в основном направлены на взаимодействие с правительством, оказание гуманитарной помощи, информационное обеспечение мусульманских организаций. Так, например, Политическая партия Справедливости и развития России, преобразованная в 2003 г. из Исламской партии России и прекратившая свое существование в настоящее время (хотя сайт данной политической партии в Интернете

существует до сих пор), была создана для профессионального занятия политической деятельностью с целями:

1) участия в политической жизни общества посредством влияния на формирование политической воли граждан, участия в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации, участия в организации и деятельности указанных органов;

2) содействия формированию в обществе эффективной системы информационного обмена, в частности, объективного представления о народах, культурах и традициях отдельных социальных групп, применения их позитивного опыта и ценностей жизнеустройства на благо всей страны;

3) совершенствования государственного устройства и институтов общественной политики для реального обеспечения прав и возможностей граждан участвовать в политических процессах и установлении рационального диалога власти и общества.

В целом все многообразие современного исламского движения и происходящих в нем процессов можно разделить на два основных направления, различающихся друг от друга по методам деятельности. Умеренно-радикальное можно отнести к открытому типу организации, а ультрарадикальное, экстремистское — к закрытому. Следует также отметить, что далеко не все радикальные исламские организации можно однозначно отнести к тому или иному направлению, поскольку во многих из них присутствуют обе эти составляющие. Такого рода структуры называются исламистскими организациями смешанного типа.

Политизация ислама в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. выражалась в создании исламских партий и движений, в участии в политике наиболее активных представителей мусульманского духовенства, в задействовании исламского фактора во внешних отношениях. В 1990-х гг. в России действовали партии и движения, подчеркивающие конфессиональный характер своей идеологии и апеллировавшие преимущественно или только к мусульманам, которые можно считать организациями открытого типа. Среди них — возникшая еще в советскую эпоху Исламская партия возрождения, действовавшая в середине 1990-х гг., а также общественные движения «Нур», Союз мусульман России, Исламский Комитет, «Рефах», «Меджлис» и т. д. Помимо них, в регионах России, в Поволжье и на Северном Кавказе действуют региональные и республиканские объединения мусульман.

В-седьмых, чрезвычайно важен и наиболее сложен правовой аспект государственной политики по противодействию исламскому экстремизму и терроризму, реализуемый в применении действующего законодательства [12].

Принятое в некоторых республиках Северного Кавказа специальное законодательство о запрете экстремистской религиозной деятельности, связанной преимущественно с исламом, а также практики его применения так же способствуют формированию государственной политики по отношению к исламу. В рамках совершенствования правоприменительной практики целесообразно проведение активной работы правоохранительных органов по борьбе с исламским терроризмом в части реализации программ подготовки и повышения квалификации судей, сотрудников МВД и прокуратуры, работающих в исламских регионах России.

Однако приведенный спектр проблем, затрудняющих выработку эффективной государственной политики в отношении ислама, заставляет обратить внимание на перспективы взаимодействия государственной власти Российской Федерации с исламом как религией и политическим (и в первую очередь организационным) исламом.

С позиции российской власти участие ислама в политике не может оцениваться однозначно, в последнее время он часто приобретает формы и направленность, отвечающие национальным интересам и задаче укрепления государства [6]. В частности, о выработке нового подхода к исламу с позиций национальных интересов России говорил Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев 15 июля 2009 г. при посещении Московской соборной мечети. Для главы государства была организована экскурсия по мечети, показано ее историческое здание. После экскурсии Президент в административном здании Совета муфтиев России провел беседу с руководителями мусульманских религиозных организаций Российской Федерации, в которой принимали участие руководитель Администрации Президента РФ Сергей Нарышкин, председатель Совета муфтиев России (СМР) Равиль Гайнутдин, глава Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ) Талгат Таджуддин, руководитель Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) Исмаил Бердиев и другие представители мусульманского духовенства [8].

По мнению Д. А. Медведева, распространение толерантности и веротерпимости — одна из главных задач в условиях высокой активности экстремистов в России. «В мире по-прежнему все очень непросто, существуют этнические и конфессиональные конфликты. К сожалению, во многих регионах планеты заметен рост экстремистских настроений. И, к сожалению, в России деятельность экстремистских организаций является весьма активной», — сказал он [8]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что экстремисты только используют исламские лозунги как ширму, и в принципе не имеют отношения к вере. «Но тем не менее этот фактор является весьма сложным, дестабилизирующим ситуацию в нашей стране, и мы обязаны, конечно, его учитывать и принимать все меры для того, чтобы его нейтрализовать. В этих условиях

нашей важнейшей совместной задачей является распространение идей толерантности и веротерпимости, бережного отношения к духовным ценностям и традициям народов нашей многонациональной страны и ее культурному многообразию» [8].

По словам Президента, большую роль в противостоянии экстремизму должно сыграть мусульманское духовенство и образование. «Мы отдаем себе отчет, насколько важно для наших мусульманских религиозных организаций иметь собственную систему подготовки имамов и преподавателей. Государство будет и дальше помогать в этой работе», — подчеркнул Д. А. Медведев [2].

Внося значительный вклад в поддержание гражданского мира, развитие институтов гражданского общества, духовно-нравственное воспитание, борьбу с ксенофобией и экстремизмом, мусульманские религиозные организации функционируют в рамках государственной политики Российской Федерации.

Президент заявил, что государство сделает все, чтобы стабилизировать ситуацию на Северном Кавказе: «На Кавказе я бываю регулярно. Действительно, ситуация непростая. С другой стороны, мы все равно все сделаем для того, чтобы эта ситуация нормализовалась. Ничего другого у нас просто нет. Это наша святая обязанность по отношению к своим гражданам» [8].

«Мечети должны строиться, это абсолютно необходимо для того, чтобы мусульманская умма чувствовала себя комфортно, могла молиться. <...> Нужно думать о строительстве новых мечетей, особенно в тех местах, где живет много мусульман, и куда возможно будет приезжать большое количество гостей. <...> Давайте подумаем и о Сочи, конечно, тоже. Это нормально абсолютно», — сказал Д. А. Медведев в ответ на просьбу председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина построить мечеть в Сочи [8].

Новый подход к исламу с позиций национальных интересов России становится особенно актуальным в связи с реальной угрозой, которую для безопасности страны представляет исламский экстремизм и терроризм. Это явление имеет неодинаковое отношение к исламу как религии и системе определенных идей. Непосредственно с ним связаны те экстремистские действия, которые основываются на исламской идейно-теоретической базе либо преследуют выдвигаемые исламскими постулатами цели.

Исламский экстремизм и терроризм несут угрозу России как внутривнутриполитического (теракты, совершаемые исламскими радикалами, захват заложников и т. п.), так и внешнеполитического характера (участие иностранных наемников в терактах, финансовая помощь, миссионерская деятельность).

Разработка и реализация эффективной государственной политики в отношении ислама актуальна и перспективна в контексте противодействия актам экстремизма и терроризма, апеллирующего к исламу. В данном случае важен идеологический аспект, так как позиции мусульманских радикалов актуали-

зируются не только нерешенностью политических, социально-экономических, национальных проблем, но и тем, что они теоретически обосновывают свои действия исламскими концепциями.

Идеологические взгляды, религиозные направления, соответствующие им лозунги, требования и ориентации отражают сущность исламского мировоззрения. Исламская радикальная идеология состоит в подтверждении выдвигаемого положения той или иной цитатой из Корана или Сунны и реализуется в деятельности радикальных исламских организаций. Исламская идеология представлена тремя направлениями — суфизмом (тарикатизмом), догматическим богословием, а также салафией. На теоретическом уровне все три направления — более или менее организованная система воззрений. Можно выделить по формам деятельности умеренно-радикальные, радикальные и ультрарадикальные идеологические направления. Обращение к джихаду, который направлен против «неверных, многобожников и лицемеров», является своеобразной формой политической мобилизации верующих и противопоставляется традиционному исламу [4, с. 133–149].

Формулирование идеологической альтернативы исламскому терроризму и экстремизму должно быть частью более общей стратегии — разработки государственной политики в отношении ислама. При разработке и реализации такой принципиальной и последовательной государственной политики необходимо принимать во внимание следующие исходные начала [12]:

1) ислам — неотъемлемая и неотчуждаемая часть российской истории и культуры, в связи с чем государство должно выработать и реализовывать принципиальную позицию по отношению как к базовым принципам ислама, которые оно принимает, так и к исламским концепциям, несовместимым с условиями современного демократического общества;

2) отдельные положения шариата могут быть приняты российскими регионами традиционного распространения ислама без нарушения конституционных основ Российской Федерации;

3) истинные исламские идеи и принципы — весьма убедительный инструмент против идеологии исламского экстремизма и терроризма;

4) взвешенные и сбалансированные направления государственной политики в отношении ислама во многом будут способствовать расширению перспектив сотрудничества России с мусульманскими странами.

В качестве перспектив при разработке и проведении долгосрочной государственной политики в вопросах ислама государство должно исходить из определенных принципов, выраженных в непротиводействии традиционному исламу. Важно считать возрождение ислама и его политизацию фактором стабильного развития демократических основ страны.

Перспективным представляется также обращение к базовым исламским началам и идеям во всей их полноте (умеренности, стабильности, лояльности по отношению к властям, постепенности, совещательности, стремлении к компромиссу и консенсусу, избеганию вреда) как очень важному аргументу против идеологии исламского экстремизма и терроризма [10].

Таким образом, проведение логичной и сбалансированной государственной политики в отношении ислама позволит государству:

— разрешить политические, социально-экономические и национально-культурные проблемы регионов традиционного распространения ислама в Российской Федерации; обозначить политику федерального центра в этих регионах обращением к позитивным исламским ценностям, укрепить союз власти и общества, федерального центра с субъектами РФ, придать государству большую легитимность в глазах мусульман и одновременно подорвать влияние тех сил, которые используют исламские лозунги в сепаратистских целях;

— реализовывать эффективную правовую политику в исламских регионах России, которая бы не исключала использование отдельных достижений мусульманско-правовой культуры на строгих правовых основах при соблюдении российской Конституции и принципов действующего законодательства;

— обозначить и обосновать грамотную позицию по отношению к непримиримым ведущим духовным управлений мусульман и, самое главное, определить свое отношение к исламским политическим организациям, а возможно, и политическим партиям;

— сформировать грамотные идеологические инструменты противодействия исламскому экстремизму и терроризму;

— организовать эффективное сотрудничество России с мусульманскими странами и авторитетными центрами исламской мысли за рубежом в борьбе с исламским экстремизмом и терроризмом.

Библиографический список

1. *Добаев И. П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д: Издательство СКНЦ ВШ, 2001.
2. *Игнатенко А. А.* Эпистемология исламского радикализма // Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.
3. Государственная политика и управление: учебник: в 2 ч./Л. В. Сморгунов, А. П. Альгин, И. Н. Барыгин [и др.] под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления.
4. *Кудряшова И. В.* Идеологический дискурс политического ислама // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. 2003. № 4.
5. *Ланда Р. Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: Наука, 2005.
6. *Малашенко А. В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001.

7. *Маликов К., Усубалиев Э.* Ислам и государство: построение партнерских отношений. URL: <http://www.ca-cpp.org/news/5/299? REID=ba696a0e94ae3af3c5e7c08fd41901b7> Дата обращения 14.09.10
8. Медведев обозначил государственную политику по отношению к исламу. URL: <http://www.regions.ru/news/islam/2227411/> Дата обращения 14.09.2010
9. *Наумкин В., Макаров Д.* Исламский фактор в мировой политике и интересы России // Стратегии России. 2007. № 7.
10. *Сюкияйнен Л.Р.* Ислам против ислама. Об исламской альтернативе экстремизму и терроризму // Центральная Азия и Кавказ. 2002. № 3 (21).
11. *Сюкияйнен Л.Р.* Найдется ли шариату место в российской правовой системе? Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001.
12. *Сюкияйнен Л.Р.* О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/secularism-limits/2004/10/d2844/> Дата обращения 15.09.2010
13. *Сюкияйнен Л.* Российская власть и ислам. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php? st=1071563280> Дата обращения 13.09.2010

ОЦЕНКА И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

.....

М. В. Леонова¹

В статье дан обзор электронного участия, одного из направлений концепции электронного правительства. Обсуждается динамика концепции в странах ЕС, существующие механизмы обратных связей в рамках электронного участия. Приведены результаты исследований сайтов ФОИВ РФ 2009 г. в направлении оценки полноты и качества обратных связей на этих сайтах. Сопоставлены результаты внедрения различных механизмов электронного участия в России на сайтах Европейского союза. Сделаны выводы о развитии электронного участия в РФ. Выявлено, что из 11 эталонных механизмов обратных связей оптимальны для развития электронного участия в РФ только 6.

Ключевые слова: электронное правительство, электронное участие, сайт, обратная связь, механизмы обратной связи, индексы оценки полноты и качества.

A discussion of e-participation concept, one of the major trends for e-government is given in the paper. The dynamics of e-participation development for EU and existing instruments, or so-called e-participation areas, are described and compared to the ones implemented on RF e-government websites. Author provides the results of research performed on selected web-sites in terms of completeness and quality of e-participation instruments and mechanisms. It turned out that the required e-participation level is significantly higher than the actual revealed for Federal Government web-sites in 2009. Only 6 mechanisms of 11 required were revealed on federal e-Government sites during the study. As for the quality of e-participation instruments implementation: the more instruments are implemented to the website, the less quality and usability they have.

Key words: e-Government, public participation development, e-participation, feedback mechanisms, completeness index, quality index, composite index.

Электронное правительство (ЭП) — это современный инструмент, который позволяет гражданам и организациям получить удобный доступ к необходи-

---

¹ Леонова Марина Владимировна — аспирант кафедры управления развитием высоких и информационных технологий МФТИ (ГУ). Эл. почта: mleonova@miptic.ru

Исследование реализовано при государственной поддержке в виде гранта Института общественного проектирования в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 16 марта 2009 г. № 160-рп «Об обеспечении в 2009 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества».

мой информации и государственным услугам, а также потенциально эффективный способ их электронного участия (э-участия) в принятии решений, один из важных факторов для развития гражданского общества. В последнее время понятие ЭП в России все чаще сводится к организации межведомственного взаимодействия и предоставлению государственных услуг он-лайн [6], в то время как зарубежом активно развивается eParticipation, или электронное участие.

Электронное участие в данном исследовании подразумевает использование ИКТ с целью привлечения различных групп граждан в публичную политику и развития новых эффективных форм взаимодействия с органами власти (расширение существующего канала взаимодействия, улучшение имиджа, «спускание пара», реальная помощь по каким-либо вопросам). Электронное участие подразумевает двусторонний обмен информацией между гражданами (бизнес-сообщество, экспертное сообщество, гражданское общество в целом) и представителями государственной власти всех уровней компетенции.

Понятие э-участия появилось в модели развития электронного правительства Европейского союза. Как отмечают исследователи, в 2000 г., когда нормативная база ЭП в ЕС только развивалась, в программе «ЕС: Reforming the Commission, A White Paper, Brussels 2000» упоминалась лишь необходимость прозрачности власти (transparency) [7, с. 4].

Уже в следующем году в документе «European Commission: European Governance, a White Paper, Brussels 2001» признана необходимость преодоления барьера в коммуникациях с гражданами. В этот момент появилось понятие «он-лайн консультации» (consultations), т. е. высказывания мнений независимыми консультантами, в том числе гражданами, по каким-либо вопросам работы Комиссии. 2005 г. ознаменован значительным развитием концепции э-участия, появилось понятие «доверительное взаимодействие» (less formal interaction) в документе «Action plan to improve communicating Europe by the Commission 2005». Здесь описана необходимость взаимодействия с гражданами, «донесения» информации о принимаемых решениях, новых документах, программах и др., установлен минимальный уровень консультаций с заинтересованными сторонами по принимаемым решениям по всему ЕС, а также даны рекомендации национальным правительствам по развитию э-участия.

Трудности с принятием общеевропейской Конституции в том же году так или иначе повлияли на развитие концепции э-участия, закрепленной в «Плане «Д»» — демократия, диалог, дискуссия» (European Commission: The Commission's contribution to the period of reflection and beyond: Plan-D for Democracy, Dialogue and Debate, Brussels 2005).

Появление Web 2.0 способствовало развитию механизмов прямого участия граждан в принятии и поддержке политических решений (European

Commission: Communicating Europe in Partnership 2007; Communicating about Europe via the Internet, engaging the citizens, SEC (2007) 1742, Brussels, 21.12.2007.)

Создание ряда межнациональных и национальных сервисов для развития э-участия перевело концептуальные построения в практические результаты.

В 2008 г. Европейская комиссия реформировала «План «Д»», усилив необходимость работы с гражданами: «...лучше прислушиваться к мнениям и подробнее объяснять проводимые программы и политики». Диалог расширяется привлечением СМИ. Демократия участия развивается с использованием ЭП местного, регионального, национального и межнационального уровней, на которых запущен ряд проектов в рамках инициативы «План «Д»». Высказать свое мнение европейские граждане могут, участвуя в прямых дебатах, интерактивных форумах, так называемых public spaces, и используя ряд механизмов, описанных далее.

Систематическими исследованиями э-участия занимается с 2006 г. организация DEMO-net: The eParticipation Network². Специалистами этого проекта выявлен набор из 11 инструментов э-участия [4].

1. Предоставление информации.

ИКТ используется для организации, презентации и управления информацией в контексте публичного участия. Доступ к информации в рамках требований законодательства, предоставление информации по различным вопросам работы ведомств, повышение открытости ведомств, формирование положительного образа ведомств, повышение социальной эффективности.

2. Создание групп э-участия (community).

ИКТ способствует формированию, развитию активных групп населения и обмену информацией между участниками этих групп. Имеется механизм регистрации, поддержки и верификации пользователей. Существуют «площадки для обсуждения», возможность объединения в группы, выражения группового мнения и обмена информацией внутри групп. Группы модерированы самими пользователями или внешними администраторами.

3. Он-лайн консультации: учет мнения заинтересованных лиц (стейкхолдеров).

ИКТ позволяет стейкхолдерам высказывать мнение (в личном или публичном порядке) о различных проблемах и вопросах, т. е. консультации от граждан к правительству. В рамках механизма могут работать все формы выра-

---

² DEMO-net: The eParticipation Network — проект, финансируемый рамочной программой ЕС «Технологии информационного общества» IST (FP6-2004-27219). Открыт 1 января 2006 г. Цель DEMO-net — способствовать развитию и интеграции научных исследований в области политической, технической и социологической составляющих э-участия, а также формировать стратегические приоритеты развития ЭП. Проект объединяет специалистов всех стран ЕС. URL: <http://www.demo-net.org>

жения мнения с помощью ИКТ: от анонимного до возможности подписаться электронным ключом. Данный механизм позволяет «собрать» мнения в форме свободных высказываний, а не сформировать их посредством информационных, рекламных или иных кампаний.

4. Проведение кампаний/публичных акций.

ИКТ используются для проведения акций протеста, лоббирования интересов социальных групп, подачи петиций и прочих форм коллективного действия (за исключением предвыборных кампаний). Механизм способствует выражению мнения различными гражданскими, бизнес- и экспертными группами, а также предполагает активное влияние и формирование взглядов других граждан. Пример — сбор подписей под обращением Президенту. Дискуссий в чистом виде нет.

5. Предвыборные кампании.

Механизм позволяет проводить предвыборные кампании с использованием Интернета: размещать материалы программ, проводить обсуждения в режиме он-лайн, транслировать выступления кандидатов и др.

6. Слабоструктурированное обсуждение (deliberation).

Множественные высказывания граждан без довлеющего мнения. Обсуждение инициатив гражданами: проведение дискуссий в режиме он-лайн внутри малых и больших групп граждан как модерлируемых (структурированных), так и нет. Характерный признак этого механизма — отсутствие активного участия представителей ведомства. В этом смысле есть некоторое пересечение с механизмом 3. Но, в отличие от консультаций, здесь происходит обсуждение проблем и мнений внутри групп граждан.

7. Дискурс.

Обсуждение проблем и совместная выработка решений гражданами и представителями власти. Модерируемая дискуссия, экспертный анализ принимаемых решений. Диалог между гражданами/активными группами и уполномоченными представителями власти с целью выработки решений существующих проблем.

8. Разрешение конфликтных ситуаций он-лайн. (mediation).

ИКТ облегчают разрешение споров и конфликтов методом он-лайн-взаимодействия. Сайты предоставляют возможность высказать мнение относительно работы ведомства или отдельных его служащих. Разбираются конфликтные ситуации, происходит разрешение споров с привлечением вышестоящих инстанций.

9. Городское планирование и вопросы защиты окружающей среды.

Обсуждение вопросов планирования городского пространства, архитектуры и др. Возможность он-лайн-мониторинга экологической ситуации по ключевым показателям, отчетам, участия в публичных акциях.

10. Проведение опросов среди граждан.

ИКТ используется для определения общественного мнения методом электронных опросных листов. Лист может содержать как один, так и несколько вопросов. Обсуждение анкет и любая другая дискуссия не предполагаются.

11. Выборы в режиме он-лайн.

Дадим сравнительный анализ применения механизмов электронного участия на сайтах стран Европейского союза и РФ. Процедура сравнения включает три этапа:

- формирование списка механизмов обратных связей, возможных в рамках модели электронного участия;
- выявление работающих форм ОС на сайтах ЭП (экспертный анализ);
- расчет процентных долей использования опций ОС для сайтов ЕС и РФ.

Данные по уровню использования опций ОС сайтов Европейского союза взяты из отчета об исследовании группы Университета Македонии [5, с. 3]. Данные по сайтам РФ получены в ходе исследования группой ИСА РАН. Основой при получении данных ЕС послужила модель «e-participation areas» DEMO-net [4]. Выборка составила 255 сайтов из 18 стран. В нашем исследовании изучался 91 сайт, в том числе 87 сайтов федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), а также сайты Президента, Премьера, «Национальные проекты», «Электронная Россия».

Результаты сравнительного анализа продвинутости инструментов э-участия на сайтах ЕС (в общей сложности 255) и РФ (всего 91 сайт) представлены на рис. 1.

Из рис. 1 видно, что на сайтах электронного правительства РФ доминирует инструмент предоставления информации гражданам (93%). Что же касается сайтов ЕС, то они развиваются более равномерно и направлены не только на предоставление информации, но и на вовлечение граждан в диалог, на развитие обратных связей. На сайтах ЕС преобладают: предоставление информации — 44%, слабоструктурированная дискуссия — 30, консультации — 28, дискурс — 16%. Такие инструменты, как вопросы защиты окружающей среды, проведение предвыборных кампаний и создание групп электронного участия (социальных сетей), представлены лишь на каждом десятом из совокупности исследуемых сайтов.

Отметим также что инструменты голосование и проведение предвыборных кампаний в режиме он-лайн получили 0% в силу того, что сайты ЭП федераль-

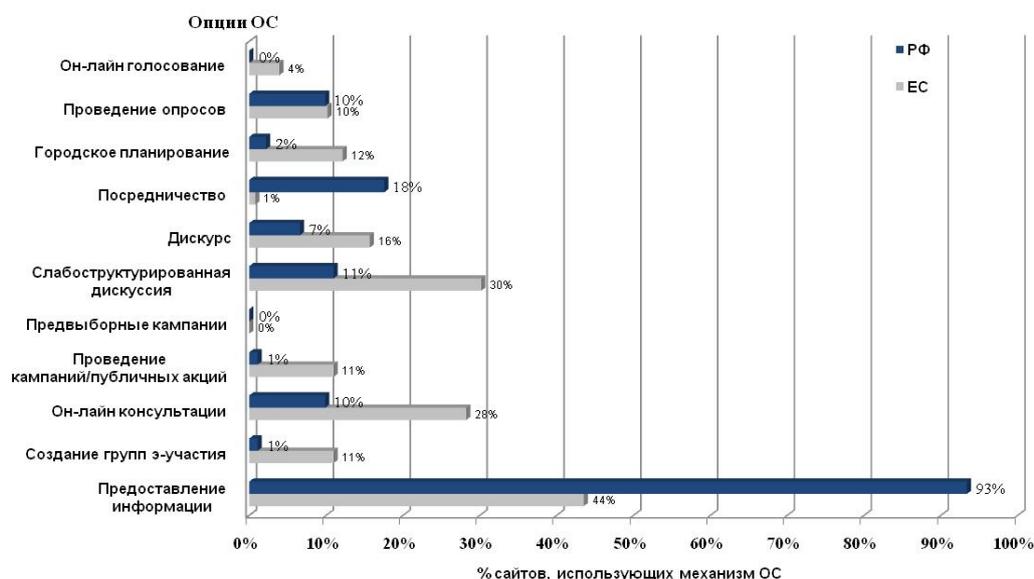

Рис. 1. Сравнение полноты обратных связей сайтов ЕС и РФ

ного уровня на работу таких инструментов не рассчитаны. К тому же, например, для он-лайн-выборов в РФ не существует законодательной базы.

Сайты ФОИВ РФ представляют меньше возможностей электронного участия, чем сайты ЕС по всем опциям, кроме предоставления информации и «электронного посредничества» (разрешения споров в режиме он-лайн). Популярность последнего инструмента объясняется распространением форумов, где пользователи получают консультации по конкретным вопросам. Как показало исследование, в остальных областях электронного участия и у сайтов ЕС, и у сайтов РФ есть значительные возможности роста.

Результаты данного исследования показывают необходимость развития различных форм обратных связей, имеющих смысл инструментов э-участия.

Оценка полноты и качества обратных связей на сайтах ФОИВ России была проведена на базе методологии, созданной учеными Института системного анализа РАН и Московского физико-технического института. КИ_ОС [1, с. 351–363; 2, с. 217–220; 3, с. 548–556] состоит из двух субиндексов:

- 1) индекса полноты возможностей реализации обратной связи (далее — ИП);
- 2) индекса качества реализации обратной связи (далее —ИК).

Индекс ИП показывает, какая доля от общего числа возможных инструментов ОС реализована на федеральном сайте. На базе индекса ИК эксперты оценивают информативность, удобство пользования ОС, простоту и ряд других его характеристик.

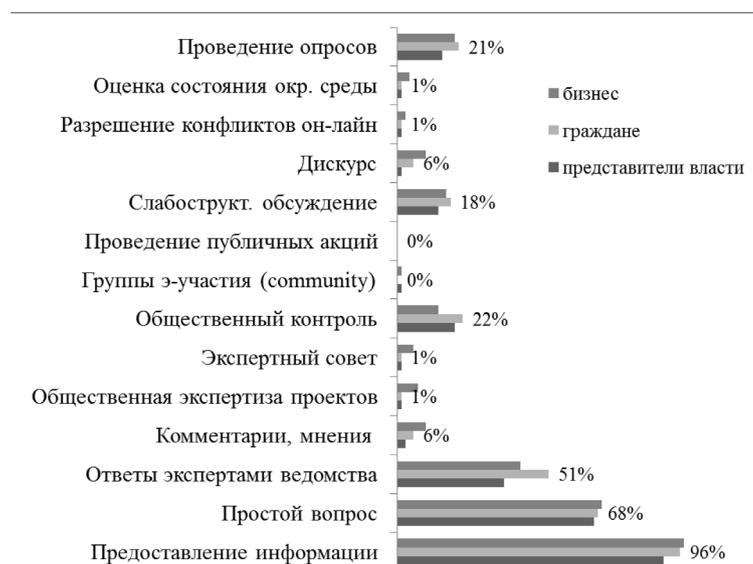

Рис. 2. Оценка наличия инструментов обратной связи на сайтах ЭП РФ (72 сайта)

Сравнивая различные варианты ОС с помощью разработанных авторами процедур, можно составить так называемое эталонное множество ОС для заданного набора сайтов ведомств. Такой список из 14 инструментов был представлен для анализа тремя группами экспертов «представители бизнеса», «представители власти» и «граждане».

Исследование ЭП в России проведено в 2009 г. на сайтах министерств, федеральных агентств и федеральных служб, а также ряде сайтов, например, «Национальные проекты» и др. Сформированная специальным образом группа объектов исследования насчитывала 72 сайта.

Результаты оценки применимости инструментов эталонного множества на исследуемых сайтах представлены на рис. 2.

При анализе функционирования 72 сайтов экспертами было установлено, что из 14 инструментов ОС, применяемых на сайтах ЭП стран ЕС, в России фактически нашли применение лишь 6 инструментов. Исследование показало, что эксперты из трех групп, проводя оценку независимо друг от друга, пришли к довольно согласованному мнению. Так, выявлено, что наиболее распространенными инструментами ОС оказались «предоставление информации» (имеются на более чем 90% сайтов) и «простой вопрос» (более чем на 2/3 сайтов). Инструмент «запрос, требующий подготовки экспертного заключения от ведомства» представлен на 40% сайтов.

Очевидно, что такое использование инструментов ОС деформирует исходную идею развития ЭП России, снижая потенциал развития э-участия и ограничивая гражданскую инициативу.

Поскольку на большинстве сайтов (около 80%) было выявлено наличие 6 инструментов, оценка экспертами индексов полноты и качества обратных связей велась только применительно к ним.

Эксперты оценивали качество 6 применяемых из 14 возможных механизмов ОС:

- 1) предоставление информации;
- 2) простой вопрос;
- 3) запрос, требующий подготовки экспертного заключения;
- 4) общественный контроль;
- 5) слабоструктурированное обсуждение;
- 6) проведение опросов.

Каждый эксперт проводил оценку качества сайтов по единому набору критериев: простота использования механизма ОС; информативность и обновление информации; наличие системы подсказок и специальных форм; участие представителей ведомства в диалоге и принятии решений.

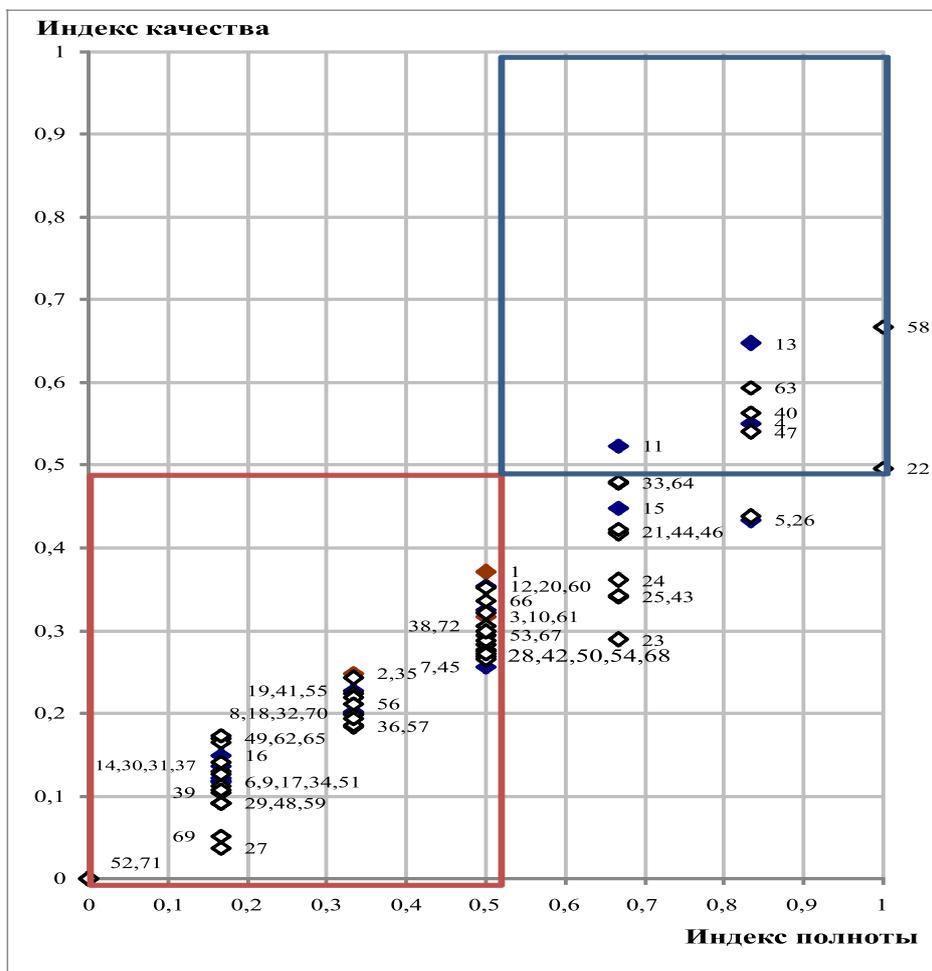
Визуализация оценок сайтов экспертами по индексам ИП и ИК дана на рис. 3. Отметим, что значения ИП и ИК нормированы и изменяются от 0 до 1, где 1 — наилучшая оценка. Оценки каждого сайта представлены точками на графике. Нумерация точек соответствует порядковым номерам 72 исследованных сайтов.

Кратко опишем те сайты, которые попали в список лучших по индексам ИП и ИК:

По полноте набора инструментов значения индекса полноты (ИП) распределены следующим образом:

- ИП = 0,16 — один инструмент э-участия («предоставление информации»),
- ИП = 0,33 — применяются 2 инструмента из списка оценки,
- ИП = 0,5 — три инструмента,
- ИП = 0,67 — четыре инструмента,
- ИП = 0,83 — пять инструментов,
- ИП = 1 — шесть инструментов.

Сайт № 58 (Федеральная налоговая служба) — один из наиболее развитых: неплохая база данных, развитый форум, регулярные опросы пользователей, хорошая он-лайн-поддержка и т. п.

1 Президент РФ	13 Минпромторг	25 ФСБ	37 Рособразование	49 ФАР	61 Росстат
2 Премьер РФ	14 Минрегион	26 Госнаркоконтроль	38 Росгидромет	50 Росмолодежь	62 Роскартография
3 Правительство	15 Минсвязи	27 ГУСП	39 ФСНП	51 ФАТ	63 Росеестр
4 МВД	16 Минсельхоз	28 Роспотребнадзор	40 Ростехнадзор	52 Росспорт	64 ФАУОЭЗ
5 МЧС	17 Минспорт	29 Росздравнадзор	41 Росводресурсы	53 Ространснадзор	65 ФАС
6 МИД	18 Минтранс	30 Роструд	42 Роснедра	54 Росавиация	66 ФТС
7 Минобороны	19 Минфин	31 ФМБА	43 Роскомнадзор	55 Росавтодор	67 ФСТ
8 Минюст	20 МЭР	32 Росохранкульта тура	44 Росинформтехн ологии	56 Росжелдор	68 ФКА
9 Минздрав- соцразвития	21 Минэнерго	33 Росархив	45 Роспечать	57 ФАМирТ	69 НАК
10 Минкульт	22 ФМС	34 Роспатент	46 Россвязь	58 ФНС	70 Нацпроекты
11 Минобрнауки	23 ФСИН	35 Рособрнадзор	47 Россельхознадзор	59 ФССН	71 ФЦП «Э-Россия»
12 Минприроды	24 ФССП	36 ФАНИ	48 ФАЛХ	60 Казначейство РФ	72 Работа в России

Рис. 3 Распределение сайтов ФОИВ по индексу КИ_ОС — 2009 г., групповая оценка

На сайте № 22 (Федеральная миграционная служба) задействованы все 6 инструментов ОС, но их качество несколько ниже.

У сайта № 21 (Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков), где имеется слабоструктурированное обсуждение, качество реализации механизма ОС невысокое. В целом слабоструктурированное обсуждение — форум/гостевая книга без участия официальных представителей ведомства не требует существенных затрат по поддержанию, формированию дискуссии и др., поэтому ряд сайтов, получив хорошие оценки по индексу ИП, затем «проваливались» по индексу ИК.

В группе лучших находятся сайты № 4 (Министерство внутренних дел РФ) и № 47 (Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору). Однако эксперты дали им весьма неоднозначные оценки. Так, сайт № 63 (Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости) получил хорошие оценки экспертов по критериям информативности и простоты использования инструментов, но участие представителей ведомства в диалоге с гражданами было оценено как неэффективное.

Большая часть сайтов попала в группу слабого уровня развития ОС по ИП и ИК. Многие из них, по отзывам экспертов, представляют собой «обычную газету» с официальными новостями. В таких «газетах» размещают, например, проекты документов для проверки на коррупциогенность, но как высказать мнение по документу, зачастую неясно (разве что по электронной почте редактору сайта).

Если рассматривать качество инструментов ОС отдельно по министерствам, то наблюдается следующий интересный результат: сайты с одним инструментом ОС — «предоставление информации» получили от экспертов хорошие оценки по качеству. Однако чем больше на сайте инструментов ОС, чем сложнее их организовать и поддерживать, тем хуже в среднем оценки по качеству инструментов.

Например, сайт № 11 (Министерство образования и науки РФ) имеет хороший набор инструментов ОС, в том числе «дискурс» (напомним, что этот инструмент не попал в число шести самых распространенных). У сайта высокие оценки по механизму «предоставление информации», но другие механизмы ОС получили невысокие оценки по критерию «участие представителей ведомства». На сайте публикуются ответы министра, можно задать вопрос в режиме он-лайн, однако участие менее высокопоставленных чиновников не столь заметно и проявляется редко. Усреднение оценок дает результат по индексу качества менее половины от возможного. Сайт № 13 (Министерство промышленности и торговли РФ) — один из лидеров по развитию разных вариантов э-участия. Качественно организованы опросы граждан (развернутые анкеты, разнообразная тематика опросов и др.). Реализация этого механизма намного

лучше, чем у сайта № 5 (МЧС), где опросы ограничиваются примитивными голосованиями.

В целом качеству реализации более сложных инструментов, требующих постоянного участия со стороны ведомств, уделяется явно меньше внимания на большинстве сайтов.

Проанализировав результаты исследования, обобщим ряд причин такой ситуации.

Проблемы организационного характера:

- низкий уровень компьютерной грамотности чиновников и, как следствие, неактивное участие представителей ведомства в диалоге с гражданами;
- отсутствие нормативной базы, централизованных программ и политик по развитию э-участия в РФ;
- недостаточное внимание руководителей ведомств развитию э-участия по сравнению с оказанием государственных услуг;
- невосприятие э-участия как метода взаимодействия между представителями бизнес-сообщества, гражданами и государственными служащими в РФ;
- низкое качество инструмента электронного участия, требующего больших усилий на создание, развитие и поддержание.

Причины «социального» характера:

- невысокий уровень доверия к представителям ведомств и, как следствие, пониженная активность граждан в дискуссиях на официальных сайтах;
- «цифровое неравенство» — разный уровень владения ИКТ разными группами граждан.

Методологические причины:

- слабая изученность научным сообществом проблемы вовлечения гражданского общества в процесс управления государством посредством ИКТ и технологий ЭП;
- отсутствие достаточного взаимодействия в развитии методологии ЭП между практиками и учеными.

Установлено, что информационные ресурсы не развиваются в соответствии с концепцией электронного правительства и электронной демократии, заявленной в программе «Электронная Россия». Более того, развитие ведущих ресурсов ФОИВ РФ слабо соответствует уровню сайтов электронного правительства, например, стран ЕС.

Опираясь на результаты исследования, а также исходя из опыта разработки электронного правительства и моделей электронного участия в странах ЕС и в США, целесообразно наладить систему мониторинга полноты и качества обратных связей. Для сайтов с оценками в области низких значений индекса

полноты и индекса качества (меньше 0,5) необходимо упорядочить деятельность по расширению схем организации механизмов обратных связей с учетом интересов пользователей, разработать план по обустройству механизмов обратной связи и наладить службы внедрения новых механизмов.

Учитывая, что для организации инструментов ОС современные технологии представляют большой набор возможностей: форумы, RSS, блоги, wiki, твиттеры, социальные сети и пр., ограничиваться обычными формами «вопрос — ответ» и форумами, организуя 1–3 инструмента ОС, — недальновидная стратегия развития электронного правительства.

На наш взгляд, необходимо более полное представление механизмов ОС, направленных на развитие электронного участия: предоставление возможностей для дискурса, слабоструктурированного обсуждения, представления он-лайн-петиций. При увеличении «проникновения» Интернета, сокращении цифрового неравенства и действиях государственных властей, направленных на снижение указанных показателей «социальных причин», роль э-участия в общем демократическом процессе, несомненно, возрастает.

Библиографический список

1. *Леонова М. В., Якимец В. Н.* Индекс оценки полноты и качества обратных связей информационных ресурсов государственной власти // Труды ИСА РАН. Т. 34: Инновации в общественной сфере. М.: АКИ, 2008.
2. *Леонова М. В., Якимец В. Н.* Композитный индекс оценки эффективности обратных связей информационных ресурсов ФОИВ России // Интернет и современное общество. СПб.: СПбГУ, 2007.
3. *Леонова М. В., Якимец В. Н.* О развитости обратных связей на сайтах э-правительства: индекс оценки, пилотные измерения, критерий «дружелюбности», актуальность в условиях кризиса // Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации. М.: МГУ, 2009.
4. DEMO-net. Introducing eParticipation. DEMO-net booklet series № 1. 531, 2007. URL: <http://www.demo-net.org>
5. *Panopoulou E., Tambouris E., Tarabanis K.* eParticipation initiatives: How is Europe progressing? URL: www.epracticejournal.eu.
6. *Pak O.* Formation of the E-Government in the Russian Federation // Доклад на рабочей встрече ОСЭР «Индикаторы функционирования электронного правительства» 29–30 марта 2010, Париж. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/infOrientedSoc/doc20100330_011.
7. *Smith S., Dalakiouridou E.* Contextualising Public (e) Participation in the Governance of the European Union. URL: www.epracticejournal.eu.

ПСИХОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТА

Ю. М. Забродин¹

Излагаются положения психологической теории организации поведения человека в реальном социальном окружении. Рассматриваются соответствующие психологические механизмы и законы.

Ключевые слова: субъект, организация поведения, социальное пространство.

Set out the terms of the psychological theory of human behavior organization in real social environments. Review relevant psychological mechanisms and laws.

Key words: subject, organization behavior, social space.

Общие принципы организации поведения

В ряде наших работ [6; 7] мы показали, что поведение субъекта подчиняется определенным законам, определяющим несколько важных обстоятельств жизненного пути человека: на каждом этапе и в каждый момент жизненного пути индивид встречает человеческие организации, сталкивается с человеческими проблемами и вступает в человеческие отношения.

Существует определенная линия развития субъекта, его траектория в мире. С этой точки зрения можно рассматривать некоторые отрезки жизненного пути субъекта: ситуация в настоящее время, оценка перспектив развития ситуации и объемы тех взаимодействий, в которые в каждый данный момент субъект вступает с окружающим миром. Мы отмечали, что существует определенный спектр взаимодействий субъекта в каждый данный момент и вектор вероятного направления развития его траектории (элемент или интервал жизненного пути). Мы выделяли также два принципиально разных типа субъектных взаимодействий: взаимодействие с системой объектов и с множеством субъектов как себе подобных. Эти два типа взаимодействий по определению задают специфику отношений субъекта с окружающим миром.

---

¹ Забродин Юрий Михайлович — доктор психологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского городского психолого-педагогического университета, заведующий кафедрой организационной и экономической психологии. Эл. адрес: zabrodin_yuri@mail.ru

Вопрос состоит в том, что в каждый момент мы рассматриваем не только структуру взаимодействия субъекта, не только его динамику и вероятное направление развития, но и то, как конкретно *регулируется каждый шаг, каждый момент поведения человека*. Вся сложная структура *текущих взаимодействий*, каждый момент динамики движения (в том числе развития) самого субъекта, конечно же, включает в себя текущий момент времени, *наличную ситуацию взаимодействия*, поскольку в каждый момент жизни существуют окружающие человека субъекты (социальная среда) и окружающая его вещественная (объектная) природная среда. При этом если рассмотреть другой момент движения субъекта по *траектории жизненного пути*, можно увидеть реальное изменение жизненной ситуации, которое можно обозначить как *элемент жизненного пути*. С точки зрения внешнего наблюдателя, это означает как *изменение внешнего (по отношению к субъекту) Мира, так и изменение самого субъекта*.

Конечная ситуация, являясь составной частью общего процесса взаимодействия субъекта, в то же время отличается от каждого из предшествующих (и последующих) моментов взаимодействия. Таким образом, существует определенная начальная ситуация движения субъекта, а в конечном итоге реализуется (и наблюдается) некая *конечная ситуация* и при этом важным моментом становится субъектная активность — основа развития, *преобразования начальной ситуации в конечную*. Нужно отметить, что описанное движение из начальной ситуации в конечную рассматривается большинством теоретиков как *преобразование субъектом окружающего мира*.

Как мы видели, можно выделять различные аспекты анализа человеческого поведения в ходе преобразования субъектом его окружения. Один из них, относительно традиционный, связан с исследованием *структуры субъектных взаимодействий*, в которой мы выделяем *два принципиально различных* (и важных для понимания человеческой психологии) вида взаимодействия: взаимодействие субъекта с объектами и взаимодействие с другими субъектами.

Первый вид — *субъект-объектное взаимодействие* — строится и осуществляется по законам физического мира (по естественнонаучным законам). Второй вид описывает *взаимодействие субъекта с другими субъектами и строится* по совершенно другим законам, при этом главный механизм взаимодействия данного субъекта с другими субъектами — это *передача сообщений*. В таком случае естественно, что в организации межсубъектного взаимодействия реализуются другие законы: законы передачи информации, законы движения сообщений, которые не подчиняются известным естественнонаучным законам и не сводятся к ним.

Вместе с тем важным для психологического анализа становится и другой аспект человеческого поведения: описанная *структура движения* взаимодействия субъекта определяет элемент или *интервал траектории жизненного*

пути единичного субъекта, т. е. *элемент его акмеогенеза*; синхронное объединение таких интервалов для множества взаимодействующих субъектов создает *элемент социального пространства* как пространства человеческих взаимодействий. В действительности каждый раз, когда мы рассматриваем *жизненный путь* и *текущий момент движения* единичного конкретного субъекта, важно представлять, каковы объемы, каковы реальные возможности и перспективы его взаимодействия с окружающим миром в данный момент. Это важно потому, что в любом практическом контакте с человеком необходимо понимание того, какова его реальная жизненная ситуация в настоящий момент и какова вероятная перспектива ее развития.

В принципе, идеи Л. С. Выготского о зонах ближайшего развития [2] (имплицитно предполагающие знание направлений ближайшего развития) предусматривают, что при изучении развития человека нужно проследивать некоторый интервал развития человека в пределах его реальных возможностей. Отметим, что в нашем случае мы рассматриваем все *пространство потенциальных возможностей движения субъекта в Мире*, а не только *функционально заданные или функционально связанные между собой траектории ближайшего развития*. Понятно, что это пространство определяет реальные и реализуемые возможности перспективного развития поведения или будущего движения субъекта в последовательности элементов жизненного пути как элементов индивидуальной человеческой судьбы. При определении потенциала движения субъекта для нас очень важно оценить *потенциальные возможности субъекта, его интенции и ограничивающие условия среды*. Чем большими возможностями обладает субъект, тем более развернут объем его контактов с окружающим миром; чем хуже и жестче условия среды, тем больше они *сжимают* объем взаимодействий субъекта с окружающим миром. Подчеркнем, что в данном случае противоречие обнаруживается не между субъектом и окружающей средой, а именно в этом самом объеме его взаимодействий: в структуре и дальности реального взаимодействия реального субъекта.

Естественно, что регулирование (коррекция) элементов жизненного пути субъекта как раз предполагает возможность изменений тройного вида: *изменения среды, изменения возможностей субъекта и изменения интенции субъекта*, которая определяет его ближайшие намерения. Таким образом, видно, что есть возможность изменения субъектного поведения через три фундаментальных фактора.

Можно пытаться управлять *возможностями субъекта*. В своей сути эти возможности предполагают эффективное использование *способностей субъекта и его ресурса*. Заметим, что *развитие способностей* — это классическая задача обучения (правда, в несколько другой формулировке). *Развитие человеческого ресурса* — довольно новая для теоретической психологии проблема. В течение последних лет она активно изучается, в том числе экспериментально:

ведутся обширные исследования скрытых возможностей человека, оценка его резервных возможностей; исследуется процесс высвобождения ресурсов, возможности целенаправленного и произвольного их регулирования. Полагаем, что при этом речь идет (в определенном смысле) об *объективной оценке и возможностях управления психическими состояниями человека*.

Другим потенциальным фактором управления становятся *ценности, интересы, предпочтения* субъекта. Потенциально это тоже довольно большой спектр специальных состояний субъекта, которые определяют его *отношение к образам* ситуаций и событий, которые упорядочиваются по степени субъективного предпочтения. Понятно, что в этом случае речь должна идти об *индивидуальных смыслах, о мотивационно-смысловых интенциях субъекта и о субъективной семантике Мира*. Важно подчеркнуть, что упомянутый спектр предпочтений и отношений субъекта к тому, что происходит во внешнем мире и в нем самом, довольно жестко определяет направление дальнейшего движения субъекта, поэтому исследование возможностей управления индивидуальными смыслами, структурой индивидуального семантического пространства напрямую связано с возможностью управления поведением человека. То, что происходит сейчас в индивидуальном сознании жителей России, в основном касается семантической области: происходит радикальное изменение индивидуальных и общественных ценностей, приоритета интересов, ожиданий, настроений, надежд и т. д.

И наконец, отметим *условия среды*, которые также можно использовать для того, чтобы управлять поведением. Здесь следует выделить три различные непересекающиеся группы социальных механизмов, так или иначе формирующих среду жизнедеятельности человека: культура, труд, свободное время. В области культуры это прежде всего классическая система образования, начиная от вопросов обучения и воспитания подрастающих поколений, освоения норм экологического и социального поведения, экономической и социальной политики. Эти системы важны потому, что из анализа полной структуры человеческих отношений вытекает возможность анализировать элементы движения человеческого индивида в среде его жизни.

Легко увидеть, что эта триада существует в сферах *Образования, Труда и Отдыха*; общественно необходимого (занятого) и свободного времени человека, и тогда мы сталкиваемся с классическими проблемами *условий труда, образования и свободного времени*; поддержания и развития человеческих *отношений в труде, образовании и в свободном времени*; «вхождения» человека в человеческую культуру, «производства» человека как *субъекта труда, образования и собственной жизни*. При этом, естественно, возникает проблема управления социальными процессами со стороны общества и государства на всех этапах акмеогенеза — *гражданского и профессионального становления человека*.

Важнейшим элементом социального управления процессом общественного производства человека как гражданина и профессионала становится государственное управление социальными процессами в системах образования и занятости, и особенно процессами и механизмами перехода от образования к труду и обратно. С этой точки зрения *государственное управление* становится в действительности *управлением социальными процессами «жизни» людей* на той или иной территории, в той или иной экосистеме, а не «деятельности» профессионалов в той или иной организации, в том или ином учреждении. При этом и социальная функция, и социальный результат управления, его субъект и объект могут различаться весьма существенным образом, включая такие аспекты, как:

- «производство и потребление» самого субъекта;
- «производство и потребление» субъект-субъектных отношений;
- «производство и потребление» условий жизни.

Результатом такого управления должно стать создание развернутого во всем профессиональном спектре контингента хорошо подготовленных специалистов, включающихся в процесс производства общества во всем его объеме: от ремесленника, предпринимателя до наемного работника и государственного служащего (чиновника). И хотя все они так или иначе включаются в управление социальными процессами, структура их социальных ролей и содержание управляющих действий может различаться (и в ряде примеров действительно различается) радикальным образом. Так, в отличие от классического руководителя, который осуществляет *управление действиями людей* разного уровня профессионализма и основной задачей которого является согласование интересов и функций профессионалов в производственной организации (в широком смысле), государственный чиновник осуществляет управление на территории и в этом смысле управляет *частью жизни* других людей, а не *частью их деятельности*.

О социальном пространстве

Концепция *социального пространства* может быть представлена как развитие и обобщение некоторых идей отечественных психологов об особенностях межличностных взаимодействий и отношений (Б.Г. Ананьев, В.М. Бехтерев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев и др.) и ряда психологических концепций о строении и напряженности персональных пространств (А. Адлер, К.Г. Юнг, Т. Шибутани, Ф. Лютенс и др.), «личностного поля» К. Левина и др. Эта концепция, по нашему мнению, открывает принципиально новые возможности психологического анализа всей системы межсубъектных взаимодействий и отношений, в том числе путем:

— признания особого *социального* качества этих взаимодействий², прежде всего человеческих межличностных отношений;

– введения меры на множестве этих взаимодействий, т. е. *дефиниции социального пространства*;

– определения *движения субъекта в системе межсубъектных взаимодействий* как *траектории его жизненного пути* в указанном множестве.

С помощью концепции социального пространства в область психологического анализа общественных явлений существенно легче и вполне корректно вводятся следующие важнейшие теоретические конструкции, значимые для понимания межсубъектных (в первую очередь социальных) взаимодействий:

– понятие *социальной общности, социального института, группы и организации*, их существенное различие;

– концепция и мера *социального положения (позиции, статуса)*;

– понятие социальной (личностной) дистанции, социального влияния и роли;

– определение ряда слабо изученных *социальных процессов* как особых реальных в жизни субъекта, например, таких, как процессы *формирования и движения собственности*, отчуждения продуктов деятельности и труда, *развития обменных отношений и действий* в социальном пространстве;

– определение многообразия форм и видов социального поведения, отмеченного особой *модальностью* появления таких форм социального поведения, как обман, дезинформация, «подмена» и т. д.

Особенность социального пространства состоит в его *относительной независимости* от физического пространства бытия и движения субъекта как результата особого свойства межсубъектных взаимодействий: даже «покоясь», будучи неподвижными в физическом пространстве, и субъекты, и объекты *могут иметь потенциал движения и/или реально перемещаться в пространстве социальном* (например, в процессе движения собственности — отчуждения, изъятия, дарения, обмена ценностями, стоимостями; в процессах социальных движений — присоединения, идентификации, изоляции и разрыва, распределения влияний, полномочий и ответственности и т. д.). *В социальном пространстве действуют свои законы влияния (взаимодействия)*, исследова-

---

² Особое качество межсубъектных взаимодействий вполне очевидно. Однако в системе психологического знания понятие «субъект-субъектные взаимодействия», которое фиксирует принципиальную непохожесть межсубъектного взаимодействия на субъект-объектное, по видимому, впервые было введено Б.Ф. Ломовым (1984). При этом тем не менее отсутствует указание на то, что оба эти взаимодействия (субъект-объектное и субъект-субъектное) являются полной и исчерпывающей характеристикой реального бытия субъекта, выступая как *действительные стороны жизни одного и того же реального субъекта*.

ние которых открывает собственно психологические механизмы социального движения — усиление или ослабление влияния (референтность), заражение, подражание, внушение, вовлечение, убеждение, принуждение и т.д. В *социальном пространстве* принципиально допустимо независимое от физического «движение» (как изменение спектра межсубъектных взаимодействий и отношений) *субъектов*, что достаточно очевидно в контексте современного социально-психологического и организационного анализа (создание и замещение роли, создание и организация, управление «социальным местом», карьерное движение и др.). Однако, и это не менее важно, в *социальном пространстве* осуществляется *движение объектов* (как опредмеченных результатов поведения и деятельности субъекта в мире, например, результатов поиска, преобразования и транспорта³, предметов культуры, искусства, элементов знания и веры, норм права, морали и др.).

Социальное пространство (реальное и виртуальное) образуется как множество своих элементов: субъектов, их объединений (разного рода и уровня общностей — сообществ и групп, социальных институтов и организаций) и движений, которые существуют как допустимые (разрешенные) в данное социальное время (эпоху, период). Вместе с системой мер на этих элементах (определяющих области их существования, движения, развития, их структуру и состав) возникает та или иная *метрика данного социального пространства*. В таком случае могут быть определены *возможные и разрешенные (одобряемые или наказуемые) траектории движения субъекта* во множестве межсубъектных отношений, которые характеризуют индивидуальные особенности жизненного пути, *гражданскую и профессиональную карьеру субъекта*, проходящего через множество реально или виртуально существующих социальных систем. Это означает, в частности, что субъект в течение своей жизни проходит через *множество различных социальных систем* со своей структурой, узлами, элементами и нормами отношений.

Полезность предлагаемой концепции социального пространства (далее — СП) можно показать на примере такой области, как образовательное пространство с ближайшими вариантами движения субъекта по его *жизненному пути* [7, 8]. Здесь можно увидеть важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *гражданских и профессиональных карьер*, образующие *потoki движения* множества субъектов похожей судьбы — *движения человеческих ресурсов* общества. Определение типичных траекторий движения в указанных областях социального пространства позволяет определить *критические интервалы жизненного пути* и *кризисные (для субъекта) точки выбора* дальнейшего движения. В каждой *точке выбора* существует возможность различного продолжения

³ В том числе *транспорта в пространстве субъектов* — распределения и обмена.

карьеры, реализуемая разной долей из множества (общего потока) реальных субъектов:

– по дальнейшим ступеням образования — вплоть до индивидуального образовательного пути в системе непрерывного «пожизненного» образования (long life learning);

– в область социально-трудовых отношений, на свободный и связанный рынок труда, обновляя и пополняя контингент экономически активного населения (далее — ЭАН);

– в область маргинального поведения и безнадзорности, постоянно пополняя кризисный контингент так называемых беспризорных и бомжей;

– в сферу криминального пространства, образуя кризисные группы *делнквентного* поведения.

Психологическое исследование *реальных потоков и анализ психологических механизмов выбора вариантов развития жизненного пути* (жизненных планов) как вариантов карьерного движения субъектов не только нормализует наличное психологическое знание, эффективно и понятно вводит ряд привычных и новых психологических категорий, но и открывает новые области и объекты психологических исследований, в частности:

– характеристики *типичных карьер*, их *ролевые, функциональные и пространственные* (например, позиционные) особенности, а также психологические особенности субъектов, их выбирающих;

– характеристики *потенциала и интенций субъекта* [6, 9] и его выбора: осознанность, социальные влияния, планирование и готовность к реализации выбранного пути и др.;

– *стрессы, защиты и адаптации* «на изломах» карьеры как следствие «разрыва непрерывности» социального пространства — в *точках выбора* (множественность альтернатив продолжения траектории жизни) и в *точках «перемены роли»* на границах структурно организованных подмножеств СП — в организациях, группах, социальных институтах и т. п.

Распределение *типичных социальных мест и ролей*, потенциально «замещаемых» субъектом в процессе его движения в социальном пространстве, раскрывает принципиальную *ролевую структуру распределения человеческого ресурса* общества в экономически ориентированном контексте. В этом случае легко выделить категории населения, потенциально важные для перехода их в *экономически активное состояние* (реализацию в категории экономически активного населения — ЭАН), отдельно рассмотреть потенциально кризисные социальные места и контингенты.

На рис. 1 показаны важнейшие элементы и виды *типичных траекторий движения* развивающегося субъекта в социальном пространстве — *граждан-*

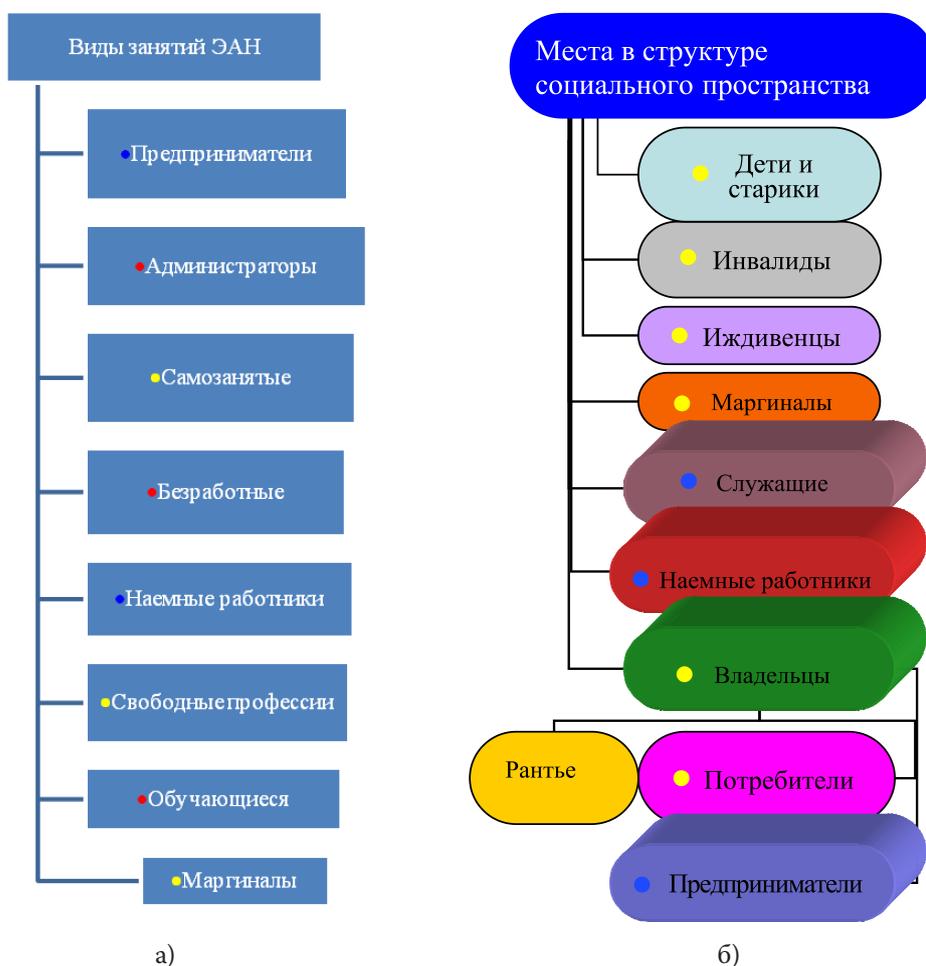

Рис. 1. Распределение видов занятий ЭАН и ролевая структура социально-экономического пространства

ских и профессиональных карьер, образующие потоки движения множества субъектов похожей судьбы — движения человеческих ресурсов общества.

Рис. 1 раскрывает узловую структуру социальных мест в социальном пространстве СП с указанием типичных ролей в экономически активной области, что позволяет вести психологический анализ распределения ЭАН по этим социальным местам, исследовать механизмы и факторы выбора и замещения, а также эффективного или неэффективного исполнения соответствующих социальных ролей.

Психологическое исследование процессов и областей движения человеческого субъекта в человеческом обществе дает возможность выявлять критические интервалы жизненного пути, причем каждый такой интервал по-своему

критичен в контексте *перемены социальной роли и социальной функции субъекта*. Социально-психологический анализ позволяет обнаружить типичные потоки и траектории движения в социальном пространстве, исследовать эффективность выбора и замещения «социальных мест», исполнения различных ролей и оценить значение социальных институтов в жизни развивающегося субъекта.

Из сказанного следует, что профессиональная принадлежность является лишь частным и весьма специфическим (скорее функционально-технологическим) проявлением экономической активности человека на конкретном «рабочем месте». Сами *социальные системы* (общности, институты⁴, движения, объединения и т. п.) могут быть наделены в таком случае рядом параметров и свойств, характеризующих указанные общности через их отличительные особенности:

- *социальное качество* или *общий признак* (территориальные, этнические, культурные, исторические, позиционные и иные общности);
- *социальную функцию в обществе* (политические, демографические, экономические и др.) и т. д.;
- *объем* (сверхбольшие, большие, средние, малые, мелкие объединения);
- *структуру* (вертикальные, древовидные, матричные и др.)
- *состав* (узлы структуры, социальные места и внутренние нормы отношений).

При этом особое значение для психологического анализа приобретает понятие «*социальное место*» как обобщающее идею *движения субъекта через различные социальные образования* (в том числе различные организации), конкретную *реализацию* из множества возможных *альтернатив* социального поведения (допустимых изменений спектра межличностных взаимодействий) в реальных или виртуальных «*узлах социальной структуры*». Такое движение может рассматриваться как *кризисная ситуация* на определенном *интервале жизненного пути* (жизненной ситуации) как *кризис перемены роли*. В этом случае *движение субъекта и его траектория в социальном пространстве* могут рассматриваться как *последовательное замещение одного из множества социальных мест*. В этом контексте персональный кризис представляет собой сам процесс *занятия субъектом*⁵ одной из множества возможных (в данный момент свободных или уже замещенных) позиций в той или иной социальной

---

⁴ Так, например, государство становится одним из социальных институтов управления общественными процессами (то есть – процессами реального взаимодействия людей), и другим таким институтом становится институт (местного) самоуправления.

⁵ А не только – адаптации и эффективного исполнения той или иной роли на данном социальном месте.

системе, например, учебного места в образовательном учреждении, рабочего места в производственной организации, социальной позиции в группе и т. д.

В контексте предлагаемой концепции социального пространства становятся более понятными такие феномены, как *психологическое расстояние* (персональная дистанция) и *психологический барьер*, который приходится создавать (защита) или преодолевать (установление контакта). Эти понятия характеризуют особенности межсубъектного взаимодействия, которое само по себе обладает свойствами *модальности* (селекции и выбора партнера), *дальности* (силы взаимодействия) и *валентности* (знака). С этой точки зрения в социальном пространстве можно обнаружить *персональные особенности дистанции, отношений и поведения*:

- *дистанция* характеризует баланс межсубъектного взаимодействия, она может сохраняться (поддерживаться), сокращаться (сближение) и увеличиваться (удаление);

- *отношения* детерминируются особенностями спектра взаимодействий со стороны субъекта, они могут быть открытыми (симпатии — антипатии), закрытыми (маскировка и дезинформация), вертикальными (доминирование — подчинение) и горизонтальными (согласие и терпимость);

- *барьеры* могут быть *поведенческими* и *личностными*. *Поведенческие защиты* характеризуют индивидуальные формы и особенности социального поведения: реальные (ступор, контакт, избегание; содействие и противодействие, агрессия и жертвенность) и виртуальные, информационные (мимикрия и изоляция, обман и дезинформация, угроза и покорность). Личностные — это преимущественно *интрапсихические защиты* отражения (фиксации, оценки и интерпретации социальных ситуаций и социальных партнеров) и переживания (тревога и стресс, страх и бравата, эйфория и фрустрация).

В русле концепции социального пространства становится возможным аккуратный анализ разного рода социальных общностей как подмножеств и подсистем единого социального пространства на данном *интервале жизни человека* и в *данную эпоху развития общности*.

Так, например, обнаруживается существенное различие между такими общностями, как группы и организации. Если группы в основном дефинируются как *социальные системы с общим признаком входящих в них субъектов*, то организации выступают как *социальные системы с общей социальной функцией*, выраженной в виде специфической *социальной миссии* организации. В таком случае можно сказать, что *группы преимущественно отражают потребности и интересы собственных членов*, тогда как *организации в своих функциях и миссии отражают потребности и интересы тех, кто находится за пределами организации*.

Таким образом, исследование движения человеческого субъекта в человеческом обществе выявляет *специфические траектории движения в социальном пространстве*, а также критические *интервалы жизненного пути* (как указывалось, каждый по-своему критичен в контексте перемены социальной роли и социальной функции), что позволяет обнаружить *типичные потоки и индивидуальные траектории движения человека*, исследовать *эффективность социального поведения*, качество выбора и замещения «социальных мест», исполнения различных ролей, оценить значение различных социальных институтов в жизни развивающегося субъекта.

Механизмы психической регуляции: феноменология и функции

Рассмотрим далее, как в конкретной жизненной ситуации, на микроинтервале жизненного пути организуется само поведение субъекта и какой механизм реализует так называемую психическую регуляцию поведения. Предположим, что имеется некоторый конкретный субъект, который находится в реальной ситуации взаимодействия с окружающей его средой. Естественно, что в таком случае существует и некоторая текущая ситуация (структура и значение взаимодействий субъекта в данный момент). Естественно также, что через некоторый промежуток времени вся ситуация может измениться и субъект продвинется в любом направлении.

Возникает вопрос: как и почему это происходит в реальности? Существование этого вопроса состоит в том, чтобы понять, как и почему меняется взаимодействие субъекта в данной ситуации, почему у субъекта *появляется желание* изменить саму ситуацию, изменить взаимодействие. Простейший ответ мы находим в опыте наблюдений над животными и в опыте самонаблюдений — если ситуация, в которой субъект находится сейчас, по каким-либо причинам его не устраивает, тогда *возникает идея изменения* ситуации. Другими словами, у субъекта возникает то, что мы называем мотивационно-смысловой интенцией, желание данную ситуацию как-то изменить (и это желание задает интенции движения на жизненном пути (см. выше).

Следовательно, проблема регуляции (в частности, изменения) поведения начинается с того, что субъект ощущает в себе или внутри себя потребность в изменении текущей ситуации, то есть *ощущает появление проблемы*.

Понять, *почувствовать, что проблема возникла* — как раз и есть первый шаг к тому, чтобы *захотеть что-то изменить* в ситуации текущего взаимодействия. Активное разрешение этой проблемы состоит в том, чтобы с помощью каких-либо действий изменить либо состояние внешнего мира, либо характер взаимодействия, либо самого субъекта. Важно подчеркнуть, что прежде чем что-либо реально меняется в текущей ситуации, возникает идея изменения, и эта идея изменения базируется на фундаментальном предположении, что *если в данной ситуации субъекту что-то не нравится, то у него по-*

тенциально существует представление о другой ситуации, которая может быть лучше текущей.

Это означает, что у субъекта, во-первых, есть реальная *возможность отразить* текущую ситуацию, т. е. построить *образ данной ситуации*. Во-вторых, субъект имеет возможность *оценить* (по образу) качество текущей ситуации. Значит, в число базовых психических функций следует внести механизм отражения и механизм оценки.

Логически понятно, что для осуществления оценки образа текущей ситуации его необходимо зафиксировать, а это значит, что *механизм оценки не может действовать*, если у субъекта *отсутствует* такая психическая функция, как *память*. Этим психика любого субъекта принципиально отличается от простого зеркального отражения. Но это предполагает, что в самой структуре физиологических процессов появляются и остаются определенные изменения, которые связаны со структурой внешних событий, и благодаря выделению соответствующих инвариантов в физическом (физиологическом) потоке событий *субъект становится независимым от реальной ситуации, а психический образ независимым от того, что он отражает*. «Отрыв» образа от объекта отражения теоретически или феноменологически проявляется в том, что мы называем памятью субъекта. Основная примечательная черта этого феномена состоит в том, что субъект может *воспроизвести образ ситуации тогда, когда ситуации уже нет*. Почему это происходит, каков механизм работы памяти — это другой, особый разговор; в данном случае важно отметить, что основная функция памяти очень проста — *сделать образ объекта независимым от самого объекта*.

Однако относительно независимого существования образа ситуации еще недостаточно для того, чтобы каким-то образом начала выстраиваться регуляция поведения. Следовательно, *независимость образа ситуации от самой ситуации* является условием необходимым, но не достаточным для организации поведения. Для реализации функции оценки нужно также, чтобы у субъекта имелся *организованный опыт* прошлых взаимодействий, который содержал бы в себе множество тех образов прошлых ситуаций, которые, оторвавшись от своего объекта, сохранились в его памяти. При этом речь идет не только об образах состояний внешнего мира: ведь сама ситуация, как мы уже указывали, включает в себя и взаимодействие, и объекты взаимодействия, и субъекта.

Можно показать, что у взрослого человека в нормальном состоянии указанный *образ ситуации* как результат работы *сознания* сразу же *разделяется на три части, формируя отдельно существующий образ самого субъекта, образ его взаимодействия и образ объективной ситуации*.

Следует подчеркнуть, что *сознательный опыт субъекта* как бы складывается из всего того, что сохранилось и накопилось в его памяти, что структу-

рируется, классифицируется, организуется тем или иным образом. При этом в индивидуальном опыте сохраняется не только образ прошедшей внешней ситуации, внешнего мира, но и образ того, каким был сам субъект в этой ситуации, каков был характер его взаимодействия и его эффект: полезный или вредный, опасный или неопасный, удовлетворяющий или неудовлетворяющий. В этом случае и возникает возможность оценки образа данной текущей ситуации на множестве образов прошедших жизненных событий. Формирование систем *оценок и ценностей* сразу связывает образ с отношением субъекта. По нашему предположению, все это вместе взятое образует структуру *семантического пространства* данного субъекта, его личный персональный смысл. В результате появляется реальная возможность *оценить данную ситуацию по отношению к другим*, и тогда та ситуация, в которой субъект оказался сейчас, рассматривается им во множестве образов вероятных или возможных ситуаций.

Оценка качества данной ситуации как не самой лучшей возможна тогда и только тогда, когда у субъекта возникает образ другой ситуации, которая в принципе лучше, чем та, в которой он находится сейчас. Независимо от того, каким является конкретный *критерий оценки*, он позволяет *упорядочить множество образов, задать на нем направление*, оценить, что может быть лучше, чем положение в текущей (нулевой) ситуации, т. е. определить *разницу между образом желаемой ситуации и образом наличной ситуации*, который в данное время также реально существует в пространстве психических образов данного субъекта.

Теперь сформулируем важный психологический закон: *поведение субъекта, точнее, интервал поведения, жизненная ситуация, есть прямая функция от разницы указанных образов*. Это положение очень важно, потому что его подтверждает вся эмпирическая феноменология психологии, которая накоплена в ней, начиная с середины XIX в. Следовательно, если у субъекта имеется *разница между образами наличной и желаемой ситуаций*, тогда возможно начало движения субъекта, т. е. *организация поведения*. Если нет этой разницы, никакого поведения не будет.

Приведенные рассуждения как раз и показывают, что проблема возникает внутри субъекта тогда, когда у него появляется образ наличной ситуации, отличный от образа желаемой. Если эта разница образов обнаруживается внутри субъекта, в его семантическом пространстве, тогда возникает возможность изменения его поведения. Тогда само появление указанной разности означает наличие ощущения, что ситуация, в которой субъект оказался, сейчас может быть лучше или хуже, чем те ситуации, которые субъект переживал раньше, — это ощущение разницы упорядоченных (в том или ином смысле) образов ситуаций и есть само *состояние проблемы*.

Проблема, таким образом, *есть ощущение, отражение* того, что ситуация, в которой мы находимся, может быть изменена: улучшена, с точки зрения субъекта, который предполагает, что имеет некие варианты вероятного развития событий.

Напомним, что вся указанная работа происходит во множестве субъективных психических образов. Отсюда так важна роль психического образа — при любом анализе поведения необходимым становится изучение того, что происходит в образной сфере человека: каков его опыт, каковы его оценки и ценности, каковы те критерии, по которым он сравнивает образы различных ситуаций, и есть ли у него возможности находить различия между разными образами. Есть несколько особых случаев организации поведения: один из них связан с тем, что образ ситуации оказывается неполным или нечетким, другой — когда текущая ситуация оценивается как нетерпимая, — это экстремальные случаи организации поведения.

Возникает вопрос, каким образом, начиная с какого момента и с какого различия между образами ситуаций данный субъект оказывается чувствительным к проблеме, возникает проблема оценки субъективной *чувствительности к проблеме*. Понятно, что по этой характеристике люди могут очень сильно различаться: одни хорошо и адекватно чувствуют проблему, и для них даже небольшая разница в упомянутых образах ситуаций весьма важна, а для других весьма заметные различия на множестве образов не выступают как важные.

Итак, предположим, что образное представление ситуаций оформилось в упорядоченном семантическом пространстве. Существует образ наличной ситуации. Предполагается, что у субъекта есть также более или менее точно сформированный образ другой, желаемой ситуации, которая существенно отличается от наличной, и эта разница ощутима для субъекта. В этом случае последний образ можно рассматривать как образ ситуации, в которую субъект хотел бы попасть, т. е. как образ-цель.

Для нас очень важно, что цель — это не сама *ситуация*, которая потенциально осуществима в окружающем мире (в отличие от концепции Н. А. Бернштейна), а то *представление* о желаемом будущем, которое пока существует только внутри субъекта, в пространстве его психических образов. Поэтому формирование различий и оценка расстояния между образом наличной ситуации и образом цели сопровождается рядом особых обстоятельств и обладает рядом психологических ограничений.

Во-первых, мы уже упоминали, что в настоящий момент *желаемая ситуация (оцениваемая как желаемая)* не существует. Напомним, что в результате действия функции памяти субъект оказался способен отделить образ от объекта отображения, при этом он получил реальную возможность создавать образы независимо от того, в какой реальной ситуации он в данный момент оказался. Это означает, что лишь в психике субъекта одновременно существуют два об-

раза — *образ текущей ситуации* (в которой субъект сейчас находится) и *образ* другой, *желаемой ситуации*, которой сейчас нет [1, с. 11]. Исследованный в цитируемой работе процесс формирования образа цели и образа реальной ситуации показывает, почему и как выбирается образ цели. Отметим, что люди могут строить эти образы достаточно произвольно и, значит, реально ставить себе как достижимые, так и недостижимые (нереальные) цели.

Во-вторых, мы отмечали, что обсуждаемые процессы подчиняются действию особых законов, которые действуют в сфере *хранения, транспорта и преобразования образа*; с их помощью выстраивается обработка проблемной ситуации, результатом ее является формирование образа цели как образа той ситуации, в которой *субъект хотел бы быть, но которой сейчас нет*.

Эти две составляющие определяют цели субъекта, его отношение к реальной текущей ситуации, его желаемое будущее состояние. Однако чтобы достигнуть этого желаемого состояния, необходимо совершить операцию, в известном смысле обратную по отношению к операции отражения: нужно осуществить «опредмечивание» цели [10] — это один из главных аспектов человеческого существования.

Может быть, в этом контексте впервые настолько очевидной становится проблема *соединения и сопоставления двух образов* — наличной ситуации и образа цели: это соединение, как мы полагаем, осуществляется с помощью *построения субъективного образа действия*. Понятно, что образ действия может быть так же нереален, как и те образы, которые он связывает между собой. К сожалению, эти вопросы разбираются относительно подробно только в области психологии труда и инженерной психологии.

Образ действия связан со знанием объективных законов преобразования мира. Это означает, что независимо от субъекта ситуация, в которой он находится сейчас, может быть преобразована в ситуацию, которую он хочет, только с помощью и в рамках тех законов, по которым живет мир. Вариации исполнения в рамках действующих законов существования мира в какой-то мере зависят от субъекта, но образ движения мира, как и само это движение, оказывается от него независимым [12].

В применении к данному случаю речь идет о том, что *ощущаемая* субъектом проблема оформляется в виде *структуры образных компонентов*, которые позволяют найти *мысленное* разрешение проблемы. Таким образом, исследование того, с чего и откуда начинается движение субъекта во внешне наблюдаемом пространстве его взаимодействий, привело к понятию образного представления проблемы, стоящей перед субъектом. Это представление проблемы, детально проработанное в образах, их оценках, в их предметном наполнении и заключенное в связку *образ наличной ситуации* — *образ действия* — *образ цели*, оформляется в виде сложной психической структуры, которую я называю *структурированной задачей*.

Таким образом, в результате сложной работы психических функций реальная проблема субъекта отражается им и превращается в структурно оформленную задачу со всеми обозначенными компонентами, т. е. та психическая деятельность, которая касается работы над проблемой в образном плане, завершается структурированием задачи.

Психологические механизмы решения задачи. Структура и критерии регуляции поведения человека

Речь как раз пойдет о *задаче*: мы полагаем, что с помощью анализа процесса решения задачи можно попытаться подойти к механизму *управления поведением*, т. е. к той таинственной психологической реальности, которая скрыта от глаз постороннего наблюдателя и которая часто недоступна самому субъекту поведения. Здесь мы находим вторую после *отражения и оценки* важнейшую функцию психики — *функцию регуляции*. Собственно психическая регуляция и проявляется в том, что психический образ субъекта становится реальным регулятором его поведения.

Таким образом, *представления человека* определяют характер и последовательность *его действий*. С точки зрения внешнего наблюдателя, именно здесь начинается наблюдаемое движение, появляется динамический компонент жизненного пути, на котором происходит наблюдаемый сдвиг текущей ситуации, начинается активное поведение. Это проявляется в движениях и действиях субъекта, организованных совершенно определенным образом в виде прямого действия с объектами (которые подчиняются обычным законам материального мира) или информационных (коммуникативных) действий, связанных с общением, языком и речью, с передачей сообщений. В этих двух видах взаимодействия посторонний наблюдатель замечает изменения, производимые в Мире самим субъектом; эти изменения, по нашему предположению, происходят в логике той задачи, которая принята и структурирована субъектом и в соответствии с тем образом действия, который он для себя выбрал в ходе ее решения.

Естественно, возникает вопрос, как человек выбирает траекторию движения, где и почему он закачивает выбранную последовательность действий. Интуитивно понятно, что, начав реализацию движения, человек должен где-то остановиться. Мы будем рассматривать точку остановки действия как момент разрешения проблемы или достижение цели, поставленной в данной задаче. Здесь очень важно понять, что если задача *решена теоретически (мысленно)* [14], *она может и должна быть решена и в практическом смысле*. Однако в ходе практической реализации выбранного решения сразу же появляются новые динамические образы: как только начинается реальное действие в результате работы функции отражения немедленно изменяется образ текущей ситуации. Теперь появляется возможность сравнивать то, что получилось

в результате того или иного действия субъекта, как при этом изменилось состояние внешнего мира и самого субъекта.

В действительности это очень тонкий момент — как оценить разницу между текущим действием субъекта, которое привело к изменению окружающего мира и тем, что он может получить позднее при дальнейшем развитии выбранного варианта решения. Здесь фактически происходит отслеживание эффектов нашего движения, а затем коррекция или продолжение выбранного действия. В реальной жизни всегда, несмотря на более или менее точное теоретическое решение, в ходе его практической реализации будут осуществляться какие-то частные, постепенные шаги, которые субъект все время корректирует. Это естественный способ реализации любого действия.

Такая психологическая *феноменология решения задачи* была описана в начале XX в. известным психологом Джоном Дьюи [3], который рассмотрел некоторые основные этапы решения задач, довольно хорошо известные теперь в области общей теории управления и менеджмента. К сожалению, в наше время многие уже забыли, что эти результаты были получены в рамках психологической науки еще в начале XX в., и суть их состоит в следующем: субъект выдвигает некоторую *гипотезу* о том, что можно таким-то движением *изменить ситуацию* и получить некий *желаемый результат*; затем совершается *практическая деятельность*, действие и *эффект действия* сравниваются с тем, что субъект *задумал*; далее происходит *коррекция и/или возврат* к начальному пункту приведенной последовательности. Конечно, в наше время выполнено множество экспериментальных работ, раскрывающих особенности выполнения указанной последовательности, ее структуру, шаги и алгоритмы действия. Тем не менее остается еще ряд нерешенных проблем, которые связаны с тем, как строится реальная траектория движения субъекта.

Ранее мы рассмотрели важный вопрос о том, как начинаются действия субъекта. Теперь можно по аналогии поставить другой естественный вопрос: как они заканчиваются? Понятно, что каждый результат решения задачи приводит к конкретному изменению ситуации в окружающем мире и, значит, изменяется реальное взаимодействие субъекта с окружающим миром. Это изменение можно зафиксировать совершенно объективными средствами наблюдения. Единственное, чего мы не можем увидеть, это почему началось движение именно в данном направлении, и точно так же не можем увидеть, почему оно закончилось именно в данной точке траектории движения субъекта.

При рассмотрении момента начала движения мы говорили о чувствительности к различию образов: чтобы началось движение, необходимо иметь (ощущать и принимать во внимание) разницу между образом наличной ситуации и образом цели. Можно показать, что точно так же при окончании движения субъект должен оценить как достаточно малое (незаметное, приемлемое или не обращающее на себя внимание) достигнутое различие между образом

полученной ситуации и образом той, которую он хотел получить. Это легко понять при оценке любого человеческого действия: оно завершается тогда, когда человеку кажется, что он достиг желаемого результата или он видит, что (несмотря на то, что желаемая цель не достигнута) разница между тем, что он хотел достичь, и тем, чего достиг, пренебрежимо мала или достаточна мала.

Приведенный механизм можно сравнить с рассмотренным ранее, но если раньше речь шла о *чувствительности субъекта к проблеме*, то теперь речь идет о *качестве решения*. Здесь возникает возможность понять те самые внутренние механизмы и факторы, которые прекращают дальнейшую работу субъекта над практическим разрешением данной задачи, и перейти к другому варианту поведения. При этом поиск новой проблемы, формирование новой задачи снова включают в действие работу рассмотренного механизма.

Таким образом, всякая история наблюдаемого поведения человека на его жизненном пути принципиально может быть разбита на отдельные, самостоятельные элементы. Эти элементы есть практическое разрешение возникшей проблемы через решение принятой и структурированной субъектом задачи. При этом непрерывная траектория человеческого поведения фактически разбивается на отдельные самостоятельные отрезки, которые можно рассматривать как *разрешение принятой проблемы через решение задачи*.

Конечно, перед субъектом всегда стоит некоторое множество проблем; естественно возникает вопрос выбора проблем, расстановки приоритетов. Напомним, что возможный отказ от решения проблем — это тоже человеческий выбор: у субъекта всегда есть возможность как выбора проблемы, так и выбора решения или нерешения этой проблемы.

Полагаем, что одним из ведущих оснований для этого снова являются *субъективные оценки ожиданий, потенциальных возможностей субъекта и его ресурсов*. И хотя вопрос этот относится к другой психологической теме — *прагматике и психологии выгоды и полезности*, отметим здесь, что для субъекта важно иметь в виду не только то, какую цель или какую ситуацию он хочет достичь, но и сколько это будет стоить с точки зрения траты имеющегося ресурса. Таким образом, проблема *соотнесения ожидаемых затрат наличного ресурса субъекта с принципиальной полезностью вероятного решения* становится одним из главных критериев в субъективной оценке возможности и необходимости решения данной задачи. Вообще говоря, проблема субъективных критериев есть предмет специального психологического анализа. Однако для примера следует привести некоторые из них. Так, в качестве критериев оценки качества поведения могут выступать рассмотренные нами ранее критерии оптимального поведения [4]. Одним из чисто ресурсных критериев может быть время, необходимое для достижения этой цели. Другим критерием становится полезность (для себя и для других), которая прямо связывается с качеством деятельности.

Качество с позиции общества — это всегда полезность в самом широком смысле. Понятно, что конечный результат решения задачи может оцениваться как с точки зрения собственной позиции данного субъекта, так и с точки зрения другого субъекта. Это в общем случае означает, что субъект часто решает не только свои собственные задачи, задача может быть *задана извне*, в том числе в связи с целями некоторой организации. Проблема здесь состоит в том, чтобы понять психологический механизм того, как в таком случае формируется задача самим субъектом, и уяснить, как она может быть навязана субъекту. Поставленная извне проблема тоже должна быть принята самим субъектом, а ее решение часто оценивается также с точки зрения критериев, внешних по отношению к субъекту. Общий подход состоит в том, что у субъекта должно возникнуть *ощущение законченной работы*. Эта проблема становится одной из самых важных в психологии. Речь идет о проблеме удовлетворенности и мотивации труда, которая в рамках организационной и управленческой психологии переопределяется в проблему соединения и согласования разных интересов в разрешении общей задачи [13].

О дуальном характере психологической феноменологии

Как мы уже установили, существуют два важных компонента в анализе психологической (в частности, человеческой) феноменологии, которые принципиально различают два разных уровня анализа: изучение *собственно поведения* как наблюдаемой части жизнедеятельности субъекта и раскрытие *механизма управления поведением* или *психологического механизма регуляции жизнедеятельности*. Эти два компонента становятся в наши дни наиболее значимыми объектами психологического анализа.

Оценка концептуальной базы любой теории позволяет понять, как тот или иной исследователь видит эти явления и компоненты, и, несмотря на различия (иногда принципиальные) во взглядах, фактически любая психологическая теория имеет дело, с одной стороны, с анализом самого *поведения*, а с другой стороны, с раскрытием *механизма его регуляции*.

Это, по крайней мере, частично объясняет, почему в истории психологии возникло так много коллизий, методологических трудностей и почему некоторые школы никак не могут между собой договориться. Дело, как мы полагаем, в том, что отсутствовало четкое различие этих двух планов анализа при понимании их сущностного единства, что породило два принципиально различных подхода к исследованию и объяснению психической жизни субъекта.

Таким образом, в нашем подходе принципиально важен *внутренний дуализм психологического анализа*: в любом случае он предполагает изучение самого *поведения как наблюдаемой (внешним наблюдателем) реальной составляющей жизни субъекта* и *исследование механизма управления поведением как внутренней, ненаблюдаемой (внешним наблюдателем) функции* самого

субъекта. (Как показано нами, в принципе такой подход соединяет в себе идеи синтеза субъектного и задачного подходов в изучении индивидуальной психики [5; 6]).

План поведенческого анализа можно рассматривать как план классического феноменологического подхода. В этом случае внешний наблюдатель непосредственно фиксирует реальные, объективно регистрируемые явления субъектных взаимодействий. Этот план задает тон так называемого *объектного теоретического анализа*, в котором основные категории связываются именно с объективно наблюдаемыми событиями и их элементами. Он достаточно разумен, поскольку мы видим и запоминаем другого человека, наблюдая и запоминая его действия, поступки, отношения, т. е. именно *объективно наблюдаемые реалии*. В этом контексте любое реальное отношение, действие, поступок, высказывание субъекта, любая его реакция — поведенческая, речевая или мимическая — выступают как объекты психологического изучения, которые можно не только видеть, но и зафиксировать с помощью фотокамеры, магнитофона, средств видеозаписи и т. п. Будучи зафиксированными, эти реалии (точнее, их *следы*) становятся воспроизводимыми.

Все, что касается второго плана, — это *субъектные реалии*, которые скрыты от глаз внешнего наблюдателя, поэтому они не получают статуса позитивного знания в естественнонаучном контексте. Более того, теоретическое исследование субъектных феноменов часто оценивается как несерьезный акт, как спекулятивное рассуждение, не имеющее под собой достаточного эмпирического основания. Однако экспериментальная психология XIX в. впервые и довольно основательно сделала эти ненаблюдаемые извне феномены внутреннего душевного мира субъекта предметом (и объектом) самостоятельного научного исследования. Разработанный в тот период *метод интроспективного анализа* стал принципиально новым методом научного познания, по крайней мере в сфере психических явлений. Не обсуждая деталей и взаимоотношений так называемого *объективного метода* изучения психики и интроспективного, *субъективного метода* наблюдения и анализа психического, отметим только, что это принципиальное различие методов познания породило принципиальное различие двух основных направлений теоретической и экспериментальной психологии — бихевиоризма и интроспекционизма [5; 15].

Предлагаемый нами подход предполагает обязательное соединение феноменологического плана (плана наблюдаемых явлений) с планом самонаблюдения, при этом основная идея состоит в том, чтобы указанное соединение осуществлялось с помощью *теоретических моделей психологических механизмов*, объясняющих причинные связи между этими двумя рядами феноменов. В этом мы видим главную роль *каузальной психологии*. Исследование *психологических механизмов* необходимо как раз для того, чтобы объяснить, почему и как в данных условиях возникают именно эти объективно наблю-

даемые поступки и действия, множество которых определяет формирование соответствующих типов, классов, типологических характеристик поведения, и как сам субъект представляет себе собственное поведение в окружающем его мире и выбирает тот или иной вариант продолжения траектории жизни.

Упомянутые *психологические механизмы* мы и рассматриваем в качестве *механизмов организации и управления поведением субъекта*.

Библиографический список

1. *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
2. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
3. *Дьюи Д.* Исследование ума. СПб.: б. и., 1911.
4. *Забродин Ю. М.* Методологические основания и перспективные направления развития отечественной психофизики // Антология современной психологии конца XX века: ежегодник РПО. Казань, 2001.
5. *Забродин Ю. М.* Модели личности в психодиагностике. М., 1994.
6. *Забродин Ю. М.* Очерки теории психической регуляции поведения. М.: Магистр, 1997.
7. *Забродин Ю. М.* Практическая психология человека и управление социально-экономическими процессами // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2.
8. *Забродин Ю. М.* Психологический анализ структуры и динамики социально-экономического пространства // Психология бизнеса: Москва-Питер: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: ИМАТОН, 2003.
9. *Забродин Ю. М.* Психология личности и управление человеческими ресурсами. М.: Финстатинформ, 2002.
10. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
11. *Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1984.
12. *Носов Н. А.* Виртуальный человек. М.: Магистр, 1997.
13. *Тидор С. Н.* Психология управления: от личности к команде. Петрозаводск: Периодика, 1997.
14. *Чернов А. П.* Мысленный эксперимент. М.: Наука, 1979.
15. Экспериментальная психология/под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1–2.

ЮРИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЗАБОРОДИНУ 70 ЛЕТ

.....

В октябре 2010 г. исполнилось 70 лет Юрию Михайловичу Забордину — крупному ученому и организатору отечественной психологической науки. В историю

советской и российской психологии он вошел как один из создателей фундаментальных идей и разработок в области теоретической, экспериментальной и прикладной психологии.

Юрий Михайлович родился 26 октября 1940 г. в семье служащих. Первоначальное высшее образование он получил в Ленинградском электротехническом институте связи им. В. А. Бонч-Бруевича, который с отличием закончил в 1963 г. По приглашению руководства вуза он стался работать в нем в качестве младшего научного сотрудника.

Его дальнейший профессиональный путь продолжается в психологии: в 1967 г. он поступает в очную аспирантуру факультета психологии Ленинградского государственного университета, где начинает работу над темой будущей диссертации — «Обнаружение слабых сигналов человеком-оператором». В 1971 г. диссертационный совет факультета психологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова присваивает ему ученую степень кандидата психологических наук. До 1972 г. Юрий Михайлович работает ассистентом кафедры эргономики и инженерной психологии факультета психологии, а затем заместителем декана по научной работе на факультете психологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова.

Новый этап профессионального роста Юрия Михайловича Забородина связан с приглашением в Москву, где с 1972 по 1987 г. он работает сначала заведующим лабораторией психофизики, а затем заместителем директора по научной работе Института психологии АН СССР. Активная научная деятельность позволила Юрию Михайловичу создать уникальную работу — «Основы психофизической теории сенсорных процессов», за которую в 1977 г. ему присуж-

дена ученая степень доктора психологических наук. В 1981 г. он получает ученое звание профессора по общей психологии.

Ю. М. Забродин по праву считается основоположником отечественной научной школы современной психофизики. Им разработаны методологические и теоретические основы психофизики, предложены и развиты концепции сенсорного пространства, индивидуальной обработки и семантической оценки информации, оптимальности решения задач, предложена оригинальная модель идеального наблюдателя. Разработанная Ю. М. Забродиним психофизическая теория сенсорно-перцептивных процессов позволила дать полное описание этих процессов, обобщить разрозненные эмпирические данные и сформулировать обобщенный психофизический закон, из которого как частные случаи в известных ограничениях следуют классические психофизические законы Фехнера и Стивенса.

Фундаментальные исследования ученого отражены в циклах статей и монографиях «Психофизиология и психофизика» (совместно с А. Н. Лебедевым), «Особенности решения сенсорных задач человеком» (совместно с Г. С. Шляхтиным и Е. З. Фришман), а также в ряде коллективных монографий, ответственным редактором и автором которых являлся Ю. М. Забродин: «Проблемы психофизики», «Психофизические исследования», «Психофизика сенсорных систем», «Психофизика восприятия и памяти», «Психофизика дискретных и непрерывных задач», «Advances in Psychophysics», «Psychophysical Judgment and the Processes of Perception».

В трудах Ю. М. Забродина сформулированы основные методологические принципы психологического экспериментирования, разработаны теоретические основы применения психологических знаний и психологических методов в различных сферах общественной практики (статьи и коллективные монографии: «Математическое моделирование в психологии», «Проблемы измерения психических характеристик человека в познавательных процессах», «Психические состояния и эффективность деятельности», «Проблемы психологической поддержки операторов человеко-машинных систем» и др.).

Теоретические и экспериментальные исследования процессов принятия решения и оптимального поведения получили свое развитие в изучении тонких механизмов психической регуляции поведения и деятельности человека на разных уровнях и в разных формах профессиональной деятельности. В результате этих исследований им и его учениками построены формальная теория сенсорно-перцептивных процессов, теория процессов принятия решения, теория психической регуляции деятельности и поведения, которые получили мировое признание.

Теоретические и эмпирические исследования Ю. М. Забродина, результаты которых опубликованы в монографиях «Психологическое управление в организациях» (совместно с В. В. Новиковым), «Модели личности в психодиагно-

стике» и др., позволили изучить и детально описать особенности формирования и реализации индивидуальной профессиональной карьеры на отдельных этапах профессионального становления работника в организации, в задачах профессионального выбора, профессиональной адаптации и осуществления профессиональной деятельности в различных, в том числе экстремальных, условиях.

Новая феноменология, полученная в ходе обширных эмпирических исследований, потребовала разработки принципиально новой психологической парадигмы: развития человеческих ресурсов взамен прежней — учета человеческого фактора. Таким образом, удалось создать теоретические основы современной психологии труда и организаций, которые эффективно работают в реальных жизненных ситуациях, в том числе в условиях социальных и экономических трансформаций (эти результаты опубликованы в монографиях «Основы теории психической регуляции поведения», «Психология личности и управление человеческими ресурсами», в коллективной монографии «Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы»). Принципы новой парадигмы положены в основу разработки активной социальной политики государства и предприятий на формирующемся российском рынке труда, предполагающей необходимость согласованного управления процессами перехода от профессионального образования к профессиональному труду, совместного анализа структуры и динамики рынков профессий и рынков образовательных услуг, проектирования региональных программ развития человеческих ресурсов с учетом реальных обстоятельств жизни индивида и его профессионального труда на конкретном рабочем месте, в данной социальной организации, а также возможностей оценки его профессиональной компетентности (накопленного личного опыта и перспектив личностного развития).

Свой творческий потенциал Юрий Михайлович Забродин активно реализовывал в разных статусах и учреждениях. В частности, в последние десятилетия он проявил свои незаурядные способности руководителя и ученого, заведя кафедрой психологии, а также работая в должности проректора по научной работе в Московском педагогическом государственном университете им. В. И. Ленина, генеральным директором Всероссийского научно-практического центра профессиональной ориентации и психологической поддержки населения Министерства труда РФ, руководителем Департамента профессионального обучения и развития человеческих ресурсов того же министерства, руководя кафедрой психологии Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова.

Ю. М. Забродин — видный организатор психологической науки и практики, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса. На протяжении нескольких лет возглавляет крупные научные комплексные программы, имеющие общенациональное значение. В их числе: «Разработка

научных основ психологической службы», «Проблема психологического анализа и проектирования деятельности», «Психологические проблемы профессионального отбора и подготовки руководителей и специалистов», «Основные направления профессиональной ориентации и психологической поддержки», «Психология профессиональной компетентности» и др.

Более 30 лет он ведет исследования и разработки в области теоретической, экспериментальной и прикладной психологии, по результатам которых опубликовано более 300 научных работ в России и за рубежом, в том числе 12 монографий. Сегодня его ученики работают в 18 странах ближнего и дальнего зарубежья, среди его российских учеников более 200 кандидатов и 10 докторов наук. Важно подчеркнуть, что практическое внедрение результатов исследований, выполненных под научным руководством и при непосредственном участии Юрия Михайловича, дает значительный социальный и экономический эффект.

Научная деятельность Ю. М. Забродина получила высокую оценку за рубежом: в течение последних двадцати лет Ю. М. Забродин регулярно участвует в работе международных и европейских конгрессов психологов, является организатором и участником ряда международных проектов, семинаров и рабочих групп по проблемам психологии труда, психологии образования и социальной психологии, с 1981 г. он член Европейской сети психологии труда и организаций, с 1986 г. — член Европейской ассоциации аффективного образования, с 1994 г. — член Международной Ассоциации прикладной психологии, в 1996–2000 гг. — член Наблюдательного совета Европейского фонда профессионального образования. Владея несколькими иностранными языками, Ю. М. Забродин читал лекции в Гарвардском, Колумбийском, Калифорнийском, Стенфордском университетах США, Парижском и Берлинском университетах, университетах Осло, Хельсинки и Пекина.

Ю. М. Забродин внес существенный вклад в развитие психологического образования в стране, в его переориентацию на подготовку практических психологов. С 1990 г. он активно участвует в формировании учебных планов, программ и образовательных стандартов, в реальной подготовке практических психологов, с 1995 г. руководит работой кафедры социальной психологии факультета психологии Московского городского педагогического университета. В 2006 г. он создал кафедру организационной и экономической психологии в Московском государственном психолого-педагогическом университете, разработал оригинальные образовательные программы специализаций по курсам «Психология управления» и «Организационная и экономическая психология» в рамках направления «Менеджмент».

Значительная часть общественной деятельности Юрия Михайловича посвящена координации исследований и практических разработок в стране и в ее регионах: в 1989–1995 гг. он возглавлял Общество психологов РАН; в 1995–

2000 г. работал ответственным секретарем Межведомственных комиссий по профессиональной ориентации и психологической поддержке, по переподготовке и повышению квалификации государственных служащих; с 2000 г. — член Президиума Российского психологического общества; с 2005 г. — член президиума, вице-президент Федерации психологов образования России; в настоящее время входит в состав ряда научных и координационных советов Министерства труда и социального развития РФ, Министерства образования и науки РФ, департаментов Правительства Москвы и др.

Сегодня Юрий Михайлович продолжает научную и организационную работу в качестве проректора по научной работе Московского городского психолого-педагогического университета. Среди новых проектов, в разработке которых он принимает активное участие, — исследование в области развития новых информационных и когнитивных технологий и возможностей их эффективного использования в практической работе психолога. В частности, это исследование возможностей применения разработок в области искусственного интеллекта — интеллектуальных и когнитивных систем и тех средств, которые обеспечивают аккумуляцию знаний специалистов высокого класса и передачу их молодым специалистам. В настоящее время под его руководством завершается работа, связанная с созданием экспертной системы «Психология».

Творческая деятельность Ю.М. Забродина отмечена высокими наградами государства и различных ведомств. Среди наград — орден «Знак почета», медаль «За отличие в охране государственной границы СССР». За заслуги Юрия Михайловича в области образования он награжден знаком «Отличник народного просвещения СССР», Почетной грамотой Министерства образования РФ, нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Коллеги и ученики поздравляют Юрия Михайловича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, новых профессиональных открытий и достижений, активной и продуктивной самореализации во всех сферах жизни.

Психологи Кубанского государственного университета

ПОЛОЖЕНИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА ТРУДА. ЧАСТЬ 1

.....

Ю. П. Поварёнков¹

В статье обсуждается актуальность проблемы профессионального становления личности. Процесс профессионализации анализируется как специфическая форма социализации, индивидуализации, научения и развития личности, как форма активности и часть жизненного пути. Выделяются основные уровни анализа субъекта труда, даётся характеристика основных форм активности субъекта труда, определяются его профессионально важные и профессионально значимые качества.

Ключевые слова: профессиональная социализация, профессиональная индивидуализация, профессиональная активность личности, профессиональное развитие и научение, профессиональный путь личности, субъект профессионального пути, формы активности субъекта труда, профессионально важные и профессионально значимые качества субъекта труда, социальная ситуация профессионального становления личности.

The article discusses the importance of the problem of professional becoming. The process of professionalization is analyzed as a specific form of socialization, individualization of learning and personal development as a form of activity and part of life. Distinguishes the main levels of analysis of the subject of labor, describing the main forms of activity of the subject of labor, defined by its professionally important and professionally significant qualities.

Key words: professional socialization, professional individualization, individual professional activity, professional development and learning, professional way of personality, the subject of a career path, form the subject's activity, occupational important and professionally significant qualities of the subject of labor, the social situation of professional growth.

---

¹ Поварёнков Юрий Павлович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Эл. почта: y.povarenkov@yspu.yar.ru

Введение в проблему

Существование и развитие любого общества невозможно без человека-профессионала, способного создавать потребительные стоимости, оказывать активное влияние на развитие профессиональной общности и содержание профессиональной деятельности. Поэтому становление профессионала рассматривается в качестве одной из фундаментальных научных проблем, которая имеет важное социально-экономическое значение.

Именно высокая практическая значимость делает процесс превращения индивида в профессионала объектом исследования целого комплекса наук, в том числе и психологии. В зависимости от науки данный процесс обозначается различными терминами: воспроизводство рабочей силы, формирование способности к труду, профессиональное образование и профессиональная подготовка, формирование профессиональной пригодности и профессионального мастерства, становление профессионала или просто профессионализация, реализация профессиональной карьеры или профессиональное развитие.

Научная актуальность и практическая значимость данной проблемы существенно возрастает в настоящее время, когда кардинальные преобразования, происходящие в стране, качественно изменили ситуацию, в которой приходится жить и трудиться человеку. Соответственно изменились и требования, которые общество, сама социально-экономическая обстановка предъявляют к человеку, в том числе и человеку-профессионалу, создающему потребительные стоимости. Теперь, чтобы нормально жить и производительно трудиться, профессионал должен обладать качествами, в определенной степени отличными от тех, которые требовались от него в условиях так называемого сверхстабильного общества. Поэтому перед отечественной наукой вновь чрезвычайно остро встают вопросы о том, что такое профессионал, какие функции и задачи он должен решать в современных условиях, какими качествами он должен обладать и каковы механизмы и условия их формирования?

Учитывая место психологии в системе наук можно утверждать, что именно психологической концепции профессионализации отводится ведущая роль в поиске ответов на сформулированные вопросы. Однако данная концепция сможет решить поставленные перед ней задачи, если она будет соответствовать ряду требований.

Во-первых, практика и многочисленные исследования свидетельствуют о том, что превращение индивида в профессионала — это длительный непрерывный процесс, охватывающий часть жизни человека и включающий различные периоды и фазы. Поэтому адекватная концепция профессионализации должна быть целостной, т. е. описывать весь процесс профессионального развития от начала и до конца, от момента принятия профессии до момента отказа от профессиональной деятельности как значимой формы активности.

Во-вторых, профессионализация имеет не только социально-экономическое, но и индивидуально-личностное значение для каждого человека. Отсюда вытекает, что адекватная концепция профессионализации должна учитывать всю совокупность факторов, влияющих на процесс превращения индивида в профессионала, включая и объективные, и субъективные требования профессионализации к человеку и человека к профессионализации, активную роль человека в своем профессиональном становлении.

В-третьих, психологическая концепция профессионализации должна учитывать особенности современной социально-экономической ситуации, новые требования, которые предъявляются к личности и деятельности профессионала. Необходимость такого учета вызвана тем, что социально-профессиональные требования относятся к основным факторам профессионального становления личности, определяющим содержание и направление ее профессионального развития.

Как мы видим, становление профессионала — это сфера социальной практики, где тесно переплетаются интересы общества и конкретного человека. Для общества профессионализация является прежде всего средством воспроизводства рабочей силы, без чего невозможно представить ни его существование, ни тем более его развитие. Для человека профессионализация есть форма включения в социально-экономические процессы общества, средство развития, самореализации и самоактуализации, источник средства к существованию.

Высокая значимость профессионализации для человека, его глубокая вовлеченность в данный процесс убеждают нас в том, что категория субъекта служит основой для понимания реальных психологических механизмов преобразования индивида в профессионала. Причем речь здесь должна идти не только и не столько о субъекте профессиональной деятельности, сколько о субъекте профессионального пути в целом. Другими словами, субъект профессионального пути, или более широко — субъект труда, должен стать ведущим понятием эффективной психологической концепции становления профессионала. Обоснованию данного положения и посвящается настоящая статья.

И в отечественной, и в зарубежной психологии выделяются два основных направления изучения профессионального становления человека: аналитическое и комплексное. Для первого направления характерны работы, посвященные изучению отдельных сторон, этапов и факторов профессионального становления. Традиции исследований подобного рода были заложены еще психотехниками в самом начале XX столетия.

В рамках второго направления предпринимаются попытки целостного осмысления профессионального становления, в единстве всех его этапов, сторон и действующих факторов. Исторически данное направление обозначилось значительно позже, так как для его реализации необходимо накопление бо-

гатого и сопоставимого эмпирического материала, высокий уровень развития отдельных отраслей психологии (психологии труда, возрастной и педагогической психологии, социальной психологии и психологии личности) и существование реального социального заказа.

И аналитический, и комплексный подходы обладают несомненной спецификой, своими преимуществами и недостатками. Отдать какое-либо предпочтение одному из них довольно сложно, так как каждый из них играет важную роль в решении теоретических и прикладных проблем профессионального становления человека. В настоящей статье речь пойдет о содержании целостного, комплексного подхода к изучению профессионального становления как наименее разработанного в отечественной психологии.

Первые исследования, в которых обозначилось данное направление, были осуществлены Ш. Бюллер [15] в рамках ее масштабного проекта биографического исследования жизненного пути. Общепризнанным классиком комплексного подхода к изучению профессионального становления считается американский психолог Д. Сьюпер, который в 1950-х гг. разработал свою знаменитую концепцию развития профессиональной зрелости [16].

Интерес отечественных психологов к данному подходу изучения профессионального становления проявился значительно позже. Лишь в 1980-х гг. появляются первые статьи, сборники статей, а затем и монографии, в которых обсуждались проблемы комплексного подхода [4–8; 11]. Развитию и реализации комплексного подхода во многом способствовало широкое внедрение в практику психологических исследований по психологии труда принципов системного подхода. Сейчас мы можем с уверенностью утверждать, что *вне методологии системного подхода* комплексное изучение профессионального становления человека осуществить практически невозможно.

Наиболее последовательно, на наш взгляд, принципы системного подхода в психологии труда реализованы В. Д. Шадриковым [14] при разработке концепции системогенеза профессиональной деятельности (СПД). Роль данной концепции для развития общей теории психологии труда трудно переоценить. Высокие объяснительные возможности концепции В. Д. Шадрикова продемонстрированы при решении общетеоретических проблем профессионального становления и при изучении конкретных видов профессиональной деятельности. Вместе с тем эвристический потенциал данной концепции реализован в психологии еще далеко не полностью.

Учитывая общие принципы системной методологии и опираясь на основные положения системогенетического подхода В. Д. Шадрикова, мы попытались разработать системогенетическую концепцию профессионального становления человека, сущность которой заключается в становлении и реализации субъекта труда. Остановимся на содержании основных положений данной концепции.

1. Полисистемная характеристика становления профессионала

Проведенный анализ литературы показывает, что в психологии отсутствует целостное, а значит, и адекватное представление о процессе становления профессионала (профессионального становления человека). Немногочисленные попытки раскрыть его содержание чаще всего заканчиваются перечислением основных форм социального управления профессионализацией (профотбор, профориентация, профобучение и т. д.) либо описанием различных феноменов самосознания личности, связанных с планированием и реализацией профессиональной карьеры.

По нашему мнению, дать адекватную характеристику процесса и результатов профессионального становления человека — это значит описать его как полисистемный процесс, который регулируется субъектом труда на основе учета комплекса разнородных факторов. Чтобы вскрыть полисистемный характер профессионального становления, необходимо проанализировать его, во-первых, как одну из ведущих форм проявления активности личности, во-вторых, как форму ее социализации и индивидуализации, в-третьих, как специфическую форму научения и развития, в-четвертых, как часть жизненного пути личности

Перечисленные аспекты в той или иной степени пересекаются между собой, что, несомненно, скажется на чистоте проводимого анализа. Вместе с тем они не исчерпывают друг друга, и каждый из них обладает своей спецификой. Это и позволяет зафиксировать всю многоплановость и многомерность психологического содержания процесса профессионального становления человека.

Профессиональное становление — это прежде всего специфическая *форма активности субъекта труда*, которая по своим масштабам сопоставима с категорией жизнедеятельности. Она не сводится к профессиональной деятельности, но имеет принципиально общую психологическую структуру с другими формами активности человека. Поэтому ее анализ осуществляется в направлении изучения мотивации, целей и планов профессионального становления, актов выбора, контроля и коррекции профессионализации, ее информационной основы.

В психологии выделяются различные виды активности личности. Профессиональное становление не может быть сведено ни к одной из них, хотя на разных стадиях становления профессионала она может реализоваться в форме учебной или трудовой деятельности, в форме познания, общения и профессиональной адаптации. В данном случае отмеченные формы активности рассматриваются лишь как частные средства решения отдельных задач профессионального становления.

Становление интегративной формы профессиональной активности также идет через последовательное освоение ее частных форм, которые в дальней-

шем представлены в ней в «свернутом» виде, но в определенной степени оперативной готовности. Отдельные формы профессиональной активности актуализируются субъектом всякий раз, когда возникают соответствующие задачи профессионального развития или профессиональной деятельности.

Для анализа процесса становления профессионала как формы активности с успехом могут использоваться приемы, сложившиеся в рамках концепций психологического анализа трудовой деятельности. Вместе с тем существует острая необходимость в разработке специальных процедур психологического анализа процесса профессионализации в целом.

Профессиональное становление выступает как одна из форм *социализации и индивидуализации личности*. Наиболее адекватно механизмы становления профессионала как формы социализации раскрываются с позиции категории «общественная задача», предложенной К. А. Абульхановой-Славской [1]. С этой точки зрения профессионализация рассматривается в качестве процесса принятия и решения общественной задачи, в рамках которой формулируются требования, предъявляемые человеку как будущему профессионалу. Эти требования конкретизируются в форме нормативно одобренных способов деятельности, в форме фиксации соответствующего уровня производительности, качества и надежности профессиональной деятельности. К способам доведения нормативных требований до человека относятся профессиограмма, должностные инструкции и обязанности, модели профессионала и т. д. Механизмы принятия нормативных профессиональных требований в общем совпадают с механизмами принятия социальных норм, которые описаны в социальной и возрастной психологии.

Таким образом, анализ профессионализации как формы социализации позволяет вскрыть основные направления, средства и механизмы социальной регуляции обществом процесса профессионального становления, поэтому данную форму социализации следует называть профессиональной. Социальная регуляция не является автоматической, она зависит от степени принятия субъектом профессионализации как задачи, понимания ее роли, наличия у человека определенных индивидуальных качеств. Говоря другими словами, *профессиональная социализация личности всегда сопровождается профессиональной индивидуализацией*.

Одна из ведущих форм проявления профессиональной индивидуализации — формирование неповторимой индивидуальности профессионала, для которого характерен свой профессиональный путь, особая тактика и стратегия его реализации. К основным феноменам профессиональной индивидуализации относится индивидуальный способ и индивидуальный стиль профессионализации в целом, а также процессы компенсации, гиперкомпенсации и гиперразвития в ходе профессионального становления.

Понятие «развитие» является в отечественной психологии одним из основных, а генетический принцип — ведущим при организации экспериментальных и теоретических исследований. Однако профессиональное становление не может быть полностью сведено к развитию, важным его механизмом является научение. Специфика профессионального научения и развития состоит в том, что они подчиняются принципу оперативности, который был открыт Д. А. Ошаниным [10] и обоснован В. Д. Шадриковым [14]. Суть данного принципа заключается в том, что направление и уровень изменений, которые происходят с субъектом труда в ходе научения и развития, задают не общекультурные, а профессиональные требования. Применительно к психическим функциям действие данного принципа сводится к тому, что операционные механизмы перестраиваются в оперативные, т. е. в адекватные профессиональным требованиям.

По своему содержанию профессиональное развитие тесно связано с общей онтогенетической эволюцией психических функций и личности в целом. Причем эта связь двусторонняя: общий уровень психического развития индивида является условием для начала профессионального развития, в свою очередь профессиональное развитие существенно влияет на общее развитие психических функций человека. Именно с его влиянием Б. Г. Ананьев [2] связывает «второй пик» развития психических функций человека.

Анализ профессионального становления как формы развития позволяет говорить о его периодизации, о критериях развития, о ведущих формах деятельности, которые обеспечивают профессиональное развитие, о субъективных и объективных факторах развития, о социальной ситуации профессионального развития в целом.

Как показано в многочисленных исследованиях, содержание профессионального становления человека не может быть адекватно понято вне *категории жизненного пути личности*. Хронологически жизнь человека — это промежуток времени от момента его рождения до его смерти. В этот промежуток времени человек решает множество разнообразных задач: получает образование, создает семью, организует досуг, добивается самореализации и т. д. Одной из таких жизненных задач выступает и профессионализация. Для обозначения этой линии самоосуществления личности используются понятия «трудо-вой путь личности», «трудовая биография», «профессиональная карьера».

Степень принятия профессионализации как общественной задачи существенно зависит от того места, которое она занимает в структуре жизненных (экзистенциальных) ценностей человека. Соотношения здесь могут быть самыми различными: от полного совпадения (вся жизнь в работе) до полного непринятия профессионализации как социально одобряемой формы жизнеосуществления (уголовники, бомжи). В процессе жизнедеятельности человек испытывает прямое и обратное влияние профессионализации. Во-первых,

профессионализация активно детерминирована динамикой жизненных циклов человека. Во-вторых, изменения, происходящие с человеком и в ходе профессионализации, могут перестраивать индивидуальный стиль жизнедеятельности человека, формировать особый тип индивидуализации. В-третьих, профессионализацией и жизнедеятельностью могут устанавливаться отношения компенсации; при невозможности добиться самореализации в одной сфере человек стремится компенсировать это в другой.

Проведенный анализ показывает, что профессиональное становление — это полисистемный процесс, который регулируется субъектом на основе социальной и индивидуальной детерминации, связан с реальной жизнедеятельностью человека, осуществляется на основе его целенаправленной активности, включая профессиональное обучение и научение, профессиональное развитие и саморазвитие, профессиональное воспитание и самовоспитание.

Проведенный общетеоретический анализ позволяет сформулировать рабочее определение профессионального становления, уточнить объект и предмет исследования в рамках системогенетической концепции, наметить основные её положения.

В дальнейшем под профессиональным становлением человека будем понимать процесс поэтапного развития и реализации субъекта профессионального пути (профессионализации), который осуществляется на основе целенаправленной активности личности, комплексного учета внешних и внутренних, социальных и индивидуальных факторов профессионализации.

В качестве объекта исследования в системогенетической концепции рассматривается процесс преобразования индивида в профессионала и его реализация во всем многообразии сторон, на различных этапах трудового пути, с учетом конечных и промежуточных результатов профессионализации. Предметом исследования в рамках данной концепции выступают психологические механизмы, факторы и явления, которые влияют на данный процесс, обеспечивают его реализацию, составляют его содержание и одновременно являются его результатом.

2. Понятие субъекта в психологии профессионального становления человека

Надо признать, что в психологии обсуждение принципа субъектного подхода и сама разработка понятия субъекта в основном идет на уровне высокой философской методологии. Это необходимый этап развития понятия. Однако существует острая потребность в осмыслении данной категории и с позиций тех задач, которые непосредственно решаются в рамках прикладных отраслей психологической науки, включая психологию труда и психологию становления и реализации профессионала.

Для того чтобы обозначить основные подходы к анализу данной проблемы, обратимся к исследованиям Б. Г. Ананьева. Он писал: «При изучении человека как субъекта труда выделяются свойства, необходимые для продуктивного выполнения тех или иных видов деятельности...» [2, с. 178]. Ведущим показателем продуктивности деятельности является ее эффективность, которая, в свою очередь, оценивается на основе параметров производительности, качества и надежности.

Из сказанного следует, что в качестве компонентов психологической структуры субъекта труда выступают те качества и свойства личности и индивида, которые влияют на эффективность профессиональной деятельности. Эти качества, как уже отмечалось, в психологии труда традиционно называют профессионально важными. Например, В. Д. Шадриков определяет ПВК как «индивидуальные качества субъекта деятельности, влияющие на эффективность и успешность ее выполнения. К профессионально важным качествам относятся и способности, но они не исчерпывают всего объема ПВК» [13, с. 68].

Профессиональная деятельность, т. е. деятельность, направленная на преобразование окружающей действительности с целью создания потребительных стоимостей — не единственная функция субъекта труда. Другая, не менее важная функция субъекта — это преобразование, изменение самого себя, которое осуществляется в форме развития (саморазвития) и научения. «Изучая личность как субъекта деятельности, — отмечает А. Г. Асмолов, — исследуют то, как личность преобразует, творит предметную действительность, в том числе и самого себя, вступая в активное отношение к своему опыту, к своим потенциальным мотивам, к своему характеру, способностям и к продуктам своей деятельности» [3, с. 309].

Нет необходимости специально доказывать, что эти функции тесно связаны между собой, поскольку личность реально изменяет себя в основном через преобразование предметной действительности. Следует отметить, что именно в рамках профессиональной деятельности чаще всего возникают причины, побуждающие субъекта к тем или иным формам профессионального развития, а его результаты становятся основой для более эффективного выполнения деятельности.

В работах ряда авторов выделяется еще одна важная функция субъекта — регулятивная. Она направлена не на преобразование субъекта труда, а на настройку, сенсбилизацию и корректировку компонентов психологической системы профессиональной деятельности. Это тоже изменение субъекта, но в рамках данного уровня развития. Если регулятивные механизмы не обеспечивают эффективного достижения цели деятельности, тогда уже включаются механизмы качественного преобразования субъекта труда — научение и развитие.

Проведенный анализ позволяет выделить четыре основных вида профессиональной активности субъекта труда и четыре группы соответствующих им ПВК: ПВК профессиональной деятельности, ПВК профессионального развития и научения, ПВК регуляции профессиональной деятельности субъекта и ПВК регуляции его профессионального развития.

Какие индивидуальные качества личности и индивида могут влиять на эффективность функционирования и формирования субъекта, т. е. выступать в качестве ПВК и определять уровень его профессионализма? Отвечая на этот вопрос, Е. А. Климов пишет: «Не следует сводить идею профессионализма только к представлению о высоком уровне умелости профессионала... Профессионализм мы будем понимать не как просто некий высший уровень знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности, а как определенную системную организацию сознания, психики человека...» [6, с. 368–387].

Далее Е. А. Климов подробно перечисляет различные компоненты, которые, по его мнению, определяют профессионализм субъекта труда. Назовем основные из них:

- 1) свойства человека как целого (личности, субъекта деятельности);
- 2) праксис профессионала (коммуникативные, регулятивные, исполнительские и прочие умения, навыки);
- 3) гнозис профессионала;
- 4) информированность, знания, опыт, культура профессионала;
- 5) психодинамика (интенсивность переживаний, быстрота их смены) работника, психологические трудности, нагрузки в данной профессиональной области;
- 6) осмысление вопросов своей возрастно-половой принадлежности в связи с требованиями профессии; осмысление роли физических качеств, наружности, здоровья, противопоказаний к труду в данной области [6, с. 368–389].

Б. Г. Ананьев высшей интеграцией субъективных свойств считает творчество, а наиболее обобщенными эффектами и потенциалами — способности и талант. В качестве наиболее существенных свойств субъекта деятельности он также выделяет одаренность, сознание, знания и умения. А. К. Маркова полагает, что функцию ПВК могут выполнять психические процессы (мыслительные, речевые, сенсорные, мнемические), психические состояния, мотивы и отношения, профессиональные способности, профессиональное сознание [8].

Опираясь на данные, представленные в работах Б. Г. Ананьева, В. С. Мерлина, А. Г. Ковалева, К. К. Платонова, Е. А. Климова, А. К. Марковой, В. Д. Шадрикова и ряда других психологов, мы выделили четыре подструктуры индивидуальных качеств, которые могут быть ПВК: профессиональную направленность, про-

фессиональный опыт, профессиональную одаренность и профессиональное самосознание, черты личности (характер и темперамент).

Профессиональная направленность формируется на базе мотивационной сферы человека и представляет собой систему мотивов личности, которые побуждают профессионала к выполнению профессиональных задач и задач профессионального развития. В качестве мотивов выступают потребности, интересы, установки, убеждения, идеалы и другие психологические образования человека. Главная их особенность заключается в том, что они удовлетворяются и реализуются в процессе выполнения профессиональной деятельности или решения задач профессионального развития.

Профессиональный опыт — это система профессиональных знаний, умений и привычек. Профессиональные знания включают всю усвоенную человеком профессионально необходимую информацию, которая используется при решении всего многообразия задач, стоящих перед ним. Профессиональные умения, усвоенные человеком, познавательные, сенсомоторные, трудовые и иные действия, которые обеспечивают эффективную реализацию функций профессионала, профессиональные привычки — все это действия профессионала, ставшие потребностью.

Профессиональная одаренность — это система общих, особенных и специальных профессиональных способностей, которые определяют эффективность выполнения профессиональной деятельности, уровень профессионального развития индивида. Профессиональные способности совместно с профессиональными умениями и привычками служат основой для формирования профессионально важных качеств личности. Развитие профессиональной одаренности осуществляется в направлении изменения структуры взаимосвязей между способностями, возникновения новых и инволюции старых способностей.

Основу профессионального самосознания составляют профессиональные Я-концепции (реальная, идеальная, антиидеальная и др.), система профессиональных самооценок и притязаний. Развитие профессионального самосознания человека сопровождается повышением адекватности самооценок, более полным осознанием социально-профессиональных требований и своих возможностей, формированием умений соотносить требования и свои возможности, становлением профессиональной рефлексии. Развитие профессионального самосознания — главное условие становления профессионала как субъекта профессионального пути.

Нетрудно заметить, что механизм влияния индивидуальных качеств, например, способностей и мотивации на эффективность формирования и функционирования субъекта труда различен. Поэтому в дальнейшем индивидуальные качества человека, которые влияют на эффективность функционирования и формирования субъекта труда, будем называть профессионально ориенти-

рованными (ПОК). В зависимости от механизма влияния на эффективность деятельности и развития субъекта ПОК делятся на профессионально важные (ПВК) и профессионально значимые (ПЗК). В качестве ПВК выступают профессиональные знания, профессиональные способности, а в качестве ПЗК — профессиональные интересы, установки, черты характера и ряд других.

ПЗК определяют отношение человека к профессиональным функциям и профессионализации в целом, степень их принятия. Надо признать, что большинство профессий требуют от человека определенной системы отношений к ее содержанию и условиям. В противном случае у него не формируется внутренняя профессиональная мотивация, а иногда он просто вынужден отказаться от избранной профессии. Например, хорошо известно, что человек может стать врачом только в том случае, если он спокойно переносит вид крови, препарирование трупов в анатомическом театре и т. д. Влияние ПЗК на эффективность не прямое, а косвенное. В рамках экспериментального исследования это влияние описывается коэффициентами корреляции невысокого уровня значимости.

ПВК в отличие от ПЗК определяют не отношение к профессиональным функциям, а процесс и результат их выполнения. Именно они обеспечивают целеполагание и планирование деятельности, реализацию целей и планов, контроль за результатами деятельности, ее регулирование в случае необходимости. Влияние ПВК на эффективность прямое. В ходе диагностических замеров оно оценивается коэффициентами корреляции с относительно высоким уровнем значимости.

Связь между ПОК и индивидуальными качествами человека не прямая, а опосредованная. Это означает следующее. Во-первых, ПОК как свойства субъекта труда могут быть адекватно поняты и определены лишь в качестве интегральных системных образований. Они не могут быть определены исключительно исходя из индивидуальных и иных индивидуализированных качеств человека. Свою качественную и количественную определенность ПОК приобретают в рамках системы, в которой личность профессионала является одним из элементов.

Эта система задается ситуацией профессионального развития, она уже системы «общество», но качественно является ее конкретизацией точно так же, как профессионализация личности является конкретизацией социализации в целом применительно к условиям решения конкретной социальной задачи (воспроизводство рабочей силы).

Содержательно система формирования личности профессионала складывается на основе требований, источником которых служат:

- а) содержание и условия осваиваемой профессиональной деятельности;
- б) содержание и условия, в которых осуществляется профессионализация;

в) социально-профессиональные нормы, установки, ценности конкретной профессиональной общности.

Во-вторых, для того чтобы раскрыть сущность ПОК, мы должны выйти за рамки индивида и обратиться к категории сверхчувственных системных качеств. Однако исходным материалом для формирования личности профессионала являются индивидуальные качества человека, вступающего в процесс профессионализации.

Это могут быть индивидуальные и личностные свойства человека, психологические и физиологические особенности, морфологические, соматические, биохимические признаки и т. д. Главное требование ко всем перечисленным свойствам человека одно — парциальное или комплексное влияние на эффективность отдельных форм профессиональной активности и на процесс профессионализации личности в целом.

Таким образом, под ПОК субъекта труда будем понимать интегральные системные качества субъекта труда, которые влияют на эффективность его профессиональной деятельности, профессиональное развитие и научение, регуляцию формирования и функционирования субъекта. Дифференциация роли ПВК и ПЗК позволяет предположить, что они образуют две специфические группы индивидуальных качеств, ориентированные на решение различных задач. В состав первой группы входят качества, которые обеспечивают принятие и эффективную реализацию конкретной профессиональной деятельности, а в состав второй — те ПВК и ПЗК, которые определяют процесс профессионального развития человека в данном направлении.

Содержание ПВК и ПЗК, влияющие на эффективность функционирования субъекта труда, определяется особенностями конкретной профессиональной деятельности. Поэтому выделяют конкретные ПВК и ПЗК учителя, врача, водителя, слесаря, токаря и т. д. Группа ПВК ПЗК, влияющих на эффективность формирования самого субъекта, значительно меньше зависит от специфических особенностей конкретных видов профессиональной деятельности. Они в какой-то мере являются надпрофессиональными, так как определяют степень принятия им задач профессионального развития и эффективность их решения на различных этапах профессионального пути личности, независимо от того, по какой профессии работает человек.

По форме и по происхождению, как мы отмечали, ПВК и ПЗК относятся к категории системных качеств: будучи качествами конкретного человека и полностью отражая его индивидуальность, они тем не менее реализуются как качества надиндивидуальные, поскольку формируются с учетом профессиональных требований конкретной социально-производственной системы и обеспечивают ее воспроизводство, сохранение и развитие.

Именно индивидуальное наполнение ПВК и ПЗК определяет индивидуальную неповторимость каждого субъекта труда, позволяет ему обогащать профессионально ориентированные качества личности качествами своей индивидуальности.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что структура субъекта труда представлена двумя ведущими уровнями: функциональным и структурным. На первом уровне раскрывается содержание активности (деятельности) субъекта труда с использованием таких понятий, как мотив, цель, программа деятельности и т. д. На втором уровне описываются профессионально важные и профессионально значимые качества (ПВК и ПЗК), через которые реализуется операциональная составляющая и которые влияют на ее эффективность.

В процессе профессионализации субъект труда может выступать в форме субъекта поиска и выбора профессии, субъекта учебно-профессиональной и профессиональной деятельности, субъекта профессионального пути в целом.

3. Детерминация и самодетерминация становления субъекта труда

Опираясь на материалы экспериментально-теоретического анализа, можно предположить, что в основе детерминации профессионального становления лежит комплекс базовых противоречий, которые задаются системой внешних по отношению к субъекту и внутренних факторов. В качестве внешних выступают профессиональные требования к человеку, социально-профессиональные возможности по самореализации личности и удовлетворению потребностей. К числу внутренних факторов относятся профессиональные притязания и возможности самого индивида, его встречные требования к условиям профессионализации.

Данная система факторов является конкретизацией общей социальной ситуации развития личности (А. С. Выготский) применительно к решению задач профессионализации. Поэтому она может быть названа социальной ситуацией профессионального становления субъекта труда. Важно отметить, что профессионально ориентированные качества, которые субъект обретает в процессе профессионализации, выступают по отношению к данной ситуации как системные.

Ситуация становления профессионала детерминирует процесс профессионального развития не механически и опосредованно; она отражается и познается субъектом, может осознаваться или нет, приниматься или отвергаться, приниматься частично.

Данные, имеющиеся в литературе, и материалы наших исследований свидетельствуют о том, что процесс взаимодействия субъекта труда и ситуации профессионального развития может приобретать различные формы. В случае

ее принятия она начинает рассматриваться субъектом как социальная задача (Абульханова-Славская), а точнее, как комплекс социальных задач профессионального развития, интенсивность и эффективность решения которых определяются значимостью профессионализации для субъекта и его возможностями.

В ходе экспериментальных исследований удалось подтвердить гипотезу В. Д. Шадрикова о том, что процесс принятия профессии осуществляется на основе проецирования структуры мотивов личности на содержание и условия профессиональной деятельности, на основе оценки мотивационных возможностей последней. В целом принятие профессии разворачивается в решение некоторой социально-профессиональной задачи, которая в психологии называется профессиональным самоопределением и может осуществляться, как известно, в течение всей профессиональной жизни индивида.

Чаще всего решение задач профессионального самоопределения завершается компромиссом, в результате которого профессия принимается индивидом лишь в целом или по основным позициям. При этом субъект осознает, что данная профессия не может удовлетворить все его потребности и обеспечить реализацию всего его потенциала, осознает субъект и негативное влияние отдельных факторов профессии. Компенсация проблем в рамках отмеченного компромисса осуществляется за счет расширения сфер жизнедеятельности индивида, прогнозирования будущих изменений, саморазвития.

В ходе экспериментального исследования было показано, что соотношение внешних и внутренних факторов в структуре ситуации, а также роль субъекта в отражении и создании самой ситуации в ходе профессионального развития личности изменяется.

При исследовании данных изменений нам удалось подтвердить гипотезу [9; 12 и др.] о существовании двух форм профессионального развития: пассивной (адаптивной) и активной (творческой, надситуативной). Суть пассивной модели профессионального становления заключается в том, что индивид в основном ориентируется на заданные нормативные требования, на выполнение профессиональных предписаний. При реализации второй модели индивид выходит за рамки требований, поднимается над ситуацией профессионального развития и превращает свой труд в объект практического преобразования.

В наших исследованиях удалось показать, что пассивная модель — первый этап профессионального развития, когда ведущая роль в структуре ситуации отводится профессиональным требованиям, это отмечается на стадии профессионального обучения и на начальных этапах самостоятельной профессиональной деятельности, вплоть до окончательного завершения профессиональной адаптации. В этот период уровень профессиональных требований как бы ведет за собой профессиональное развитие через перестройку ситуации, через постановку новых задач профессионального развития.

После завершения адаптации, длительность которой зависит от типа профессии, ведущую роль в детерминации профессионального становления начинают играть внутренние, психологические факторы. На примере ряда профессий удалось показать, что в условиях стабилизации профессиональных требований индивид начинает вмешиваться в создание самой ситуации через изменение требований к себе, к содержанию и условиям профессиональной деятельности. В этот период субъект начинает ориентироваться не на профессиональные, а на свои собственные требования, которые соотносены с профессиональными и возможностями самого субъекта.

Переход на активную модель профессионального становления осуществляется у менеджеров, учителей на 4–5-м году самостоятельной профессиональной деятельности. Однако такой переход отмечается далеко не у каждого специалиста и не в каждой профессии.

Создание новой ситуации профессионального становления личности через изменение отношения к себе как профессионалу подтверждают неоднократно высказываемые предположения, что самооценка — ведущий фактор профессионализации личности. Мы связываем переход к активной части профессионализации с началом формирования у субъекта профессионального пути.

Вместе с тем необходимо отметить, что и на стадии адаптивного профессионального развития субъект не остается пассивным, т. е. полностью подчиняющимся обстоятельствам. Так, в ходе эксперимента установлено, что учащиеся ПТУ отражают ситуацию на двух уровнях: когнитивном и регулятивном. В состав первой включается известная субъекту информация о ситуации, а в состав второй только та, которая необходима для решения конкретных учебно-профессиональных задач. Формирование двух уровней отражения ситуации является необходимой предпосылкой для дальнейшего творческого развития профессионала.

Активность субъекта в условиях адаптационного развития профессионала проявляется в дифференциации внешних и внутренних факторов ситуации, в оценке парциального влияния каждого из них на результаты деятельности. При этом данная оценка зависит от индивидуальных особенностей субъекта и уровня его профессионального развития. Так, спортсмены-экстерналы и спортсмены высокого уровня квалификации основные причины своих неудач видят во влиянии внешних, не зависящих от них факторов, а спортсмены-интерналы и спортсмены низкого уровня квалификации — внутренних, субъективных факторов.

Активность личности в условиях адаптивной модели профессионального становления проявляется в индивидуализации отражения и отношения к ситуации. Так, в ходе экспериментального исследования учеников-электросварщиков было установлено, что учащиеся совершенно по-разному

отражают одну и ту же учебно-производственную ситуацию, добиваясь при этом одинаково высокой эффективности деятельности.

Итак, в основе детерминации профессионального становления и реализации субъекта труда лежит социально-профессиональная ситуация становления, которая по отношению к субъекту выступает метасистемой, а обретаемые субъектом свойства по отношению к ней — системными качествами.

Библиографический список

1. *Абульханова-Славская К. А.* Диалектика человеческой жизни. М.: Мысль, 1977.
2. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
3. *Асмолов А. Г.* Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990.
4. *Бодров В. А.* Психологические исследования проблемы профессионализации личности // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала/под ред. В. А. Бодрова. М.: ИП РАН СССР, 1991.
5. *Зеер Э. Ф.* Профессиональное становление личности инженера-педагога. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988.
6. *Климов Е. А.* Психология профессионала: Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
7. *Кудрявцев Т. В.* Психология профессионального обучения и воспитания. М.: МЭИ, 1986.
8. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
9. *Митина Л. Н.* Психология профессионального развития учителя. М.: Флинта, 1998.
10. *Ошанин Д. А.* Концепция оперативности в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. М.: Наука, 1977.
11. *Поваренков Ю. П.* Психология профессионального становления личности. Курск: КРОСТ, 1991.
12. *Рубинштейн С. А.* Проблемы общей психологии. 2-е изд./отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976.
13. *Шадриков В. Д.* Деятельность и способности. М.: Логос, 1994.
14. *Шадриков В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
15. *Buhler Ch.* Meaningful Living in the Mature Years // Aging and Leisure. New York: Oxford University Press, 1961.
16. *Super D. E.* The psychology of careers: An introduction to vocational development. New York: Harper & Row, 1957.

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МАСШТАБА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

.....

Н. В. Попова¹

В статье даётся определение психологического потенциала личности, обосновывается необходимость его изучения в связи с реальными результатами деятельности. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей психологического потенциала личности в малом, среднем и крупном бизнесе. Показано, что психологические характеристики личности определяют и поддерживают масштаб предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: психологический потенциал личности, деятельность, организационно-экономический масштаб предпринимательской деятельности.

The article defines psychological potential of the individual, justifies the need to study it in connection with the actual results of the mat. There is presented the results of an empirical investigation of the psychological characteristics of personality-building in small, medium and large businesses. It is shown that the psychological characteristics of the individual to identify and support the scale of entrepreneurial activity.

Key words: psychological potential of personality, activities, organizational and economic scale entrepreneurial activities.

Как пишет И. А. Джидарьян, существуют две исторически сложившиеся традиции изучения деятельности. Согласно одной из них акцент делается на свершении чего-либо, на воздействии на объект, на переход деятельности в объективные результаты, в её продукты [4]. Согласно другой традиции внимание акцентируется на субъекте деятельности, имеющем сложную психическую структуру, в соответствии с которой он выступает инициатором деятельности или её простым исполнителем, приспосабливается к внешним обстоятельствам или возвышается над ними.

---

¹ Попова Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры маркетинга и менеджмента Краснодарского регионального института агробизнеса. Эл. почта: popova_natali900@mail.ru

Проблема взаимодействия этих двух традиций по-прежнему актуальна как на теоретико-методологическом уровне, так и на уровне конкретных эмпирических исследований, которые открывают путь к прикладным разработкам. Одним из оснований интеграции двух подходов может быть понятие *психологического потенциала личности*.

Потенциальное и актуальное есть конкретизация философских категорий «возможное» и «действительное». Это позволяет понять, что потенциальное при определённых условиях превращается в актуальное. Важной частью этих условий является активность самой личности, она выступает опосредующим звеном в процессе превращения возможности в действительность [2].

Потенциальное интерпретируется по-разному в психологии. Например, Б.Г. Ананьев, одним из первых начавший обсуждение данного вопроса, относил к человеческим потенциалам трудоспособность и работоспособность, специальные способности, активность в форме ценностных ориентаций и мотивов, практический опыт [1, с. 321]. Потенциальное, или возможное, заложено в прогнозах личности, в её временной перспективе, ожиданиях и жизненных планах, которые могут при активности личности и благоприятно складывающихся внешних обстоятельствах стать актуальным, т. е. действительным [11 и др.]. С точки зрения потенциала личности можно рассматривать её профессионально важные качества, влияющие на успешность деятельности [17].

Т.И. Артемьева выделяет два уровня потенциального — преактуальное и постакуальное (т. е. после акта деятельности) [2]. Тем самым демонстрируется, что процесс деятельности и на начальном, и на завершающем этапе может интерпретироваться как потенциальное для личности, но в разных аспектах.

В настоящее время в литературе обсуждаются профессионально-личностный, творческий, инновационный, адаптационный, коммуникативный, организаторский, духовно-нравственный и другие виды потенциалов [5–8 и др.].

Обобщение психологических подходов к потенциалу личности позволяет сформулировать несколько важных положений.

Психологический потенциал личности — это совокупность психологических свойств и особенностей человека, между которыми устанавливаются структурные отношения при включении личности в определённую деятельность и её выполнении и которые обеспечивают достижение того или иного уровня успеха в данной деятельности, т. е. выступают совокупным психологическим ресурсом для деятельности в конкретных жизненных обстоятельствах.

Потенциал личности имеет несколько разновидностей. Одной из его разновидностей является предпринимательский потенциал. Он реализуется в таком сложном специальном виде деятельности, как предпринимательство,

включает в себя характеристики профессионально-личностного, адаптационного, инновационного, духовно-нравственного и других потенциалов, поскольку предпринимательская деятельность носит комплексный характер. Она предполагает адаптацию к разнообразным рискам и меняющимся обстоятельствам, требует сообразительности, предполагает способность к саморегуляции, наличие определённых мотивов, ценностных ориентиров, устойчивых свойств личности и т. д. [3; 14; 19 и др.], которые вступают в определённые, обусловленные задачами предпринимательской деятельности взаимосвязи.

В силу этого важными становятся представления о структуре личности. Кратко рассмотрим известные положения некоторых отечественных психологов. Так, С. Л. Рубинштейн писал, что изучение психического облика личности включает три основных вопроса: чего хочет человек (направленность), что он может (способности), что он есть (характер) [15, с. 99]. Направленность, характер и способности взаимодействуют друг с другом, влияют друг на друга в ходе жизни. Согласно С. Л. Рубинштейну, свойства личности связаны с действиями человека, а через них — с образом жизни личности, который включает в себя образ действий, находящийся в единстве и взаимопроникновении с объективными условиями [15, с. 223].

В. С. Мерлин ядерным образованием личности считал её отношения (во-первых, переживание и осознание определённых сторон действительности, во-вторых, активное побуждение к действиям и поступкам, т. е. мотивационно-волевая сторона сознания) [10, с. 87–88]. Кроме отношений для характеристики личности важны индивидуальные способы действия, в которых проявляется характер и самосознание личности.

К. К. Платонов в структуру личности включал направленность, социальный опыт, психические процессы, биологически обусловленную подструктуру [13]. Способности и характер он называл системными свойствами, которые присутствуют на всех перечисленных уровнях.

Ещё одно важное положение. О реальном потенциале личности мы можем говорить только после оценки результатов деятельности. В деятельности реализуются психологические особенности личности (они — их «потенциальная реальность»). При этом результаты деятельности усваиваются личностью и входят в её потенциал, возобновляют и расширяют её ресурсы или, наоборот, уменьшают её ресурсы. К. К. Платонов акцентировал внимание на значении для теории личности такой подструктуры деятельности, как её результаты, поскольку именно по результатам судят о деятельности в целом, а через неё — о действующей личности [13, с. 81].

Таким образом, представления о структуре личности служат основанием для изучения потенциала личности, но при обязательном:

- а) сопряжении свойств личности с результатами деятельности;

б) учёте содержательной специфики деятельности.

Опираясь на эти соображения, можно предложить рабочую модель исследования психологического потенциала личности в предпринимательской деятельности. Она включает в себя следующие компоненты: направленность личности, социальный опыт, свойства характера, организационно-экономические результаты предпринимательской деятельности.

Направленность (мотивы, ценности, интересы и т.д.) традиционно выделяется в качестве важнейшей личностной подструктуры. С. Л. Рубинштейн, К. К. Платонов, В. С. Мерлин, А. Н. Леонтьев и другие видные психологи подчеркивали системообразующую роль мотивов и стремлений в строении личности.

Социальный опыт также входит в структуру личности, влияя на принятие решений в сложных жизненных ситуациях и на их реализацию; он включает в себя показатели возраста, образования, квалификации, конкретных знаний, навыков и т. п.

Интеллектуальный компонент соотносится с подструктурой способностей личности. С одной стороны, он определяет осведомлённость человека, его способность работать с информацией, с другой стороны, его умение решать новые задачи.

Черты характера как устойчивые формы отношения к различным сторонам действительности и к себе самому определяют стилевые характеристики мышления, переживания, поведения личности, особенности её волевых проявлений. В исследованиях показано, что свойства характера связаны с различными формами социальной активности, в том числе и с предпринимательством [3; 18 и др.].

Организационно-экономические результаты предпринимательской деятельности включены в модель, поскольку они, во-первых, могут быть отнесены к постаktуальному уровню потенциального в личности [2], т. е. являются результатом воплощения устремлений, способностей, характера личности и тем самым создают предпосылки для её дальнейшего развития. Во-вторых, они демонстрируют особенности соединения психологического и экономического, т. е. специфику предпринимательской деятельности. В-третьих, они хорошо дифференцируются на уровни (масштабы) в зависимости от объективных показателей.

Сформулируем *гипотезу эмпирического исследования*: качественные и количественные характеристики психологического потенциала личности связаны с организационно-экономическим масштабом её предпринимательской деятельности. Иными словами, достижение результатов разного масштаба в предпринимательской деятельности скорее всего связано с разным уровнем

выраженности и разной структурой психологических свойств личности — её направленности, социального опыта, свойств характера и интеллекта.

В эмпирическом исследовании приняли участие 205 предпринимателей, из которых 121 чел. относился к категории малого бизнеса, 65 чел. — среднего бизнеса и 19 чел. — крупного бизнеса (категории отличаются друг от друга по таким критериям, как количество работников на предприятии и объем оборотных средств предприятия за год). В целом такое соотношение отражает реальную структуру российского предпринимательства.

Возрастной диапазон опрошенных — от 18 до 55 лет, самая многочисленная категория (39%) приходилась на возраст 31–40 лет. Среди предпринимателей 71,2% имели высшее или неоконченное высшее образование.

Использовались следующие методики: авторская шкала мотивов, которыми может руководствоваться человек, занимающийся предпринимательской деятельностью (перечень мотивов был составлен на основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов, изучающих психологию предпринимательской деятельности, а также по итогам предварительных бесед и наблюдений); методика «Определение направленности личности» Б. Басса; тест Равена, направленный на оценку способности к систематизированной, планомерной, методичной интеллектуальной деятельности (логичности мышления); опросник 16 PF Кэттелла (форма С); вопросы о социально-демографических характеристиках, позволяющие оценить, в частности, социальный опыт (возраст и образование).

Результаты исследования

Для каждой группы предпринимателей были построены матрицы интеркорреляций измеренных психологических и социально-демографических признаков, которые затем анализировались методом расслоения [16]. Он направлен на выявление непосредственных индикаторов, или ядер корреляционной структуры. Данный метод дополняет факторный анализ, который выявляет латентные переменные, лежащие в основе корреляционной структуры.

Для категории мелкого бизнеса всего было выявлено 148 значимых корреляций (вероятность ошибки $p < 0,05$ и ниже), среднее число этих корреляций на одну переменную составило 5,3. Для категории среднего бизнеса установлено 290 значимых корреляций, их среднее число на одну переменную составило 10,2. Для категории крупного бизнеса всего выявлено 146 значимых корреляций, их среднее число на одну переменную — 5,2. Уже по этим данным видно, что разным организационно-экономическим характеристикам бизнеса соответствуют неодинаковые по своим количественным параметрам структуры индивидуальных свойств предпринимателей.

Дальнейший анализ матриц позволил выделить те переменные, которые имеют наибольшее число (выше средней) статистически значимых связей и поэтому являются ядрами в корреляционной структуре индивидуальных свойств представителей каждой категории бизнеса (табл. 1).

У представителей малого бизнеса 12 ядерных характеристик личности, среди которых 7 характеристик — мотивационные, 1 относится к социальному опыту (возраст), 1 — к интеллекту, 2 — к характерологическим свойствам. Ещё одно ядро — пол респондента.

У представителей среднего бизнеса выделено 16 ядерных характеристик личности. Среди них 2 — социальный опыт (возраст и образование), 2 относятся к интеллекту, 11 являются характерологическими свойствами и ещё 1 — пол респондента.

У представителей крупного бизнеса оказалось 11 ядерных характеристик: 1 относится к социальному опыту (возраст), остальные 10 являются характерологическими свойствами.

Из представленных данных можно сделать вывод, что реализация малого бизнеса в большей степени определяется мотивационными характеристиками человека, в то время как реализация и поддержание среднего и крупного бизнеса зависит не столько от мотивационных характеристик, сколько от устойчивых личностных диспозиций. При этом на уровне крупного бизнеса снижается значение как социально-демографических, так и интеллектуальных характеристик — последние более значимы на уровне мелкого и среднего бизнеса.

Выявленные различия можно объяснить тем, что малый бизнес более динамичен. В силу своего размера (который порождает дефицит всевозможных ресурсов) он в большей степени зависит от внешних факторов, поэтому предпринимателю приходится непосредственно уравнивать их влияние своей активностью и инициативой, постоянно прикладывая усилия для поддержания благоприятного личностно-ситуационного взаимодействия. В отличие от среднего и крупного бизнеса, предпринимателю в малом бизнесе нередко приходится самому организовывать производство или доставку товара, осуществлять текущее управление, заниматься маркетингом и сбытом, следуя известной поговорке «Волка ноги кормят». Главным связующим звеном в этих разнообразных видах деятельности выступают мотивационные факторы — они обеспечивают инициативу, дают энергию для постоянного возобновления деятельности и их текущей корректировки.

Закономерно, что у представителей этой категории бизнеса в ядерные свойства характера попали смелость (фактор Н) и самостоятельность (фактор Q2), которые тесно связаны между собой (вероятность ошибки $p = 0,02$). Смелость имеет статус ядерного свойства только у предпринимателей в малом бизнесе

Таблица 1

Ядра в корреляционной структуре
индивидуальных характеристик предпринимателей
(кол-во статистически значимых корреляционных связей выше средней)

Характеристики предпринимателей	Количество значимых корреляционных зависимостей		
	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес
Пол	10	15	—
Возраст	10	15	10
Образование	—	14	—
Мотив: независимость, самостоятельность в работе	9	—	—
Мотив: возможность реализации своих способностей	8	—	—
Мотив: стремление к материальной обеспеченности	8	—	—
Мотив: полезность работы для других людей	8	—	—
Мотив: авторитет у окружающих	6	—	—
Направленность на себя	6	—	—
Направленность на других	—	—	—
Направленность на дело	6	—	—
Логичность мышления (тест Равена)	6	15	—
Общительность (фактор А)	—	—	11
Уровень общего интеллекта	—	17	—
Эмоциональная устойчивость (фактор С)	—	16	—
Доминантность (фактор Е)	—	—	—
Беспечность (фактор F)	—	16	10
Сила супер-Эго (фактор G)	—	18	11
Смелость (фактор Н)	8	—	—
Сензитивность (фактор I)	—	16	10
Подозрительность (фактор L)	—	—	9
Мечтательность (фактор M)	—	15	10
Гибкость (фактор N)	—	15	—
Тревожность (фактор O)	—	16	7
Радикализм (фактор Q1)	—	15	9
Самостоятельность (фактор Q2)	6	15	—
Самоконтроль (фактор Q3)	—	15	11
Напряженность (фактор Q4)	—	15	6
Всего значимых характеристик	12	16	11

(см. табл. 1), что дополнительно указывает на их психологическую специфику по сравнению с другими группами предпринимателей.

Ранее речь шла о структурной характеристике свойств личности. Сопоставление же уровней этих свойств у представителей малого, среднего и крупного бизнеса показывает, что первые не только имеют высокие (более 7 стенов) показатели смелости и самостоятельности, но и существенно превосходят по этим характеристикам представителей среднего и крупного бизнеса (табл. 2).

Они также имеют высокие показатели общительности, доминантности, беспечности, радикализма и одновременно тревожности, напряжённости (которые, вероятно, связаны с динамичностью бизнеса, необходимостью самому участвовать во всех его составляющих), существенно превосходя по этим характеристикам представителей среднего и крупного бизнеса. Исключение составляет независимость, которая выше только по отношению к представителям среднего бизнеса. Правда, все перечисленные характеристики уже не являются ядрами внутриличностной структуры.

В целом различия между предпринимателями малого бизнеса, с одной стороны, и среднего и крупного бизнесов, с другой стороны, очевидны.

При анализе психологических характеристик представителей среднего бизнеса обращают на себя внимание следующие показатели. Во-первых, это высокая внутренняя интегрированность свойств личности (большое количество ядер в корреляционной структуре и большое количество значимых корреляционных зависимостей у ядер) (см. табл. 1). Во-вторых, три свойства (эмоциональная устойчивость, гибкость и общий интеллект) являются ядерными только у представителей данной категории бизнеса, при этом все они тесно связаны между собой (вероятность ошибки $p = 0,001$ и ниже). В-третьих, у них нет ни одного психологического свойства, которое имело бы значение выше среднего (более 7 стенов), этим они также отличаются от предпринимателей других групп.

Перейдём к представителям крупного бизнеса. Как следует из табл. 2, они существенно наименее общительны, мечтательны, самостоятельны, но имеют существенно более высокие показатели доминантности, силы супер-Эго, подозрительности, тревожности, напряжённости, чем представители среднего бизнеса (ранее указывалось их принципиальное отличие от представителей малого бизнеса, поэтому более детальное сравнение с последними не проводится).

У предпринимателей данной категории четыре качества — эмоциональная устойчивость, доминантность, сила супер-Эго, самоконтроль — имеют высокие показатели (выше среднего).

Важно указать дополнительные психологические особенности представителей крупного бизнеса, связанные с уровнем их общительности и подо-

Таблица 2

Выраженность свойств характера предпринимателей
в зависимости от масштаба бизнеса (средние значения)

Свойства характера	Малый бизнес	Средний бизнес	Крупный бизнес	Минимальный уровень статистически значимых различий
Общительность (фактор А)	8,1**	6,9**	3,9**	0,00001
Эмоциональная устойчивость (фактор С)	5,1**	6,9*	7,4*	0,00001
Доминантность (фактор Е)	7,5*	6,1**	7,6*	0,00001
Беспечность (фактор F)	8,1**	4,3*	4,2*	0,00001
Сила супер-Эго» (фактор G)	6,1**	6,8**	7,4**	0,048
Смелость (фактор H)	8,1**	6,5*	6,4*	0,00001
Сензитивность (фактор I)	4,1*	4,6*	4,1	0,001
Подозрительность (фактор L)	4,5*	4,4*	6,4**	0,00001
Мечтательность (фактор M)	4,7*	4,7*	4,1**	0,02
Гибкость (фактор N)	4,9**	6,6*	6,2*	0,00001
Тревожность (фактор O)	7,2**	4,6**	5,4**	0,001
Радикализм (фактор Q1)	7,5**	4,5*	4,8*	0,00001
Самостоятельность (фактор Q2)	7,04**	6,0**	2,8**	0,00001
Самоконтроль (фактор Q3)	5,1**	6,9*	7,3*	0,00001
Напряженность (фактор Q4)	7,1*	4,9**	6,9*	0,00001

зрительности. Эти свойства не только имеют статистически значимые отличия при сравнении с другими представителями среднего и малого бизнеса, но и служат ядрами корреляционной структуры свойств, чего не наблюдается у этих групп (см. табл. 1). То есть они занимают важное место в структуре личности крупных предпринимателей.

Значение подозрительности, вероятно, объясняется необходимостью контроля за разнообразными ресурсами, а невысокая общительность (сдержанность) — высокой избирательностью контактов на таком уровне, стремлением взаимодействовать по существу, делегированием значительной части деловых коммуникаций другим лицам в структуре управления и т. д.

Закономерно, что сила супер-Эго, самоконтроль, подозрительность и невысокая общительность находятся в тесных корреляционных зависимостях (вероятность ошибки $p = 0,02$ и ниже) между собой, поддерживают и усиливают друг друга. В литературе указывается, что различные сочетания этих свойств обеспечивают контроль поведения [9, 12], который легко соотнести с общим уровнем волевой регуляции поведения. Как известно, воля позволяет удерживать нужное направление деятельности и преодолевать препятствия. Поэтому

чем больше масштаб деятельности, чем сложнее её организация, тем важнее роль волевой регуляции.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что разным организационно-экономическим масштабам предпринимательской деятельности соответствуют, во-первых, разные структуры личностных свойств (их внутренняя интегрированность, содержание ядер структуры и связь между ядрами), во-вторых, разные уровни выраженности этих свойств у предпринимателей, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Таким образом, масштаб предпринимательской деятельности определяется и поддерживается не только социальными и прочими факторами, но и психологическими характеристиками личности.

Библиографический список

1. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
2. *Артемьева Т. И.* Категория возможности и действительности в психологии личности // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.
3. *Дейнека О. С.* Экономическая психология: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ ун-та, 2000.
4. *Джидарьян И. А.* Категория активности и её место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.
5. *Зеер Э. Ф.* Психологическая оценка профессионально-личностного потенциала субъекта предпринимательской деятельности. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2009.
6. *Клочко В. Е., Краснорядцева О. М.* Методологические основания операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы одиннадцатой Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010.
7. *Маклаков А. Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1.
8. *Марков В. Н.* Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. М.: РАГС, 2001.
9. *Мельников В. М., Ямпольский Л. Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М.: Просвещение, 1985.
10. *Мерлин В. С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
11. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
12. *Общая психодиагностика/под ред. А. А. Бодалёва, В. В. Столина.* М.: Изд-во МГУ, 1987.
13. *Платонов К. К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
14. *Проблемы экономической психологии/отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. Т. 2.

15. *Рубинштейн С. А.* Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. Т. 2.
16. *Суходольский Г. В.* Основы математической статистики для психологов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
17. *Толочек В. А.* Современная психология труда: учеб. пособие. СПб: Питер, 2008.
18. *Фернхем А., Хейвен П.* Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001.
19. *Чирикова А. Е.* Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 1.

ДИСПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ (ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ) ИГРАЮЩИХ В КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ С РАЗНЫМ ИГРОВЫМ ОПЫТОМ

.....

Н. В. Омельченко¹

В статье представлено эмпирическое исследование, цель которого — выявить диспозиционные особенности лиц с разным опытом компьютерных игр. В качестве рабочей гипотезы выступало положение о том, что игровой компьютерный опыт связан с определенными сочетаниями (паттернами) личностных черт и ценностных ориентаций субъекта. Получены усреднённые личностные профили групп, выделенных на основании игрового опыта (неиграющие, начинающие, опытные). Описаны межгрупповые статистически значимые различия по выраженности характерологических черт и ценностных ориентаций, определены конкретные сочетания личностных особенностей (черт личности и ценностных ориентаций) играющих, которые повышают вероятность увлеченности компьютерными играми.

Ключевые слова: компьютерные игры, игровой опыт, игровая компьютерная активность, личностные черты, ценностные ориентации.

The article presents an empirical survey with the aim to reveal dispositional features of people with different game experience. The test hypothesis is the following: computer game experience is related with certain personal traits patterns and value orientation of the subject. Average personality profiles of groups have been obtained basing on game experience (non-players, beginners, experienced). Described are intergroup statistically significant differences concerning characteristic traits and value orientation intensity; determined are players'personal traits combinations which high risk computer games passion.

Key words: computer games, game experience, computer play activity, personal traits, value orientations.

Компьютерные игры получили широкое распространение. Несмотря на широко обсуждаемую проблему игровой зависимости, их роль в жизни современного человека нельзя оценить однозначно. В числе позитивных функций

---

¹ Омельченко Наталья Владимировна – преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: psinv@mail.ru

компьютерных игр в научной литературе отмечается содействие процессам обучения, использование как средства помощи в социально-психологической адаптации, в коррекционно-развивающей работе с подростками, как средства профилактики и ослабления стресса у взрослых людей. Увлеченность играми (как нормальная, так и приводящая к игровой зависимости) может иметь различные психологические причины. Имеющиеся исследования по этому вопросу раскрывают некоторые психологические особенности игроков (эмоционально-волевой, мотивационной сферы, смысловых образований и пр.). Как отмечают С.К. Рыженко, М. Гриффитс, Ю.В. Фомичева, Ю.М. Евстигнеева, А.И. Шакирова [1; 6–8], существует личностная предрасположенность к увлеченности компьютерными играми, а с ростом игрового опыта взаимосвязь между личностными особенностями и игровой компьютерной активностью усиливается. Однако научных данных об индивидуально-психологических предпосылках такой увлеченности, о различных личностных паттернах, ее обуславливающих, пока недостаточно.

Цель представленного эмпирического исследования — выявить диспозиционные особенности (черты личности и ценностные ориентации) играющих с разным игровым опытом, который рассматривался как показатель вовлеченности в виртуальную игровую деятельность. В качестве рабочей гипотезы выступало положение о том, что игровой компьютерный опыт связан с определенными сочетаниями (паттернами) личностных черт и ценностных ориентаций субъекта.

Основой для обработки и интерпретации наших данных послужили работы А.А. Лузакова и Д.А. Марьяненко [3, 4], раскрывающих целесообразность рассмотрения характерологических черт и ценностных ориентаций в рамках общего понятия «черты личности». Выявленная указанными авторами специфика интраиндивидуальных связей между характерологическими чертами и ценностными ориентациями учитывалась нами в ходе дальнейшего исследования при изучении индивидуальных особенностей играющих в компьютерные игры.

В роли респондентов выступили студенты Кубанского госуниверситета различных специальностей (факультет управления и психологии, всего 118 чел. обоих полов (71 женщина и 47 мужчин). На первом этапе проводилось анкетирование на выявление игрового стажа. Респонденты были поделены на три группы: не имеющие опыта компьютерных игр (неиграющие) — 22 чел., с опытом игры до пяти лет (начинающие) — 43 чел. и с опытом игры более пяти лет (опытные) — 53 чел. Затем исследовались ценностные ориентации и характерологические черты респондентов. Для определения ценностных ориентаций использовалась методика Ш. Шварца (в адаптации В.Н. Карандашева) [2], для диагностики характерологических черт — личностный опросник NEO-PI-R [5].

Таблица 1

Особенности личностных черт и ценностных ориентаций в группах начинающих, неиграющих и опытных игроков в компьютерные игры

Группы респондентов	Личностные черты (основные и дополнительные шкалы теста NEO-PI-R)	Ценностные ориентации (шкалы методики Ш. Шварца)
Неиграющие	Экстраверсия*, самоконтроль, общительность, оптимизм, сердечность, настойчивость	Значимы ценности достижения, самостоятельности, гедонизма
Начинающие	Открытость опыту, Сотрудничество, добросовестность, застенчивость, доброжелательность, чуткость	Значима ценность гедонизма
Опытные	Экстраверсия, Открытость опыту, общительность, добросовестность, настойчивость	Значимы ценности гедонизма и достижения

* Основные шкалы теста NEO-PI-R начинаются с прописной буквы, дополнительные — со строчной.

Между группами неиграющих, начинающих и опытных были обнаружены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$ при использовании критерия Крускала — Уоллиса) по некоторым характерологическим чертам и ценностным ориентациям. Особенности личностных черт и ценностных ориентаций каждой группы игроков представлены в табл. 1.

Группа *неиграющие* отличается от других следующими ценностными установками. Результаты первой части методики («Обзор ценностей»), позволяющей выявить нормативные идеалы, ценности личности на уровне убеждений, показали превалирование ценности «достижение», и пониженное значение ценности «традиции». Согласно Ш. Шварцу, ценности достижения направлены на личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами, а традиции — на уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре.

Результаты второй части методики («Профиль личности»), изучающей ценности на уровне предпочитаемого социального поведения, выявили высокий вес ценностей гедонизма и самостоятельности. По Ш. Шварцу, мотивационная цель ценностей типа «гедонизм» определяется как наслаждение или чувственное удовольствие (удовольствия, наслаждение жизнью), а определяющая цель такого типа ценностей, как «самостоятельность», состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности.

При анализе личностных черт по модели «Большая пятёрка» было выявлено, что неиграющие экстравертированы, любят людей, предпочитают большие компании, напористы, активны, энергичны и любят поговорить. При этом они менее открыты опыту, имеют достаточно узкую сферу интересов и незначи-

тельную степень их интенсивности, не испытывают потребности в необычных впечатлениях, в социальном плане стремятся выглядеть консервативно (низкие показатели по шкале «Открытость опыту»). Эти субъекты способны сочетать в себе и усердие к работе, и стремление к отдыху и развлечениям. У них средний уровень самодисциплины, но на них можно положиться.

Анализ дополнительных шкал позволит более подробно рассмотреть характерологические черты неиграющих респондентов. Они в большей степени, чем начинающие, способны контролировать свои желания и побуждения, противостоять соблазнам, в том числе и игромании (низкие значения по импульсивности — N5). У неиграющих повышены показатели по субшкале «Сердечность» (E1). Данная шкала в наибольшей степени отражает межличностные отношения. Неиграющим свойственны нежность, дружелюбие, радушие, теплота и искренняя любовь к людям. В то же время они могут быть достаточно настойчивы и тверды в решении особо важных для них вопросов (высокая настойчивость — E5). Неиграющие предусмотрительны, эффективны и здравомыслящи, они чувствуют в себе способность разрешать житейские ситуации (выраженная компетентность — C1).

Результаты анкетирования показали, что все испытуемые этой группы имеют представления о компьютерных играх, многие даже пробовали играть, но игроками так и не стали. На наш взгляд, причина в особенностях их личности. Можно предположить, что эти субъекты, удовлетворяя свои потребности в межличностном взаимодействии за счёт тёплых дружественных контактов, не испытывают особой потребности в дополнительных стимулах и впечатлениях. Стремления к академическим и профессиональным достижениям способствуют их личностной самореализации. В связи с этим игра в компьютер не вызывает особого интереса.

В группе *начинающих* выявлены низкие значения ценности «традиции», т. е. уважения, принятия обычаев и идей, которые существуют в культуре, и высокие значения ценности гедонизма (наслаждение жизнью, удовольствия, отдых).

Достоверные различия по шкалам «Большой пятёрки» очень информативны и требуют детального рассмотрения. У начинающих игроков самые низкие показатели по экстраверсии. Они сдержаны в общении, предпочитают одиночество, избегают шумных больших компаний, ограничивают свои социальные контакты. На фоне этого достаточно высокие показатели по «Открытости опыту» могут говорить о склонности этих субъектов к самоанализу и рефлексии своих поступков и мыслей. Самые высокие показатели по шкале «Сотрудничество» свидетельствуют о том, что начинающие очень добродушные, мягкие и альтруистичные люди. Они симпатизируют и стремятся помочь другим.

Анализ дополнительных шкал дает нам более подробное описание личностного портрета этих игроков. Так, начинающие в отличие от неиграющих более формальны и сдержаны в общении (низкая сердечность — E1, общительность — E2). Видимо, это происходит по причине их застенчивости и робости (высокий балл по субшкале скромность — A5). При этом начинающие очень доброжелательны и внимательные к проблемам других (высокие баллы по альтруизму — A3), они с симпатией относятся к людям (высокая чуткость — A6). Респонденты данной группы чувствуют себя неуверенно при решении жизненных ситуаций (низкая компетентность — C1). В то же время начинающие игроки придерживаются своих этических принципов и скрупулезно выполняют свои моральные обязательства по отношению к другим людям и обществу (высокие показатели по субшкале «Послушность долгу»). Таким образом, можно сказать, что увлекаются компьютерными играми индивиды с определёнными личностными характеристиками. В частности, в эту группу попадают те, кто ищет способы бегства от жизненных проблем, средства повышения чувства собственной значимости или замещения нереализованных потребностей в тёплых, дружественных межличностных контактах. Невозможность получить удовольствие в работе или общении толкает людей на поиски чего-то нового, необычного, но доступного. И они находят компьютерные игры, которые не только удовлетворяют их потребности, но и дают им возможность почувствовать себя другими людьми.

Игрокам из группы *опытные* свойственна повышенная субъективная значимость ценностей гедонизма и достижения. Эти субъекты ориентированы на удовольствие, наслаждение жизнью. Показатели ценностных ориентаций на уровне предпочитаемого поведения также выявили предпочтение ценности достижения. Малозначимой ценностью для этих субъектов оказалась конформность. Это может свидетельствовать о том, что опытные игроки не склонны сдерживать и предотвращать действия, которые не соответствуют социальным ожиданиям или имеют негативные социальные последствия. Не исключено, что через игры агрессивного, аморального содержания играющие находят для себя возможность проявить подавленную тёмную сторону своей личности. В игровой реальности субъект может совершать дурные, асоциальные поступки без боязни порицания, наказания со стороны общества.

Анализ характерологических черт опытных играющих показал следующие отличительные особенности. У них самые высокие показатели по шкале «Экстраверсия», они также имеют высокие показатели по шкале «Открытость опыту». Это означает, что им интересно усваивать новые знания, идеи и чувства. Они обладают эстетическим вкусом и чувством прекрасного, быстро впитывают новые идеи, ценности и отличаются нестандартностью своих взглядов. У окружающих могут вызывать любопытство — их воспринимают как оригинальных и интересных людей. При этом опытные не доверяют другим и склон-

Таблица 2

Личностные черты и ценностные ориентации опытных респондентов с различным уровнем игровой компьютерной активности (ИКА)

Группы респондентов	Личностные черты	Ценностные ориентации
Опытные с низкой ИКА	Уравновешенность, устойчивость к стрессовым ситуациям, стремление к успеху, доминирование	Значимы ценности стимуляции, достижения, власти
Опытные со средней ИКА	Импульсивность, общительность, активность, открытость опыту, склонность к фантазиям, эстетический вкус	Значимы ценности гедонизма, доброты
Опытные с высокой ИКА	Экстраверсия, тревожность, нервозность, настойчивость, скромность	Значима ценность безопасности

ны оценивать большинство людей, которые им встречаются, скорее с отрицательной, чем с положительной стороны, об этом свидетельствуют низкие показатели по шкале «Сотрудничество». Кроме того, респонденты с большим опытом игры обладают такими качествами как целеустремленность, решительность и непреклонность, они пунктуальны и надежны (высокие данные по шкале «Добросовестность»).

Сравнительный анализ на уровне субшкал NEO-PI-R с другими эмпирическими группами показал, что опытные игроки предпочитают большие и шумные компании (высокая общительность — E), при этом они не склонны испытывать безграничную любовь к людям и довольно прохладны в общении (низкая сердечность — E1 на фоне низких показателей по шкале «Сотрудничество»). Когда необходимо, в решении важных для себя вопросов они могут быть самоуверенными и настойчивыми (высокий показатель настойчивости — E3). При этом они склонны к манипулированию, хитрости или лукавству (низкая честность — A2). Такую тактику они считают необходимым социальным навыком, а честность и прямолинейность отождествляют с наивностью. Во взаимоотношениях они склонны конкурировать, коллективное дело могут превратить в соревнование, о чём свидетельствуют низкая уступчивость (A4). Кроме того, опытные — практичные люди, они расчётливы и не склонны поддаваться состраданию.

Для них характерны глубокие и дифференцированные эмоциональные состояния и переживания (высокие баллы по субшкале «Чувства» — O3). Испытуемые обладают высокой активностью, которая проявляется в готовности к различным экспериментам, необычным переживаниям и ощущениям (высокий показатель действия — O4). Они могут работать без отдыха, если от этого зависит исход дела. Такие тенденции могут отражаться и в компью-

терных играх, когда игроки, забыв об усталости, выполняют какое-нибудь игровое задание или проходят очередной уровень.

Примечательно, что опытные различаются между собой по уровню игровой компьютерной активности, каждая из выделенных групп имеет свои диспозиционные особенности (табл. 2).

Респонденты с низкой игровой активностью эмоционально стабильны. Они обычно спокойны, уравновешены и расслаблены. В стрессовых ситуациях способны не поддаваться панике и не расстраиваться. Имеют несколько притупленные чувства и не придают эмоциональным состояниям большого значения. Стремятся к личным достижениям, личному успеху при межличностном взаимодействии и к доминированию в рамках социальной системы — к социальной власти, богатству, общественному признанию.

Респонденты со средней игровой активностью склонны к получению от жизни удовольствий и наслаждений. Не стремятся к власти в рамках социальной системы, спокойно относятся к личным успехам и достижениям. Не испытывают уважения к традициям и обычаям, к групповым нормам, принятым в обществе. Не считают нужным сдерживать свои склонности ради других, быть вежливыми, дисциплинированными, уважать и слушаться старших. Не испытывают потребности в переживании глубоких чувств, получении новых и глубоких переживаний. Они используют фантазии и яркое воображение для создания собственного интересного внутреннего мира для ухода от стресса.

Респонденты с высокой игровой активностью — представители этой группы полны опасений, боязливы, склонны к беспокойству, нервозны, напряжены и пугливы. Их эмоциональная сфера богата и разнообразна и играет важную роль в их жизни. Такие люди восприимчивы к своим чувствам и имеют их гораздо больше, чем средний человек. У этих людей более глубокие и дифференцированные эмоциональные состояния, они переживают как счастье, так и несчастье более интенсивно, чем остальные. На фоне тревожности у представителей этой группы высока потребность в безопасности, для них важны стабильность в обществе и во взаимоотношениях. По этой же причине для таких людей важны традиции, обычаи, групповые ценности, которые дают им ощущение надежности и служат гарантией выживаемости. Позитивные взаимоотношения важны в отношении ближайшего окружения к себе, по отношению к другим этот тип не чувствует ответственности в сохранении их благополучия, что говорит об их эгоистичной направленности. По сравнению с другими группами наблюдается низкая ценность достижений, они не испытывают потребности проявлять социальную компетентность, не стремятся к личному успеху при непосредственном взаимодействии.

Можно сказать, что сам по себе опыт игры не является причиной высокой игровой активности и возможной игровой компьютерной зависимости. Так, среди опытных игроков есть те, кто играет время от времени (низкая ИКА),

и те, кто всерьез увлечен компьютерными играми и проводит за игрой большую часть своего времени. Полученные данные показывают, что ко второй группе чаще относятся респонденты с высокой потребностью в социальных контактах, но в силу своих личностных черт (эгоизм, конкурентность, неспособность поддерживать теплые, дружеские отношения) испытывающие трудности во взаимоотношениях с другими людьми. Аналогичные данные получены С. М. Рыженко [6], однако автор говорит о проблеме взаимоотношений как о следствии увлеченности играми. Но мы склонны полагать, что имеет место так называемая круговая причинность: субъект уходит в компьютерные игры, не найдя способов решения своих проблем в отношениях, но затем эти проблемы могут еще более усугубляться, потому что субъект уже не находит времени и сил для их решения.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие *выводы*.

1. Существуют статистически значимые различия личностных черт респондентов с различным опытом игры.

Так, *неиграющим* респондентам свойственны: самоконтроль, общительность, оптимизм, жизнелюбие, удовлетворенность реальным миром, наслаждение жизнью, способность самовыражаться в реальных аспектах мира.

Группа *начинающих* игроков неоднородна, условно ее можно разделить на тех, кто играет время от времени ради развлечения, и тех, кто имеет предрасположенность к серьезному увлечению компьютерными играми. У последних выражена ценность гедонизма (стремление к развлечениям и отдыху), у них низкая потребность в достижениях, ограниченность социальных контактов по причине робости и застенчивости. Погружение в виртуальный мир компьютерных игр является своего рода компенсацией социальных проблем субъекта.

Опытные игроки общительны (но их общение лишено эмпатии), не нуждаются в теплых дружеских контактах, склонны к конкуренции, готовы к различным экспериментам, тяготеют к обыденности. Благодаря богатой фантазии и стремлению к самореализации в чем-то новом и необычном им скучно и тесно в реальном мире, и они ищут большего.

2. Опытные игроки различаются между собой по уровню игровой компьютерной активности, каждая из выделенных групп имеет свои диспозиционные особенности:

— респонденты с низкой ИКА отличаются значимостью таких ценностей, как стимуляция, достижение, власть, характеризуются сочетанием уравновешенности, устойчивости к стрессовым ситуациям, стремления к успеху;

— для респондентов со средней ИКА имеют значимость гедонизм, доброта, характерно сочетание таких личностных черт, как открытость опыту, импульсивность, общительность, активность;

— респонденты с высокой ИКА отличаются значимостью ценности безопасности, характеризуются сочетанием таких личностных черт, как экстраверсия, тревожность, ранимость, настойчивость.

Библиографический список

1. *Евстигнеева Ю. М.* Психологические особенности обращения к компьютерным играм в подростковом возрасте: дис.... д-ра психол. наук. М., 2003.
2. *Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
3. *Марьяненко Д. А.* К проблеме целостности личности: интраиндивидуальные связи ценностных ориентаций и личностных черт // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1.
4. *Лузаков А. А.* Субъект социального познания: к проблеме взаимосвязи личностных черт, ценностных ориентаций и семантических пространств межличностной перцепции // Психология личности и её бытия: теория, исследования, практика/под. ред. З. И. Рябикиной, А. Н. Кимберга, С. Д. Некрасова. Краснодар: КубГУ, 2005.
5. *Орел В. Е., Сенин И. Г.* Личностный опросник НЕО-PI-R: руководство по применению. М.: НПЦ «Психодиагностика», 2004.
6. *Рыженко С. М.* Психологическое воздействие на игровую компьютерную зависимость младших подростков: дис.... канд. пед. наук. Краснодар, 2009.
7. *Фомичева, Ю. В., Шмелев А. Г., Бурмистров И. В.* Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1991. № 3.
8. *Griffiths M. D.* Violent video games and aggression: a review of the literature // Aggression and Violent Behaviour. 1998. № 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Аннотация. Рукопись должна включать аннотацию статьи объемом не более 800 знаков, содержащую описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования), и список ключевых терминов (не более десяти). Аннотация и список ключевых терминов предоставляются на русском и английском языках.

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« ____ » _____ 20__ г.

_____ подпись, заверенная печатью